

АВТНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕРГИЕВО-ПОСАДСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ»

На правах рукописи

Гончарова Алина Алексеевна

**ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА:
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Специальность 09.00.03 – История философии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Анисимов Анатолий Степанович

Сергиев Посад

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ИДЕИ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	15
1.1 Генезис философии языка в эпистемологии Античности.....	15
1.2 Средневековая экзегеза как фундамент современной лингвофилософии.....	34
1.3 Специфика схоластической философии языка.....	45
Глава II. ДИАЛЕКТИКА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	62
2.1 Эволюция лингвистических идей в контексте соотношения языка и мышления в философии Проторенессса.....	62
2.2 Формирование социально-политического и социокультурного направлений в философии языка Ренессанса.....	73
2.3 Философия языка Северного Возрождения как идейная основа Реформации.....	85
Глава III. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ВЕКТОРОВ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ	99
3.1 Идея создания искусственного языка в контексте поисков универсального языка в эмпиризме.....	101
3.2 Обоснование предпочтения естественного языка в качестве универсального в рационализме.....	115
3.3 Влияние философии языка V-XVII вв. на современную лингвистическую философию.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	146
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Понимать язык – значит понимать мир, другого, себя, свою культуру, историю, именно поэтому Ж. Делёз говорил о величии языка, которое состоит в том, что он «схватывает чистое событие¹». В настоящее время, особенно с переходом к информационному обществу, мы наблюдаем негативные тенденции в области языка: упрощение, обесмысливание, обесценивание, уничтожение, в то время как «язык – это не внешнее проявление мысли, но сама мысль²». Мы оказались перед угрозой дегуманизации общества и необходимостью пересмотра проблем языка, которые исследуются на протяжении веков. Кроме того, мы видим следующие причины актуальности обращения к истории философии языка.

Во-первых, ориентация философской мысли на проблемы языка, заданная лингвистическим поворотом в XX века, в XXI веке укрепились, что выразилось в применении соответствующих принципов и методов для исследования прочих областей. Иными словами, понятие языка распространилось за пределы лингвистической науки, и через его призму рассматриваются разнообразные философские проблемы – социальные, культурные, этические, политические.

Во-вторых, в последние десятилетия в философии наметилась тенденция к конвергенции антагонистических в прошлом философских направлений, как и в современной науке в целом. Результатом этого процесса становится формирование новых философских направлений, в частности, универсальной философии. В ее рамках человек предстает как объект мегаэволюции – качественного нового состояния ноосферы. Язык при этом рассматривается как внебиологический инструмент социального наследования и материализа-

¹ Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз / Пер. Я.Я. Свирского. – М.: Академический проект, 1998. – С. 48.

² Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко / Пер. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб: А-сad, 1994. – С. 112.

ции идеальной информации, заключенной в человеческом мышлении³. Такой подход к сущности данного феномена обуславливает необходимость углубленного изучения предшествующих исследований в области диалектики языка и мышления для уточнения места языка как феномена в формирующейся современной научной картине мира.

В-третьих, особо следует подчеркнуть актуальность исследования философии языка в контексте эпистемологических изысканий обозначенного нами периода – от Античности до Нового времени. Термин «философия языка» был закреплен в философском дискурсе в начале XX века М.М. Бахтиным, который предложил метод философского анализа как синтеза филологического, лингвистического и литературоведческого анализа.

Однако очевидно, что сама философия языка развивалась на протяжении веков, претерпевая детерминированные определенными философскими тенденциями трансформации. Тем не менее от Античности до Нового времени философия языка рассматривается довольно поверхностно. Мы считаем, что глубокое осмысление современных лингвофилософских концепций в историко-философском контексте невозможно без комплексного анализа взглядов мыслителей предшествующих эпох.

Стоит обратить внимание на важную закономерность. В отечественной практике в контексте историко-философского процесса можно выделить три фундаментальных направления исследований в области философии языка.

1. От Античности до XVI века основными объектами философствования, в рамках которых затрагивались проблемы языка, являются античный Логос, в котором заключены важнейшие закономерности бытия, имена вещей у Платона, категории как свойства субстанции у Аристотеля, протосемантика Секста Эмпирика, концепция вербального творения мира в патри-

³ Югай Г.А. Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и революция в философии / Г.А. Югай. – М.: Крафт+, 2007. – 400 с.

стике. Иными словами, проблемы языка рассматриваются только в онтологическом аспекте.

2. С установлением равноправия теории познания и онтологии актуализировались такие проблемы, как место языка в структуре сознания, его гносеологический статус. Таким образом, философия языка приобрела гносеологическую ориентацию.

3. После лингвистического поворота спектр философия языка получила официальный статус, и проблематика ее затрагивала как онтологические, так и гносеологические аспекты.

Однако такое разграничение довольно условно, следовательно, оно не позволяет полноценно изучить и осмыслить механизм эволюции лингвофилософской мысли. Соответственно, отклонение от обозначенной схемы открывает новые ракурсы для изучения истории философии языка и процесса ее становления. Поэтому выбранная тема диссертационного исследования затрагивает довольно актуальную проблемную область.

Степень разработанности проблемы. Осмысление феномена человеческого слова, речи, взаимосвязи языка и мышления мы находим у античных мыслителей: у софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, а также стоиков в лице Хрисиппа. В период патристики проблема философии языка получает свою экспликацию у Диодора Тарсийского и Аврелия Августина. В эпоху Средних веков она отражена в трактатах схоластов Ансельма Кентерберийского, Пьера Абеляра, Жана Буридана, Уильяма Оккама и Иоанна Дунса Скота.

Существенный вклад в формирование философии языка внесли мыслители Проторенессанса Данте Алигьери, Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо, представители итальянского Возрождения Коллуччо Салютати, Лоренцо Валла, Пьетро Бембо, Бальдассаре Кастильоне, а также философы Северного Возрождения Эразм Роттердамский, Иоганн Рейхлин, Жак Лефевр д'Этабль и Уильям Тиндейл.

Наконец, в Новое время наиболее примечательны труды по философии, затрагивающие проблемы языка, Френсиса Бэкона и находившихся под его влиянием Джорджа Дальгарно, Джона Уилкинса, Томаса Гоббса, а также Яна Амоса Коменского; не меньшую ценность представляют разработки Рене Декарта и Антуана Арно.

Отметим ряд современных исследователей, сосредоточивших свои интересы на проблематике, близкой нашей теме. В данной области успешно работали как отечественные, так и зарубежные философы, филологи, лингвисты.

В последние годы рядом современных авторов проводились исследования основных аспектов ранней философии языка. Среди них особого внимания заслуживают, прежде всего, Лолл Наута (философия языка Л. Валлы), Брюс Мецгер (текстология Э. Роттердамского), Авраам Соломоник и Гидо Гильони (философия языка Ф. Бэкона) Дэвид Тимз (философия языка У. Тиндэйла), Роберт Стиллман (философия языка в Англии XVII века), Ален Бадью и Жак Деррида (философия языка Р. Декарта), Э.А. Тайсина (теория познания и философские вопросы семиотики), Фриман Генри (философия языка во Франции с XVI века), Сиобхен Чапман (ключевые представители философии языка от Античности до XX века), Сильвен Ору (история лингвистических наук). Их исследования внесли неоспоримый вклад в изучение философии языка, поскольку они затрагивают проблемы, получившие актуальность задолго до лингвистического поворота.

Также существует ряд работ, без рассмотрения которых невозможно было бы полноценное исследование нашей темы. Эти работы составляют определенный фундамент, отправную точку для глубокого изучения, выбранного нами направления философии языка. Среди советских и российских ученых в той или иной степени проблемы философии языка от Античности до Нового времени на фоне истории философии в целом представлены в трудах А.Ф. Лосева, П.П. Гайденко, А.Л. Доброхотова, В.А. Канке, А.С.

Шохова, А.А. Столярова, Е.П. Блаватской, А.Х. Горфункеля, Г.В. Вдовиной, Е.Я. Басина. Не меньшего внимания заслуживает и литература по истории языкознания, в которой эпизодически рассматриваются элементы философии языка (авторы – Л.Г. Зубкова, М.В. Лебедев, И.П. Сусов, Н.С. Автономова, Н.Б. Мечковская, С.П. Маркиш, А.М. Королевич, С.К. Милославская, Т.А. Амирова).

Нельзя не отметить и работы представителей смежных научных областей – истории, искусствоведения (Л.М. Брагиной, А.К. Дживелегова, Н.В. Ревякиной, А. Д. Михайлова), которые помогли создать более прочную базу по исследуемой нами проблематике.

Определенный интерес представляют для нас также частные исследования в области ранней философии языка А.В. Душина, А.Н. Муравьева, Т.В. Литвина, О.К. Пирогова, А.В. Карабыкова, О.Н. Дьяченко, Е.Н. Лисанюк, С.В. Сахневича, а также в области мышления – Д.К. Куликова, С.П. Лебедева, иеромонаха Геннадия (Полякова), Г. Ионкис.

Особо стоит отметить работы Л.Г. Степановой, Т.В. Якушкиной, Л.И. Жолудевой, затрагивающие лингвистические проблемы итальянского Возрождения (периода, который, на наш взгляд, в философской литературе освещается недостаточно). Труды этих авторов позволяют получить широкое представление о ключевых языковых вопросах данного периода и рассматривать их в комплексе с философскими исследованиями для формирования объективной лингвофилософской картины того времени.

Труды таких зарубежных авторов, как Аллен де Либера (проблема мышления в Средневековье), Эудженио Гарин (язык как одна из центральных проблем итальянского Возрождения), Ренс Бод (история гуманитарных наук), Закари Хатчинс (проблемы первоязыка), Уильям Бернс (универсальный язык в контексте научной революции), Джозеф Суббиондо (проблема универсального языка в Великобритании XVII века), раскрывают важнейшие аспекты учений, включающих в себя концепцию взаимосвязи языка и мышления.

Кроме того, они позволяют проанализировать направления философской мысли, в рамках которых разрабатывались проблемы языка.

Несомненно, все рассмотренные нами работы внесли серьезный вклад в становление философии языка, однако они затрагивают лишь отдельные вопросы в рамках выбранной нами области, и по-прежнему остается немало актуальных проблем, решение которых требует дополнительных исследований. Так, в большинстве случаев используется слишком широкий подход, не позволяющий, например, дифференцировать направления философии языка и проследить процесс их развития. В целом до сих пор отсутствуют философские исследования, в которых были бы комплексно рассмотрены проблемы языка непосредственно в выбранном нами ракурсе до XVII века. Более поздний период в историко-философском контексте нами не рассматривается, поскольку далее (в частности в немецкой классической философии) гносеологическая направленность работ, затрагивающих проблемы языка, становится более очевидной.

Объектом исследования является философия языка от Античности до Нового времени.

Предметом исследования являются философские концепции со времен Античности до XVII века, в рамках которых проблемы языка эпизодически освещались в рамках различных проблематик: риторических, психологических, этических, текстологических, социальных, культурологических, педагогических.

Цель данного диссертационного исследования состоит в исторической реконструкции истории философии языка заданного периода, базирующейся на исследовании концепций гносеологической направленности.

Достижение этой цели предполагает необходимость решения следующих задач:

- раскрыть специфику философии языка Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени и проанализировать существенные особенности, определившие специфику каждого течения;

- провести классификацию направлений лингвофилософской мысли Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени и эксплицировать критерии этой классификации;

- проследить процесс эволюции выявленных течений на протяжении обозначенного периода в целом;

- провести сравнительный анализ концепций философии языка, сформировавшихся в период от Античности до Нового времени, с фундаментальными положениями современной лингвофилософии;

- проанализировать преемственность идей рассмотренного нами периода и современной лингвистической философии.

Методологической базой исследования послужили такие фундаментальные методы, как:

- исторический, который позволил на основе критического анализа первоисточников выявить специфику философии языка Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени;

- типологический, который дал возможность провести классификацию направлений лингвофилософской мысли обозначенного периода;

- диалектический, который позволил рассмотреть объект исследования в развитии, а также проследить процесс эволюции выявленных течений и преемственность идей;

- компаративный, с помощью которого был проведен сравнительный анализ концепций философии языка, сформировавшихся в период от Античности до Нового времени, с фундаментальными положениями современной лингвофилософии.

При анализе первоисточников и трудов современных авторов были использованы методы первичного и вторичного анализа данных соответствен-

но. Выявлению и анализу отдельных лингвофилософских идей способствовало применение системно-функционального метода. Синтез полученных результатов сделал возможным раскрытие истоков генезиса современной философии языка.

Диссертационное исследование базируется на принципах:

– объективности, который позволяет провести непредвзятый и всесторонний анализ выявленных положений без отрыва от гносеологических, политических, культурных и иных условий, а также учесть не только эпистемологические, но и онтологические, этические и методологические аспекты;

– историзма, который дает возможность последовательного рассмотрения лингвофилософских идей нескольких эпох и установления путей их развития;

– системности, который реализован в привлечении не только философских трудов, но и результатов научных исследований в области филологии, культурологии, истории, этики.

Структура и объем диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Она содержит 175 страниц, текст иллюстрирован 3 таблицами и 8 рисунками. Список использованной литературы включает 165 наименований, из них 25 на иностранных языках.

Научная новизна данного диссертационного исследования состоит в следующем:

– выявлена специфика философии языка отдельных периодов: в Античности проблемы языка не выносились за рамки этики, риторики, психологии; в Средневековье философия языка носила герменевтический характер, в эпоху Возрождения ее развитие детерминировалось культурными и политическими факторами, а в Новое время поиски универсального языка выступают главным вектором всей философии языка;

– дана классификация течений философии языка Античности и Средневековья, Ренессанса и Нового времени по предмету философствования, также для отдельных периодов выделены собственные критерии: для Античности и Средневековья – доминирующее положение языка или мышления, для Ренессанса – предпочитаемый язык и характер применения языка, для Нового времени – критерий познавательного подхода;

– представлена схема, отражающая процесс эволюции лингвофилософской мысли от ее зарождения до Нового времени, установлены генетические связи между течениями;

– определено влияние мыслителей рассматриваемого периода на формирование современной философии языка (в частности, герменевтику, аналитическую философию, структурализм, в которых идеи, заложенные в рассмотренные нами периоды, получили развитие и научное обоснование);

– представлены схемы, отражающие преемственность идей по следующим направлениям: герменевтика, структурализм, философия знака, аналитическая философия.

На защиту выносятся следующие новые и содержащие элементы новизны основные положения:

1. Философия языка оформилась в самостоятельную отрасль философии в Средневековье под влиянием необходимости герменевтической адаптации религиозных текстов к эллинистическому миропониманию (в патристике) и попыток использовать возможности человеческого разума для доказательства истин Откровения (в схоластике). Процесс развития философии языка в эпоху Ренессанса определяется культурными и политическими факторами, в частности необходимостью формирования навыков критического мышления у членов общества и подготовки Реформационного движения. В Новое время главный вектор работ в области философии языка представлен поисками универсального языка, которые ведутся в двух направлениях – эмпирическом и рационалистическом. Это обуславливает формирование двух

основных точек зрения на природу унифицированного средства научной коммуникации (искусственный язык или доминирование одного из естественных).

2. Направления философии языка каждого из рассматриваемых периодов можно дифференцировать по предмету философствования. Кроме того, течения философии языка Античности и Средневековья можно классифицировать в соответствии с тем, мышлению или языку отводится в этих учениях определяющая роль, Ренессанса – по характеру применения языка и по предпочитаемому языку, занимающему доминирующую позицию в трудах мыслителей, Нового времени – по критерию познавательного подхода, как и гносеология в целом.

3. Благодаря проведенным классификациям течений философии языка от Античности до Нового времени, рассматривающих проблемы языка во взаимосвязи с мышлением, появилась возможность схематически представить процесс эволюции данного направления философской мысли и установить генетические связи между направлениями.

4. Между идеями философии языка от Античности до Нового времени и сущностными принципами современной лингвофилософии имеются прямые соответствия. В частности, речь идет о гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа-Вайсгербера, рассмотрении языка в качестве определяющего фактора национальной специфики мышления (В. Гумбольдт), герменевтике (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, А. Бёк, Э. Бетти, П. Рикёр), структурализме (К. Леви-Стросс), аналитической философии (Л. Витгенштейн), семиотике (Ч. Моррис), семиологии (Ф. Соссюр) и проблеме универсального языка.

5. Методы толкования антиохийского направления нашли отражение в герменевтике А. Бёка и в дальнейшем стали основой для учений В. Дильтея и Э. Бэтти. Разделение методов толкования на феорию и историю прослеживаются в герменевтике Ф. Шлейермахера, выделявшего объективную и субъек-

тивную сторону текста. Идеи Августина Аврелия и Ансельма Кентерберийского получили развитие в феноменологической герменевтике П. Рикёра. Концепция эволюции языка Данте и Пьетро Бембо оказал влияние на работу В. Гумбольдта, а в дальнейшем – К. Леви-Стросса. Идея мудрости красноречия Ф. Петрарки получила научное изложение у Н. Хомского, а впоследствии развивалась в семиотике Ч. Морриса и семиологии Ф. Соссюра. Идея границ языкового познания Дж. Боккаччо оформилась в гипотезу лингвистического относительности Сепира-Уорфа-Вайсгербера, а вместе с представлением Ф. Бэконом языка как фальсификатора опыта она отразилась в аналитической философии Л. Вигинштейна, призывавшей преодолевать языковое влияние, и физикалистском редукционизме Р. Карнапа.

Теоретическая и практическая значимость. Проведенное диссертационное исследование представляет собой комплексное изучение истории философии языка. Оно демонстрирует эволюцию ее направлений и может способствовать дальнейшему развитию данной отрасли философии и разработке новых концепций и детализации существующих.

Практическая значимость исследования обусловлена принятием Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481, целью которой является продвижение родного языка как «фундаментальной основы гражданской самоидентичности», а также совершенствование образовательного и культурного единства и установление эффективного межкультурного диалога. Одной из задач, поставленной для достижения этой цели, является улучшение условий для развития методического потенциала в сфере обучения языку⁴. Материалы данного исследования могут быть использованы для

⁴ О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020 годы: постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. №481// Собрание законодательства РФ. – 2015. – №21. – Ст. 3118.

разработки учебных пособий, учебных программ и курсов лекций не только по философии, но и теории языка.

Кроме того, полученные результаты могут применяться в исследовательской деятельности для более глубокого изучения истории философии языка, вопросов взаимосвязи языка и мышления, а также проблемных областей смежных наук (языкознание, культурология, история).

Личный вклад автора заключается в проведении комплексного исследования истории философии языка от Античности до Нового времени, выделении ряда направлений философии языка и представлении схемы эволюции данной области философской мысли.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается:

– опорой на первоисточники и труды мыслителей от Античности до Нового времени и современных исследователей философии языка и смежных отраслей науки;

– применением в процессе проведения диссертационного исследования адекватных научно-методологических подходов;

– апробацией результатов исследования.

Апробация результатов исследования. Основные результаты данного диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры гуманитарных дисциплин в 2013-2015 гг., международных и всероссийских конференциях, а также были опубликованы в 10 рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ (общий объем публикаций – 4,8 п. л.).

1. ИДЕИ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.1 Генезис философии языка в эпистемологии Античности

Проблема мышления затрагивалась в трудах философов начиная с эпохи Античности. Первые гносеологические идеи принадлежат Анаксимандру. Однако более подробному анализу феномен мышления был подвергнут в трудах Ксенофана, по мнению которого только сила разума дает людям возможность познавать сущность мира. Причину тому он видел в ложности ощущений и обманчивости чувств. При этом философ не отрицал вероятности того, что разум также способен обманывать, поэтому человеческое познание он признавал все же субъективным и ограниченным. Тем не менее, с точки зрения Ксенофана, именно мышление как познавательная деятельность человека могло постепенно приблизить его к постижению истины⁵.

«Истины точной никто не узрел и никто не узнает

Из людей о богах и о всем, что я только толкую:

Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось,

Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает»⁶.

Таким образом, идеи Ксенофана предшествовали возникновению скептицизма, оформившегося в полноценную школу под руководством Пиррона. Тем не менее отметим, что соотношение бытия и мышления впервые в истории философии стало предметом философской рефлексии в трудах элеатов, которые, в отличие от своих предшественников, которые мыслили бытие, не ставя перед собой вопроса его познания⁷.

Поскольку в трудах Ксенофана проблема познания разрабатывалась недостаточно глубоко, первым античным философом, в чьих работах нашла

⁵ См. Гриненко Г.В. История философии: Учебник / Г.В. Гриненко. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – С. 55.

⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / А.В. Лебедев. – М.: Наука. 1989. – С. 173.

⁷ См. об этом: Гайденко П. П. История греческой философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. – Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – С. 51.

отражение проблема мышления, можно назвать Гераклита. Он обращает внимание на многочисленные трудности, встающие на пути к познанию перед человеком, а также на то, что предмет изучения неисчерпаем. Его фраза «*Природа любит прятаться*»⁸ обобщенно выражает отношение философа к познанию, которое человеку дается нелегко: вещи сами по себе не дают ответов на вопросы, и для достижения истинной природы явлений нужно приложить большие усилия. Одновременно люди имеют обыкновение обманываться относительно видимых вещей. Очевидно, Гераклит придавал большое значение именно мышлению, а не поверхностному накоплению знаний. С одной стороны, «*многого знатоками должны быть любомудрые мужи*»⁹, но при этом «*многознание обладанию умом не научает*»¹⁰, то есть познание нельзя было сводить к коллекционированию знаний. Философ противопоставляет ему углубленное понимание единства противоположностей, которое таится от внешних взглядов¹¹.

Гераклит подчеркнул такую важную сторону противоречия бытия, как изменение вещей. Изменяемость он видел устойчивым атрибутом природы, а все изменения, по мнению философа, происходили, следуя определенному устойчивому порядку. Отсюда Гераклит пришел к выводу о том, что Вселенной управляет разум – космическая сила, Логос, обладающий свойством бесконечности. И именно разумность мира обуславливает скрытую под покровом видимых дисгармоний «наипрекраснейшую гармонию». Противоречия этого мира взаимодополняют друг друга и связываются определенным образом так, что образуется эта самая гармония¹².

⁸ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – С. 192.

⁹ Там же, с. 191.

¹⁰ Там же, с. 196.

¹¹ См. Асмус В.Ф. Античная философия. Учеб. Пособие / В.Ф. Асмус. – Изд. 2-е, доп. – М.: Высшая школа, 1976. – С. 40.

¹² См. Татаркевич Вл. История философии: Пер. с польск. [Электронный ресурс] / Пер. В.Н. Квасков. – Библиотека «Куллиб» [Сайт]. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/5722/read#t11> (дата обращения 17.11.2013).

Как позже напишет Э. Кассирер, противоречия – это отражение в языке проявления противоположностей в бытии. Когда в языке опровергается то или иное высказывание, утверждение сменяется отрицанием, человек раскрывает внутреннюю структуру бытия, выявляет законы его функционирования. Кроме того, Э. Кассирер, проводя параллель между упомянутой нами выше изменчивостью вещей и языковым многообразием, отметил, что, если каждый отдельный объект, по Гераклиту, пребывает в непрерывном становлении, то это применимо и к слову. Внутренняя многозначность слов подтверждает текучесть границ языка, что в свою очередь, индуктивно доказывает и изменчивость бытия¹³. Стоит отметить, что подобная идея впервые проявилась в сочинениях Секста Эмпирика, анализировавшего критерии истины и выразимость сущего в словах¹⁴.

Не все философы разделяли убеждение в возможности использования диалектики в качестве метода познания мира. Парменид стал первым противником диалектики, утверждая, что мир един, следовательно, неподвижен. Множество и движение, по его мнению, фиксировались чувствами, неспособными объективно отразить все сущее, поэтому помыслить множественность невозможно.

То, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим

[«тем, что есть»], ибо есть — бытие,

А ничто – не есть: прошу тебя обдумать это¹⁵.

Так Парменид пришел к выводу, что бытие едино и неизменно, а существует лишь то, что познаваемо и может быть выражено в языке. В то же время небытия не существует, ведь помыслить ни о чем невозможно. Эта идея легла в основу учения Парменида о соотношении бытия и мышления.

¹³ Цит. по: Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык / Э. Кассирер. – СПб: Университетская книга, 2002. – С. 54.

¹⁴ Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Общ. ред. А. Ф. Лосева. / Пер. с древнегреч. – Т. 2. – М.: «Мысль», 1976. – С. 177.

¹⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – С. 288.

Стоит отметить, что в трудах Парменида впервые упоминается проблема соотношения языка и мышления:

*«...Да не побудит тебя на него многоопытный навык
Оком бесцельным глазеть, и слушать ухом шумящим,
И языком ощущать. Рассуди многоспорящий довод
Разумом, мной приведенный»¹⁶.*

При этом как мыслимо только сущее, так и мысль без бытия ничто, а человек как существо, наделенное высшей степенью телесной организации, достиг и высшей степени развития мышления.

Через мышление человек имеет способность постигать сущее. *«А если, – сказал Парменид, – все другие вещи, как ты утверждаешь, причастны идеям, то не должен ли ты думать, что-либо каждая вещь состоит из мыслей и мыслит все, либо, хоть она и есть мысль, она лишена мышления?»¹⁷.*

Демокрит также делал акцент на истинность познания мира, основанную на разуме, однако сам мир он видел абсолютно с другого ракурса. В любой части (материи) есть и пустое, и полное, причем одно из них (плотное) – сущее, а другое (разреженное) – несущее¹⁸. Согласно его точке зрения, небытие существовало наравне с бытием и представляло собой некую пустоту. Бытие же образовывалось внутри этой пустоты: каждый предмет являл собой лишь определенное сплетение атомов. Органы чувств не способны постичь ни атомы, ни пустоту: им доступны только некие иллюзорные образы, которые испускает все сущее. Истинная картина мира, по мнению философа, могла быть постигнута только через мышление, при этом чувственность являлась началом познания. Разумное познание философ называл *gnome gnesie*

¹⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – С. 296.

¹⁷ Платон Парменид // Диалоги Платона / С ком. А.Ф. Лосева [Электронный ресурс]. – Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры [Сайт]. – Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/24parme.htm> (дата обращения: 7.11.2013).

¹⁸ Аристотель Метафизика/ Аристотель / Пер. и примеч. А.В. Кубицкого. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1934. – С. 46.

(т.е. светлым) и противопоставлял его чувственному *gnome skotie* (т.е. темному), поскольку только первое способно постичь суть вещей, осмыслив существование атомов и пустоты между ними. В целом познание он характеризует как трудный путь («*истина скрыта на дне глубокого колодца*»)¹⁹. Стоит также отметить, что восприятие упомянутых иллюзорных образов Демокрит трактовал как удваивание вещей в душе человека, в чем и заключался парадокс познания. Работа разума, с точки зрения философа, состояла в формировании системы, включавшей знание отдельной вещи, ее образа и их места в целом мире²⁰.

На основе вышесказанного мы приходим к выводу, что в досократический период проблема мышления рассматривалась философами лишь через призму онтологии. Все вопросы, касающиеся мышления, ставились в тесной связи с вопросами постижения бытия. Мифологические представления уже не соответствовали познавательным потребностям: философы стремились переосмыслить глубокие мировоззренческие основы, опровергнуть стереотипы и представить новые способы изучения мира. Стали различаться уровни его осмысления – обыденный, где доминировали органы чувств, дававшие представление, отличное от объективной картины (мнение), и философский, где ведущая роль отводилась деятельности разума. На основе стремления познать сущее формировалась культура мышления. Именно благодаря актуализации вопроса возможностей человеческого разума и, в частности, мышления в эту эпоху сформировались фундаментальные философские проблемы. Правоммерно заключить, изменение культуры мышления, ее трансформация и выход на новый уровень обусловили первый перелом в теории познания и философии в целом.

¹⁹ Цит. по: Виц. Б.Б. Демокрит / Б.Б. Виц. – М.: Мысль, 1979. – С. 89-91.

²⁰ См. Комаров А.И. Античная философия (Демокрит, Платон) и проблема творчества/ А.И. Комаров // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – №2(2). – С. 55-63.

Хотя в досократический период мы обнаружили первое свидетельство установления связи между мышлением и языком, об эманации философии языка из философской мысли в целом на данном этапе утверждать нельзя. Л.Г. Зубкова подтверждает факт синкретичного восприятия языка и мышления во времена Античности, когда миропонимание в целом было внеличным, и люди рассматривались как неотъемлемые компоненты природы. В то время философия языка не дифференцировалась от теории познания, и мыслители не выделяли язык как самостоятельный предмет философствования. Даже если лингвистические закономерности вскрывались, они воспринимались как онтологические или отождествлялись с ними. Тем не менее, как утверждает исследователь, именно античные философы сформулировали центральную лингвистическую проблему – соотношение языка и мышления. Мыслители той эпохи обращались к вопросам языка с целью постижения основных форм мышления, его законов и принципов²¹. Более того, в греческой культуре мыслить о языке – значило думать о мышлении как таковом. Поэтому правомерно вести поиски истоков философии языка в античных учениях, так или иначе касающихся проблемы мышления в его взаимосвязи с языком.

Новую ступень становления философии, которая начинается с обозначенного нами выше переломного момента, следует начать рассматривать с учения софистов. Они установили, что натуралистически-вещественное оперирование категориями, присущее их предшественникам, заводит в тупик. Если разрабатывать вглубь принципы досократовского натурализма, по мнению софистов, можно обнаружить абсолютное ничто.

Но представители данного философского направления решили обратиться в происхождении этих апорий и кардинально изменили интенцию

²¹ См. об этом: Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии: Учеб. Пособие / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 31-37.

своих исканий: они стали рассматривать проблему бытия не как проблему первопричины всего сущего, а как проблему сознания. Именно в философии софистов были предприняты первые попытки элементарного рефлексирования. Античный дух не стал ограничиваться созерцанием внешнего мира – он обратился на самого себя²².

Детального рассмотрения заслуживает новшество, привнесенное софистами в философию благодаря качественному изменению культуры мышления. Они стали первыми, кто сосредоточился на проблеме языка, речи. Софисты впервые предприняли попытку систематизировать приемы умозаключений, сконцентрировали свое внимание именно на языке как орудии достижения цели, поскольку слово можно использовать по собственному усмотрению, согласно выгоде. В работе неизвестного софиста «Двойкие речи» доказывается, что одно и то же явление может трактоваться как позитивное и как негативное («...победа хороша для победителя, но плоха для проигравших»), как истинное или ложное: «...то, в чем есть примесь лжи, есть ложь, и то, в чем есть примесь правды, есть правда»; одно и то же действие – как приличное и как постыдное («...прилично женщинам мыться дома, но постыдно делать это в палестре (гимнастической школе)»), как справедливое и как несправедливое («...Или нарушение клятвы. Если человек, захваченный врагом, поклялся предать свой город в обмен на свое освобождение, справедливо ли будет, если он сдержит клятву? Лично я так не думаю, ведь вместо этого он спасет свой город, своих друзей и храмы предков, нарушив свою клятву. Так что очевидно, что нарушение клятвы также справедливо»)²³.

Софисты поняли, что для защиты любой, выгодной в той или иной ситуации, точки зрения нужно обладать специфическими способностями и умениями

²² См. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т.2 Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969. – С. 48.

²³ Dissoi Logoi: Two-Fold or Contrasting Arguments (Circa 425 BCE) [Electronic resource]// Т.М. Robinson's Contrasting Arguments: An Edition of the Dissoi Logoi. – New York: Arno Press, 1979. – URL: http://www.constitution.org/gr/dissoi_logoi.html (date of access: 12.04.2014).

ем менять направленность мыслительной деятельности. Предрасположенности к оперированию абстракциями, концентрации на объекте и проницательности уже было недостаточно. Полемические способности не ограничивались глубоким знанием предмета: способность представить неожиданный аргумент в выгодном для оратора значении превалировала.

Обучение развитию речи стало главной задачей деятельности софистов. В основу такого обучения была положена идея относительности, то есть невозможности существования единой абсолютной истины. Нередко образовательная деятельность софистов сводилась к риторике и развитию красноречия в рамках подготовки к политической деятельности²⁴. Стоит подчеркнуть, что для софистов был характерен релятивизм, поскольку они не только являлись учителями мудрости, но и умели продать свое искусство. Таким образом, при помощи языковых средств истиной они могли провозгласить любую идею. Поэтому накопление полемического инструментария стало для них целью знания и одновременно выступало его ценностью.

А.В. Душин в своем исследовании называет софистов основателями интеллектуального образования, указывая на то, что их философская деятельность риторикой не ограничивалась (при этом он признает недостаток предметных знаний в подобном образовательном процессе). Они призывали использовать интеллект вместо того, чтобы прислушиваться к предсказаниям или собственным чувствам. Свободное мышление, по мнению софистов, должно было помочь людям изыскать базовые принципы, которые помогут правильно оценивать действительность, а также сделать их самостоятельными субъектами, способными формировать собственные убеждения²⁵.

Интересна и точка зрения А.А. Ивина, который утверждает, что до софистов окружающий мир рассматривался через призму языка, но они смогли

²⁴ См. Гайденок П. П. История греческой философии в ее связи с наукой. – С. 96-97.

²⁵ Подробнее см. Душин А.В. Софисты как основатели интеллектуального образования / А.В. Душин // Вестник ВЭГУ. – 2012. – №1(57). – С. 98-103.

трансформировать его в непосредственный объект исследования. Впервые отношение к языку стало формальным, его восприятие – структурным, а мысль, оторванная от соответствующего ей объекта, была сосредоточена непосредственно на слове²⁶.

Из сказанного становится очевидным, что софисты превознесли, с одной стороны, риторические способности, хорошо развитую речь, умение аргументированно доказывать свою точку зрения, а с другой – свободное мышление, без которого иметь и высказывать личное мнение невозможно. Это стало первым подтверждением наличия объективной взаимосвязи языка и мышления. Полемический процесс представлялся софистам оптимальной возможностью для представления результатов деятельности разума. В то же время они доказали, что важным признаком мыслящей личности является владение силой языка. Переориентация исканий софистов на анализ человеческого сознания в античной философии и положила начало науке, которая сейчас называется филологией.

Деятельность досократиков утвердила автономию разума и объективную важность результатов мышления. В заданном направлении развивалась философская мысль Сократа, в центр которой он поставил рассудок, переставший отныне быть лишь средством постижения истины. Сократ выделил вопрос рассудка из более широкой темы, затрагивавшей человека. Одной из причин для этого выступил тот факт, что индивидуальный разум имеет большее отношение к добродетели, которую Сократ ставил во главу угла. Знание добра, по мнению философа, совпадало одновременно и с благочестием, и с точным знанием²⁷.

Сократ совершил в философии настоящую революцию, объявив натурфилософию практически безразличной для человека. Он первым придал ра-

²⁶ См. Ивин А.А. Философия коллективного творчества. История, язык, мораль, религия, игры, идеология и др. / А.А. Ивин. – М.: Проспект, 2017. – 430 с.

²⁷ Цит. по: Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии / А.Л. Доброхотов. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – С. 15-16.

зумному началу человека первостепенное значение, тем самым предоставив этике главенствующую роль и потеснив физику²⁸. Философия стала «экзаменом для души», с помощью которого можно было выявить правду, честность, мудрость. Сдать этот экзамен можно было, умело пользуясь мышлением, преимущественно диалектическим. Вначале, считал Сократ, нужно освободиться от иллюзий и прийти к выводу, выраженному в знаменитом высказывании философа «Я знаю, что ничего не знаю». Помочь в этом способно такое сильнодействующее средство, как ирония, которую можно охарактеризовать как знание незнания. После прохождения этой стадии душа готова породить истину²⁹.

Сократ был уверен, что причина зла заключалась в незнании. Согласно его концепции, стремление к злу может быть лишь неосознанным, ведь человек по природе своей не способен сотворить худшее, если знает, как поступить лучше. Злые деяния же имеют под собой неблагоприятную основу в виде несовершенных представлений. Постижение верных, базирующихся на добре представлений Сократ видел путем к добродетельному поведению.

Таким образом, возникал вопрос поиска критериев истинности, которые выступили бы как гарантии добра. Если основанием человеческих представлений является речь, то объектом исследования становятся слова. Сократ призывал изъять содержание, воспринимаемое чувственностью, что способствовало бы освобождению слов от многозначности и относительности. Определить мысль для философа значило ограничить значения слов, а достичь знания – выявить чистые, исключительно логические, значения слов³⁰.

Сократ акцентировал внимание на взаимосвязи мышления и речи, которая выражалась в ведении диалогов. Позже Платон отметит, что никакие

²⁸ См. Канке В.А. Философия / В.А. Канке. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2007. – С. 27-28.

²⁹ Платон Апология Сократа [Электронный ресурс] / Платон / Пер. М.С. Соловьева, 1903 г. – Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/apologia.htm> (дата обращения 02.11.2013).

³⁰ Подробнее см.: Лебедев С.П. Логическая природа сократовского знания / С.П. Лебедев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №56. – С. 28-33.

книги не заменят продуктивной беседы, они являются лишь подражанием диалогу: «...стоит только изъять то, что говорит поэт от себя в промежутках между речами, и оставить лишь обмен речами³¹».

Метод Сократа изначально использовался как инструмент для совершенствования теорий, позволявший уточнять определенные положения или объяснять их значение публике. В дальнейшем он стал использоваться в разнообразных сферах, где главенствующую роль играет вербальная коммуникация, – от дискуссионных исследований до теории и практики менеджмента, от педагогики до психотерапии. Сущность метода Сократа почти не изменилась более чем за 2000 лет: используя веками, он прошел надежную эмпирическую проверку и доказал свою эффективность. Философ выстраивал в ходе диалога такую логическую цепочку умозаключений, чтобы оппонент вынужден был соглашаться с каждым аргументом. При этом своего мнения Сократ не навязывал, напоминая, что он «ничего не знает». Он тщательно работал над содержанием высказываний своего собеседника и задавал вопросы, которые вводили того в состояние ауторефлексии (то есть оппонент анализировал собственные аргументы). В результате к концу беседы с философом человек осмысливал все ошибки собственного суждения и принимал иную точку зрения, придя к ней, по сути, самостоятельно. Так Сократ, используя диалоги, заставлял людей думать, рефлексировать, оценивать свои мысли и поступки³².

Сократ совершил очередной переворот в философии, назвав сущностью человека его душу, которая, в свою очередь, представлялась способностью быть добродетельным и проявлять мыслительную активность. Философ актуализировал мышление в этическом аспекте и через него установил связь

³¹ Платон Государство. Кн. 3 Роль поэзии в воспитании стражей / Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 875.

³² Цит. по: Шохов А.С. Структура ментального мира классической Греции [Электронный ресурс] / А.С. Шохов. – Новосибирск, 1993. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schov/03.php (дата обращения 10.10.2013).

между добродетельными (а также недобродетельными) представлениями людей и их речью. Диалог благодаря этому философу стал не только специфической формой межличностной коммуникации, но и катализатором мыслительной деятельности и, как следствие, рационального познания. Таким образом, мы обнаруживаем еще одно проявление концепции связи мышления и языка – в этическом аспекте.

Платон разделял точку зрения Сократа о том, что истина содержится, обнаруживается и раскрывается в душе человека. Однако он не отрицал и наличия *«правильных мнений»*, которые возникают на бессознательном уровне. На практике такие мнения могут оказаться полезными, но в душе их могло и не быть. Однако в душе, по мнению философа, нечто истинное должно присутствовать постоянно, чтобы направлять ее действия, а для этого все *«правильные мнения»* человеку нужно было *«связать вычислением причин»*. Этот поиск постепенно вел к познанию истины: человек погружался в себя настолько, что достигал *«первоначального единства»*, а вместе с ним – возможности познать все. Платон считал, что научиться – это то же самое, что и вспомнить, а кто вспомнил единое, тот в силах открыть и все остальное:

«А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно³³».

Сопоставляя эти воспоминания, душа ведет безмолвное рассуждение и тем самым стремится к истине. Она спрашивает саму себя и самой себе же отвечает, постепенно приходя к тому или иному мнению. Изрекаемую мысль философ называл процессом рассуждения, изреченную – его результатом, а сам этот беззвучный диалог души с самой собой – рассудком. Рассудок, по

³³ Платон Менон / Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 82.

Платону, – разумное мышление, возникающее в виде внутренней речи³⁴. При этом, как отмечает Э.А. Тайсина, мысленное отражение какого-либо объекта или явления имеет с последним лишь сходство, однако идентичным ему быть не может. Соотношение их можно охарактеризовать как диалектическое, а недостающим звеном в получаемой триаде выступает знак, которая в диалоге Платона «Кратил» представляется не просто как единица языка, но и как «эвристическое орудие мысли»³⁵. Платон подчеркивает, что «*мастер имен – только тот, кто обращает внимание на присущее каждой вещи по природе имя и может воплотить этот образ в буквах и слогах*³⁶».

Сказанное позволяет заключить, что в учении Платона обнаруживается оригинальный взгляд на связь мышления и речи. Хотя к проблеме он подходит с ракурса, противоположного тому, что использовал Сократ, тем не менее фундаментальные идеи обеих концепций схожи. Платон делает акцент на внутреннем диалоге, который рождает разумное мышление, ведущее к «воспоминанию» душой истины. Речь здесь отождествляется непосредственно с мыслительной деятельностью: «*...ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать*³⁷».

Аристотель глубже развил мысль о «рассуждающей душе». В его учении в форме силлогических умозаключений реализовалось человеческое мышление, которое отличалось от деятельности высшего Ума, реализующего в себе интуитивное постижение первоначал. Платон отождествлял безмолвный диалог души с самой собой с дианоией (рассудком). У Аристотеля в дианоия предстает как «*умение говорить существенное и уместное в речах*».

³⁴ См. Муравьев А.Н. Логос и диалог: Платон о начале и методе познания / А.Н. Муравьев // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. – 1997. – № 1. – С.56.

³⁵ Цит. по: Тайсина. Э.А. Философские вопросы семиотики / Э.А. Тайсина / Под ред. И.С. Нарского. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб: Алетейя, 2015. – С. 18-19.

³⁶ Платон Кратил / Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 391.

³⁷ Платон Менон. – С. 82.

«Это то, чем доказывается, будто нечто есть или нет, или вообще что-то высказывается³⁸».

Высший же Ум, выступающий началом знаний и знанием начал, является интуитивным, и связанное с ним мышление не смешивается с постигаемым, «действующее начало всегда благороднее страдательного, и изначальная сила выше материи³⁹». Следовательно, по Аристотелю, мышление реализовалось в двойкой направленности: как высшая разумная способность и как предметное приложение. В первом случае оно в речи невыразимо и выступает полностью интуитивным, созерцательным, во втором, напротив, мышление является дискурсивным и влечет за собой определенные поступки⁴⁰.

Аристотель говорил, что высказанные слова «в звуко сочетаниях – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звуко сочетаниях». Так же как у всех людей разные почерки, и речи их звучат неодинаково. Однако ментальный опыт, который эти слова напрямую отражают, по своей сущности одинаков для всех, как и вещи, которые олицетворяют этот самый опыт. Появляющиеся в душе мысли не содержат в себе правдивого или ложного смысла, а уже в речи они должны быть либо правдой, либо ложью. Любая речь, по мнению Аристотеля, имеет определенное значение, однако его нельзя назвать естественным. Речь «обозначает, как было сказано», то есть значение носит конвенциональный характер⁴¹.

Просто имена и глаголы без связывания или разъединения не могут считаться правдой или ложью. Отдельное слово, например, «человек» или «белый», не может стать ни тем, ни другим. Аристотель приводит в пример

³⁸ Аристотель Поэтика / Аристотель // Сочинения в 4 томах / Под ред. А.И. Доватура, Ф.Х. Кессиди. – Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 653.

³⁹ Аристотель О Душе / Аристотель / Пер. и прим. П.С. Попова. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С. 97.

⁴⁰ Подробнее см.: Куликов Д.К. Проблема мышления в философии Аристотеля / Д.К. Куликов // Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки. – Ростов-н/Д: Типография Сармат, 2011. – С. 90-94.

⁴¹ Аристотель Об истолковании / Аристотель // Сочинения в 4 томах / Под ред. З. Н. Микеладзе. – Т.2. – М.: Мысль, 1978. – С. 93-94.

слово «трагелаф» («козлоолень»): оно обладает смысловым значением (животное из чистых скотов), но пока мы не добавим к нему другое слово – указывающее на то, существует он или нет, – об истинности или ложности высказывания говорить нельзя.

Имя – это лишь сочетание звуков, обладающее условным значением, не имеющее привязки ко времени. В природе его нет, а возникает существительное тогда, когда становится обозначением какого-либо предмета. Глагол же обозначает еще и время, к тому же он всегда является обозначением для сказанного о другом (подлежащем). Когда эти две независимые части соединяются, получается такой отрезок речи, как высказывание, несущее в себе истинностную или ложную нагрузку⁴².

Таким образом, с точки зрения Аристотеля, имена существительные представляют собой набор звуков, выражающих человеческое восприятие вещей. Их содержание приближено к содержанию опыта души. Глаголы же служат для обозначения свойств и взаимосвязей вещей, которые имеют место в определенное время.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что дианойя – это выраженное языком мышление, материалом для которого являются представления. Но представления в душах разных людей сходны по своей сути, поэтому могут сводиться к неким стандартным выражениям. И Аристотель считал, что для этого служат слова: он называл их знаками представлений в душе. Философ утверждал, что звуки в процессе ассоциации становятся обозначением мыслительных опытов и превращаются в слова.

В итоге рассмотрения данного вопроса подчеркнем следующее. Аристотель, как и его предшественники, акцентировал внимание на объективной связи человеческого мышления и речи, он провел грань между высшим Умом

⁴² Aristotle De Interpretatione / Aristotle // Categories and De Interpretatione / Translated by J.L. Ackrill. – Oxford: Clarendon Press, 2002. – P. 43-47. (перев. авт. дисс.).

и умом человека, а последнему отвел свойства дискурсивности и предметной направленности. Философ представил слова как выражение опыта души, при этом имена имеют больше общего с ощущениями, тогда как глаголы позволяют делать умозаключения об истинности или ложности высказанного. Развивая исследования речевых структур и поиска критериев истинности, Аристотель одним из первых мыслителей затронул проблемы толкования текстов, тем самым придав особое значение проблеме языка.

Далее исследовать взаимосвязь языка и мышления продолжили стоики. В их учениях содержание высказываний представлялось как синтез эмоций, понятий и чувственных представлений человека и рассматривалось диалектически. Высказанная мысль, с точки зрения стоиков, соответствовала разумным представлениям, которые присущи лишь разумным существам. В то же время разумным представлением можно назвать только то, которому находится вербальное выражение. При этом стоики не отождествляли *«разумное представление»* и *«высказывание»*: содержание речи, по их мнению, отличается от образа в сознании, но образует с ним особую сущность. Мысль, находящую выражение в речи в силу своей специфической организации, стоики называли Λεκτόν (лектон)⁴³.

А.Ф. Лосев в работе *«Ранний эллинизм»* особо обращает внимание на роль понятия «лектон» в стоической философии. По его мнению, лектон обуславливает уникальность воззрений стоиков, выделяет их из прочей античной философии, в частности позволяет дать нестандартную для своего времени трактовку Вселенского Логоса. В отличие от платонической идеи, понятие которой субстанционально, о лектоне нельзя сказать, что он существует или не существует. Он являлся лишь мыслительной конструкцией в адиафорном (безразличном, не играющем роли в достижении блага) представлении, ли-

⁴³ См. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения / М.В. Лебедев. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 12-13.

шенной метафизического существования. Лектон включает в себя атрибуты физической вещи, суждения о них и связи между этими суждениями.

При этом А.Ф. Лосев отмечает, что понятие «лектон» нельзя соотносить с мышлением, поскольку последнему присуще действие, а лектон *«ничего не творит, не делает, не создает»*. Он трактует лектон как *«соответствие смысловому представлению»*, которому свойственна имманентная истинность⁴⁴.

Связь между реальной вещью, смыслом, который она обозначает, и знаком, транслирующим этот смысл, была положена в основу стоической диалектика:

1. Знак = обозначающее (дион).
2. Обозначаемый смысл = то, что высказывается (лектон).
3. Реальная чувственная предметность, раскрывающая себя в каталептическом представлении.

Согласно учению стоиков, идентичные смыслы могут выражаться по-разному, что тождественно различию естественных языков. Кроме того, по их наблюдениям, детская речь является «внешней», поскольку в ней не выражаются фиксированные смыслы. Дело в том, что дети, не освоившие синтаксис, еще не владеют механизмом связывания слов, следовательно, не знают, как корреспондируются лектоны. А именно правильная импликация является некоторой гарантией осмысленности мироздания. В целом же разумные существа способны четко сообщать содержание своего сознания другим таким же разумным существам и оказывать на них воздействия словами⁴⁵. Таким образом, у стоиков мы обнаруживаем диалектическую связь языка и мышления.

⁴⁴ Цит. по: Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М.: «Издательство АСТ», 2000. – С. 115-119.

⁴⁵ Фрагменты ранних стоиков. Т.2: Хрисипп из Сол. Часть 1. Логические и физические фрагменты/ Пер. и ком. А. А. Столярова. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – С. 73-74.

В поисках размышлений на тему взаимосвязи языка и мышления стоит особое внимание обратить на учение Хрисиппа, для которого эта тема была одной из центральных. Сосредоточившись на духовной сфере, он анализировал языковые структуры, что помогло ему продвинуться в изучении природы знаков. Он обратил внимание на разграничение лексического и логического значений знаков, отдельно рассматривая семантику и логический синтаксис. Постепенно он пришел к выводу о принципиальной роли языка в способности мышления к обобщению.

Речь, по мнению философа и его последователей, свободна лишь относительно и не может развиваться в произвольном порядке, поскольку связана с мышлением и определяется законом его последовательности. Именно по этой причине мышление может адекватно отражать действительность, а люди – общаться и понимать друг друга.

В мышлении Хрисипп выделял два компонента – когнитивный и коммуникативный, а мыслительный процесс рассматривал с психологической и содержательной точки зрения. Спустя века К. Поппер скажет, что стоики «открыли третий мир, наряду с миром тела и души»: язык, будучи выражением субъективного психического состояния индивида, можно отнести к духовному миру, но нельзя исключить и его принадлежность к физическому миру звука⁴⁶. Иными словами, у Хрисиппа мы обнаруживаем связь языка и мышления в психологическом аспекте.

В результате анализа античных источников можно констатировать тот факт, что в античной теории познания, когда формировались фундаментальные направления философии, проблема мышления приобрела особую актуальность. В центре интересов философов оказалось разумное познание, доминирующее над чувственным. И хотя они сосредоточились на мышлении,

⁴⁶ Цит. по: Степанова А.С. Философия Древней Стои / А.С. Степанова. – СПб: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 1995. – С. 160-161.

однако всестороннее его рассмотрение нередко приводило к проблеме языка, его роли в мыслительной и познавательной деятельности, в духовной жизни человека. Это позволяет заключить, что генезис философии языка действительно наблюдается в античной теории познания⁴⁷.

⁴⁷ См. об этом: Гончарова А.А. Генезис лингвистической философии в эпистемологии Античности / А.А. Гончарова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2(62), Т 4. – С. 120-125.

1.2 Средневековая экзегеза как фундамент современной лингвофилософии

Метафизическое основание философии периода патристики заключается в понимании бытия как Слова. В теизме, мир сотворен Богом словом (И сказал Бог: да будет свет. И стал свет (Быт. 1:1)). Филон Александрийский в попытке философски осмыслить данный постулат отметил, что в первую очередь Бог создал мир идей, который выступил идеальным началом мира физического. Этот мир идей – «интеллигибельный космос» – и есть Логос Бога. Логос понимался не только как слово, но и как совпадающее с самим Богом связующее начало, формирующее и упорядочивающее все сущее⁴⁸.

А. де Либера утверждает, что ассимиляция философии в Средние века происходила в некотором роде путем идентификации с обществом прошлого. Философ нередко воспринимался как университетский преподаватель философских учений, а сама философия, будучи формой концептуального мышления, распространялась на все области университетской деятельности. Также де Либера считает, что именно к Средним векам относится генезис аналитической философии, основателями которой он называет теологов. В их учении прослеживаются попытки логико-лингвистического толкования явлений, формируется культура критического мышления.

Профессор акцентирует внимание на агонистическом (от др.-греч. ἀγών – борьба) характере университетской мысли Средневековья. Она была полностью подчинена закону дискуссии, предметом которой выступала борьба веры и разума. Тем не менее конфликт веры и разума, по мнению Де Либера, нельзя назвать центральной проблемой мышления этого периода. В зависимости от своей дисциплины, философы и богословы выполняли заранее

⁴⁸ Цит. по: Яхьяев М.Я. Средневековая мудрость и идеалы Возрождения (Очерк развития философской мысли) / М.Я. Яхьяев // Вопросы философии. – 2002. – №3. – С. 112.

предписанные им функции и автоматически занимали свои места. Первые оказывались на стороне разума, вторые – на стороне веры⁴⁹.

Философия, несмотря на сложившиеся тенденции, сохранила интенцию на проблему мышления. На фоне этого значительное распространение получила и философия языка. Представители патристики уделяли должное внимание связи языка с мышлением как неотъемлемому свойству человека. С позиции толкования и трансляции идей Священного Писания интерес для Отцов Церкви, которым надлежало переосмыслить античные учения, представляли познавательная и коммуникативная функции языка. Иногда наследие древнегреческой и древнеримской философии приходилось осваивать заново, опираясь на бесспорный авторитет Священного Писания.

Учение о языке трактовалось как подраздел богословия, выступавший средством целостного постижения мира той эпохи. Стоит отметить, что возможность вербального творения Богом мира в патристике отрицалась. Наряду с этим человеку приписывалась неразрывная связь ума, души и слова. При этом особого внимания заслуживает «внутреннее слово» характеризующееся как способность мыслить опыт веры без произнесения вслух. Идея внутренней речи имела ключевое значение для исихастов на Востоке, на латинском Западе она стала фундаментальной темой философской мысли. Сокрытое слово трактовалось как максимально устремленное к познанию Бога.

В Средневековье язык стал интерпретироваться как средство объективизации, дискретного представления и познания мира. Владение языком Отцы и Учители Церкви (как на Западе, так и на Востоке) заменяли синонимами «разумнословесность» и «словесноразумность», что позволяло сделать акцент на фундаментальное различие между человеком и животным. Сущность человека они видели в единстве души и тела, а язык представлялся един-

⁴⁹ Цит. по: De Libera A. *Penser au Moyen Âge* / A. De Libera. – Paris, Éd. du Seuil (Chemins de pensée), 1991. – P. 104-105. (перев. авт. дисс.).

ством телесных звуков и значений. В противоположность этому патристика не признавала существования бестелесных иллюзорных «ангельских языков». При этом речевой акт не мог ограничиваться одним говорящим: он должен был включать также слушающего и воздушную среду, служащую для распространения звука. Подобная точка зрения была обусловлена предназначением языка передавать мысли одного индивида другим⁵⁰. При этом подчеркнем, что данная функция языка в Средневековье ключевой не являлась. Для мыслителей и патристики, и схоластики он в первую очередь выступал средством познания истин Откровения.

В эпоху ранней патристики актуализировалась необходимость адаптации христианства к эллинскому ощущению мира. Обосновывая содержательный компонент христианского вероучения, Отцы и Учители Церкви продолжали использовать язык эллинистической философии. Тем не менее возникла необходимость выявить в Божественном Откровении универсальный и фундаментальный смысл для придания ядру христианства свободы и возможности адекватного выражения. В связи с этим уместно обратить внимание на биполярность мысли раннего Средневековья. С одной стороны, имелась потребность в познании Творца, Высшей Мудрости, этических принципов христианства, а с другой стороны – вера, не предполагающая разумного обоснования. Таким образом, религиозные истины нуждались в разумном прояснении.

Следуя обозначенной тенденции, текст Священного Писания постепенно приобрел статус неоспоримого источника истины, исходной точки для любого теоретизирования и конечной объяснительной инстанции. Согласно фундаментальному тезису патристики, истина заключена в Священном Писании, отсюда главная задача истинного философа, коим мог быть признан

⁵⁰ См. Сусов И.П. История языкознания [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – Библиотека «Гумер» [Сайт]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_04.php (дата обращения: 27.02.2014).

только теолог, заключалась в правильном понимании и разъяснении этой истины. Из этого положения сформировалась и новая функция философской мысли – экзегеза священного текста, а, следовательно, центральным методом философствования стала интерпретация Божественного Откровения во всей совокупности ее способов. Так было положено начало религиозно-философской герменевтике⁵¹.

Ряд исследователей придерживается концепции, предполагающей дуализм методик толкования текста Священного Писания. Тенденция к разделению возникла с формированием экзегетических школ на Востоке: александрийской и антиохийской. Различия их заключались в подходах к интерпретации текстов Священного Писания. Принципы толкования, сложившиеся в вышеназванных школах, со временем распространяются в период патристики и на латинском Западе.

Одно из центральных мест отводилось доктрине Аврелия Августина, которая принципы христианского учения совмещала с идеями неоплатонизма. Но не меньшее внимание уделяется так называемой библейской герменевтике, в которой нашел отражение исторический процесс, принципы и методы формирования богословских оснований в толковании Писания. Этой традиции приписывается роль методологической основы всей экзегетики в целом. Она опиралась на ветхозаветные школы, использовавшие такие приемы, как мидраш, агада, галаха и пещер. Составление канона книг Ветхого Завета и примеры их систематического толкования соотносятся с именами реформаторов Неемии и Ездры, которые придали закону Моисееву роль базиса в иудейском законодательстве.

Мидраш – метод толкования, суть которого заключается в сравнении положений закона Моисеева через согласование их с другими предписания-

⁵¹ Столяров А.А. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья / А.А. Столяров. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 281.

ми, тематически приближенными. Для него характерен отрыв от общего контекста, обусловленный чрезмерным вниманием к мелким деталям.

Агада – метод толкования, основанный на пересказе и дополнении исторически достоверных сведений комментариями интерпретаторов. В качестве этих комментариев могли использоваться как мистические откровения или личные догадки, так и детали устных преданий, сказаний и легенд.

Галаха – метод толкования, целью которого является как можно более точная интерпретация закона Моисеева применительно к каждому конкретному жизненному эпизоду. Для галахического толкования были сформулированы 13 правил, которые систематизировал раввин Исмаил бен-Элиша.

Пещер – метод толкования, распространенные среди палестинских иудеев, предполагающий связь библейских событий с современными ситуациями, наделенными пророческим контекстом. Интерпретатор при этом погружает себя в ощущения «последних дней» и дает комментарии с эсхатологической окраской.

Используя данные методы антиохийского направления, толкователи стремились к формальной точности, нередко жертвуя смысловым компонентом. Сторонники же методов александрийского направления предпочитали подходить к толкованию аллегорически. При этом изначально такой подход был избран с целью облегчения понимания заповедей для язычников. Но в дальнейшем александрийские методы были одобрены богословскими школами официально⁵².

Противоречие между двумя подходами особенно подчеркивалось Диодором Тарсийским, утверждавшим, что Писание – не притча, следовательно, иносказаниям в нем места нет. По мнению этого экзегетика антиохийского направления, библейские сказания реалистичны, а аллегии разрушают их

⁵² Цит. по: Литвин Т.В. О влиянии христианской традиции толкования священного писания на герменевтику Г.-Г. Гадамера / Т.В. Литвин // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2012. – Т. 13. – С. 63-74.

смысл. Библейское толкование должно быть историчным и чисто излагать происходившее. Для этого Диодор предлагал использовать два метода интерпретации – феорию (созерцание) и историю (последовательное изложение). Сторонником феории как метода толкования библейских текстов был Иоанн Златоуст. Созерцание он считал базисом экзегетики, но допускал применение символического или аналогического толкования. Иоанн в большей степени отошел от сухого буквализма, присущего ряду представителей антиохийского направления.

Современные исследователи отмечали, что указанные выше два метода позволяли узреть в текстах Священного Писания двойной смысл: через феорию – духовный, который через письменный текст передает сам Бог, а через историю – буквальный, воспринятый автором-составителем текста⁵³.

А теперь обратимся к александрийскому подходу к толкованию религиозных текстов, последователи которого придерживались аллегорического метода. Его видным представителем был Августин Аврелий, ставший одним из первых авторов законченного семиотического учения. Идейной базой этого учения выступил синтез платонических воззрений и традиции раннего христианства. К истинной мудрости, как считал Августин, вел сложный и многоэтапный путь. В своем сочинении «О христианском учении» он обозначает семь ступеней, к ней ведущих.

1. Страх. Для познания божьей воли *«нужно обернуться страхом»*, который *«возбуждает мысль о нашей смертности»* и *«пригвозждает к крестному древу всякое проявление гордыни»*.

2. Благодетствие. *«Нужно сделаться кротким и не прекословить Божественному писанию»*, *«думать и верить в то, что написанное в нем лучше и истиннее, даже если оно неясно»*.

⁵³ Цит. по: Пирогов О.К. Экзегетические методы свт. Иоанна Златоуста в его толковании на послание св. Ап. Павла к римлянам / О.К. Пирогов // Христианское чтение, 2009. – № 9-10. – С. 68-99.

3. Знание. До испытания на этой ступени может дойти лишь тот, кто усердно стремится к изучению Божественного Писания. Познание через него любви к богу *«созидает человека, не превозносящего себя, но горько на себя сетующего»*.

4. Отвага. До этого этапа человек добирается с божественной помощью, которой добивается усердными молитвами. Здесь он *«жаждет праведности»*, *«избавляется от всякой смертоносной вещной привлекательности»* и *«нацеливается на любовь к вечному»*.

5. Милосердие. Человек *«очищает бунтующую душу»* от страсти к низкому, совершенствуется в любви к ближнему и наполняется надеждой и силами.

6. Очищение сердца. Человек может видеть Бога настолько, насколько могут его узреть умирающие для этого мира. Сердце больше не предпочитает истине самого себя, следовательно, не сможет от нее отворотиться.

7. Мудрость. *«Умиротворенный и успокоенный»* человек достигает своей цели и может ею *«наслаждаться»*.

Особое значение Августин Аврелий придавал ступени, именуемой «Знание». До испытания на этой ступени может дойти лишь тот, кто усердно стремится к изучению Божественного писания. Познание через него любви к Богу *«созидает человека, не превозносящего себя, но горько на себя сетующего»*. Августин утверждал, что исследователь божественного Писания изначально должен прочесть все его книги (или как минимум канонические). Даже не понимая их, он должен получить хотя бы несовершенное представление. Далее философ советовал сосредоточиться на том, что преподносится в них относительно ясно, и исследовать эти моменты более тщательно. Ознакомившись ближе с языком Писания, нужно открыть то, что в нем *«темно»*, и продолжить изучение с помощью обсуждений: верным мыслям отводить сомнения, а неясным оборотам приводить вразумительные примеры для объяснения.

Рассуждая о причинах непонимания текстов Писания, Августин приходит к проблеме языка. Смысл написанного, по его мнению, скрыт либо за нераспознанными, либо за двусмысленными знаками. Знание языков философ называл лекарством против неведомых знаков. Бесконечное многообразие латинских переводов могло привести к сомнению, а для его преодоления Августин рекомендовал постигать Писание еще на двух языках – еврейском и греческом.

Если читатель будет равнодушен, несходство переводов будет только способствовать более глубокому познанию. В его душу западет нечто значимое и из одной версии перевода, и из другой. Если же нечто в переведенных знаках будет человеку неизвестно и заставит его колебаться, исследовать это нечто можно с помощью знания не только языков, но и вещей, поскольку незнание вещей закрывает путь к пониманию фигуральных выражений⁵⁴.

Стоит отметить, что история переводов Средневековья считается средоточием герменевтических, аналитических и интерпретативных усилий. Переводчики раз за разом исправляли ошибки и неточности в предшествующих переводах Священного Писания, из-за чего их авторы обвинялись в ереси против канонических текстов. Первый перевод Библии на латынь был осуществлен в IV-V веках Блаженным Иеронимом Стридонским. Он пересматривал существовавшие на тот момент многочисленные переводы Писания, устранял недочеты, ошибки и приписки, но впоследствии осуществил и собственный перевод. Латинский перевод Священного Писания Ветхого и Нового Завета под названием Вульгата, выполненный по официальной версии Иеронимом, в XVI веке по решению Тридентского Собора получил статус канонического текста Священного Писания. Тем не менее существует точка зрения, согласно которой Вульгата является синтезом трудов Иеронима и

⁵⁴ Аврелий Августин. О христианском учении / А. Аврелий // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. Т.1 / С.С. Неретина, Л.В. Бурлака; под ред. С.С. Неретиной. – СПб: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – С. 70-77.

деветероканонических текстов⁵⁵. В целом его работы обусловили активное развитие христианской вариации латинского языка и сформировали основу для переводов Священного Писания на прочие европейские языки в дальнейшем.

Не менее важна эпистемологическая позиция философа, которая утвердила два равнозначных источника познания истины. Первым источником Августин называл веру, опирающуюся на авторитет церковного учения, которое раскрывает перед познающим субъектом экзистенциально-личностный аспект истины. Разум он трактовал как второй источник, в котором истина существует в своем рациональном измерении. Таким образом, при всей силе веры Августин допускал возможность исследований чистого разума, не противоречащих религии. Его философская доктрина раскрыла две стороны универсальной истины в соответствии с ракурсами ее познания. Положения этой доктрины сводились к тому, что все идеи вещей пребывают в Боге, а сам он обнаруживается в глубинах разума. «Телесная скверна» подавляет ум и склоняет его к материально-чувственному пониманию бытия. Следовательно, для подлинного познания от человека требуется приложение аскетических усилий для обращения ума внутрь самого себя и удержания его в этих рамках. Ум становится безмолвным для внешнего мира, а внутреннее сосредоточенный субъект познания открывает универсальное знание, а через него – и слово бога⁵⁶.

Сказанное позволяет заключить о возникновении необходимости обращения к герменевтическому анализу текстов Священного Писания, в котором присутствует сам беспредельный Логос. Он не может исчерпываться историческими или буквальными толкованиями и нуждается в выявлении

⁵⁵ См. об этом: Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 491.

⁵⁶ См. Карабыков А.В. Лингвистические воззрения Августина в культурном контексте поздней античности и раннего Средневековья // Язык и культура. – 2011. – № 4. – С. 30-43.

скрытого смысла. Преодолеть этот заведомо заложенный парадокс познающему уму позволяет экзегетическая практика.

О.Н. Дьяченко в своем исследовании экзегезы в контексте средневековой культуры отмечает, что чем более таинственным оказывался текст в своей буквальности, тем большая свобода предоставлялась духу для его истолкования. Именно поэтому экзегетическая практика заняла доминирующую позицию в средневековой культуре мышления. Стремление к разного рода истолкованиям становится выражением отношения мыслителей к действительности. Иносказательными и аллегорическими вслед за литературными текстами становятся и жизненные реалии в области политики, этики и функционирования общества⁵⁷.

Г. Эбелинг, рассуждая о библейской герменевтике, писал, что сочетание буквального и духовного значений создает трудности толкования. Заключаются они в потенциальной многозначности слов, когда трактовка зависит от контекста. Что касается проповеди, то грань между нею и экзегетикой, по мнению Эбелинга, была довольно тонкой. С одной стороны, к аудитории обращен текст проповеди, но с другой – к ней обращается и его автор. Таким образом, герменевтическая функция проповеди – это не непосредственное описание учения, которое играло важную роль в прошлом, а соответствующее оформление учения для настоящего. Другими словами, через проповедь людям преподносятся в оптимальной для понимания форме основы Священного Писания, хотя стоит подчеркнуть, что фактически функции проповеди были значительно шире, а использование разнообразных языковых средств обуславливалось как историческим периодом, так и составом аудитории, к которой обращался проповедник.

⁵⁷ Подробнее об этом: Дьяченко О.Н. Экзегеза в контексте средневековой философии: А. Августин / О.Н. Дьяченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2011. – № 3. – С. 163-167.

Поскольку «непосредственное описание» отличается от «оформления» в литературной интерпретации, то общая цель автора библейской литературы – буквальное толкование замысла автора Священного Писания. Оформление текста учения для современных читателей или применение его к современным ситуациям – это духовный метод толкования.

Мыслители периода патристики использовали понятие «буквальное толкование» несколько иначе. Для них оно означало историческое свидетельство того, о чем говорится в тексте, но в то же время они настаивали, что авторов библейской литературы интересуют не просто исторические факты. Они описывают события прошлого и таким образом интерпретируют их, и здесь прослеживается связь с духовным толкованием⁵⁸.

Проведенный анализ источников позволил нам сделать вывод, что для философии языка в эпоху патристики был характерен истолковывающий характер. С одной стороны, в форме экзегезы проявлялось переживание мира и его явлений через Божественное откровение, а с другой – интеллектуальный способ философствования. Мышление, опирающееся на подобную мировоззренческую основу, могло познавать бытие в соответствии и с духом, и с буквой его закона.

Проблема мышления лишь во взаимосвязи с языком могла изучаться свободно, поскольку Отцы и Учители были заинтересованы в распространении христианских постулатов и гармоничном их вписывании в сложившееся на тот момент мировоззрение. Именно это послужило импульсом к актуализации философии языка и стало импульсом для ее развития. Таким образом, средневековая экзегеза действительно может считаться фундаментом современной лингвофилософии⁵⁹.

⁵⁸ Цит. по: Guzie T.W. Patristic hermeneutics and the meaning of tradition / T.W. Guzie // Theological studies. – 1971. – №32. – P. 647-658. (пер. авт. дисс.).

⁵⁹ См. об этом: Гончарова А.А. Средневековая экзегеза как фундамент современной лингвофилософии / А.А. Гончарова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 16, Т.4. – С. 38-45.

1.3 Специфика схоластической философии языка

Обратимся к более позднему периоду средневековой философии – схоластике. Ее основной задачей нередко называют согласование философских и религиозных текстов, а через них – истин разума и истин веры. Однако схоластическая философия опиралась не только на текст Священного Писания, но и на видение реальности непосредственно познающим субъектом, для которого путь веры должен стать смыслом жизни и ее содержанием. Отсюда можно заключить, что главной целью схоластики было концептуальное осмысление и выражение опыта постижения окружающего мира и Бога, который человек приобретает на высших ступенях духовного совершенствования. Ее последователи реализовали принципы христианской жизни на практике, пребывая в поиске рационального обоснования духовного опыта. От патристики схоластику отличала уверенность в возможности постижения веры при помощи разума, при этом фундаментальная метафизическая позиция остается неизменной, и вся философская мысль по-прежнему развивается в теоцентрическом горизонте.

Схоласты обращали внимание на препятствие, с которым сталкивался человек при переходе от реального акта веры к его осмыслению с применением мыслительно-познавательного аппарата. В первом случае человек помещен в реальность, отличную от повседневного мира, в которой доминируют его собственное «я» и Бог, а все прочее находится на периферии сознания и имеет второстепенное значение. Однако к Богу он устремлен не так, как к объекту объективного познания.

Западноевропейская философия приходила к выводу, что деятельность разума и предшествует вере, и сопровождает ее, и стремится, в конце концов, обратить ее содержание в предмет знания. Феномен веры в такого рода трактовке подвергался рефлексии, а религиозные чувства неизбежно становились

предметом анализа. Так библейская вера со временем преобразовывалась в интеллектуальную любовь к Богу, становясь философствованием.

Однако некоторые схоласты (Петр Дамиани, Франциск Ассизский) считали, что если человек, будучи субъектом познания примет по отношению к Богу интеллектуально-познавательную позицию, то акт веры не состоится (отметим, что такая позиция в большей степени была характерна для греческой средневековой философии, и для Запада такие идеи – скорее, исключение). Причина тому – несовместимость веры и объективистско-рационалистической установки сознания. В этом случае человек станет относиться к Богу с позиции внешнего наблюдателя, и объект познания не будет находиться внутри субъекта. От созерцания индивид перейдет к анализу: он займется сопоставлением и сравнением Бога с другими объектами, классификацией сходств и различий, логической обработкой результатов этого анализа и фиксацией их в языке. Познающий субъект получит свободу и избавится от потребности в постоянном присутствии объекта. А это является безусловной предпосылкой объективного познания, следовательно, акт веры сменится экзистенциальным актом, и человек осознает себя живущим в мире объектов.

Исходя из этого, в монашеской среде находились выразители агрессивного отношения к приобретению знаний и применению логического аппарата к постижению мира. Так Петр Дамиани (1007 – 1072) выступал одним из самых яростных противников логики, диалектики и интеллектуального образования. Он утверждал, что Бог творит то, что ему нужно, а то, что не нужно – не делает. Поэтому какие-то претензии к его действию выглядят абсурдными, и человечество не может обращаться к Богу со своими проблемами. Тем не менее, если подобное произойдет, оно найдет отражение в мистическом или аллегорическом толковании Священного Писания. Описываться оно должно с осторожностью и уважением, а не дерзко, свободно и буквально. Все, что обнаруживается в различных толкованиях Священного Писания, не

должно тотчас же распространяться по всему миру со своей надменностью, бесцеремонностью, вульгарным бесстыдством, разве что в рамках узкой дисциплины сдержанного дискурса. Постичь Бога и сделать соответствующие выводы на будущее можно лишь сердечными переживаниями⁶⁰. Таким образом, Петр Дамиани пытался доказать некомпетентность разума в важнейших аспектах жизни, под которыми подразумевалась духовная сфера, неоправданность применения правил логики к религиозным таинствам и, как следствие, отсутствие актуальности рационального познания.

Подобное отношение к познанию демонстрировал и Франциск Ассизский (1182 – 1226), который утверждал, что ни рациональное знание о жизненном пути, ни словесное рассуждение о нем, не означают прохождение этого пути. При этом они подменяют собой реальное прохождение, не позволяют духу стремиться к деятельности, в результате чего он нацеливается лишь на обладание словами. Поэтому Франциск призывал *«охранить себя от мудрости века сего и от разума плоти»*⁶¹. Вначале он трактовал образование как средство узнать религиозную истину и распорядился отбирать у поступивших в монастырь всю литературу, кроме Евангелия. Аргументировал Франциск подобный подход тем, что *«тот, у кого есть книга, тот желает иметь их больше и охотнее читает про дела других, чем сам совершает их»*. В дальнейшем же, когда во Францисканский орден стали вступать ученые клирики, Франциск одобрил их работу со Священным Писанием. К писаному слову он относился с почитательностью, поскольку в нем могло быть *«начертано слово Господне»*⁶².

⁶⁰ Damian Peter Selections from his Letter on Divine Omnipotence /Translated by Paul Vincent Spade, Department of Philosophy, Indiana University, Bloomington, IN 47405 [Electronic resource]. Professor of Philosophy Emeritus Paul Vincent Spade's Home Page [Official site]. – URL: <http://www.pvspade.com/Logic//docs/damian.pdf> (date of access: 19.01.2014). (пер. авт. дисс.).

⁶¹ Цит. по: Столяров А.А. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья / А.А. Столяров. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 287.

⁶² Цит. по: Блаватская Е.П. Краткое жизнеописание Святого Франциска Ассизского [Электронный ресурс] // Книжная полка проекта «Картина недели» [Сайт]. – Режим доступа: http://www.centre.smr.ru/win/books/sv_franc.htm (дата обращения: 19.01.2014).

Однако были и приверженцы иных схоластических учений, которые не разделили точки зрения П. Дамиани и Ф. Ассизского. Они представили процесс рационального познания не как препятствие для веры, а как осознанный путь к ней. Соответственно, с иного ракурса они сумели взглянуть на феномен языка, служивший инструментом фиксации и трансляции рациональных аргументов в пользу христианского учения.

Боэций (Аниций Манлий Северин) (480 – 524) развивал идеи Аристотеля о разумной душе. Разум в его учении – это «третья сила души» (наряду с непосредственно жизнью и способностью различать ощущения). Разумная душа, присущая лишь человеку, созерцает сущее, размышляет об отсутствующем или ищет неизвестные ей предметы. В рамках этой деятельности она постоянно задается вопросами о существовании той или иной вещи, о ее сущности, признаках, причинах этих признаков. И на истинность ответов на эти вопросы, прежде всего, могла повлиять природа самого рассуждения. Это положение легло в основу логики Боэция⁶³.

Боэций Дакийский (1230 – 1284) в своем произведении «О высшем благе, или О жизни философа» писал, что каждому человеку необходимо некое высшее благо. Это высшее благо должно быть дано человеку в его наилучшей способности, под которой философ подразумевает разум и понимание. Их Боэций называет высшим правителем человеческой жизни, причем как в созерцательной позиции, так и в деятельностной. Люди, одержимые чувственными удовольствиями, по мнению схоласта, никогда не коснутся высшего блага, упуская благо понимания, которое в человеке позиционируется как божественное начало⁶⁴.

⁶³ Боэций Комментарий к Порфирию, им самим переведенному [Электронный ресурс]/ Боэций / Пер. Т.Ю. Бородай. – Режим доступа – http://krotov.info/acts/06/1/boezy_03.htm (дата обращения 06.02.2014).

⁶⁴ Боэций Дакийский О высшем благе, или О жизни философа// Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. Т.2 / С. С. Неретина, Л. В. Бурлака; под ред. С. С. Неретиной. – СПб: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – С. 255-256.

Сигер Брабантский в книге «Вопросы о разумной душе» утверждает, что для души постыдно не знать саму себя: без этого познания она не может верно судить о другом. Разумная душа, являясь непременным атрибутом живого одушевленного тела, может быть познана только из своих действий, под которыми философ подразумевает мышление. Сигер доказывает, что мышление одновременно и соединено с материей, поскольку является человеческим актом, но в то же время отделено от нее, потому что не существует ни в одном телесном органе, как, например, зрение в глазу⁶⁵.

Бозций Дакийский и Сигер Брабантский являлись главными представителями схоластического течения, получившего название аверроизм. В то время как многие богословы выступали против применения разумного мышления в процессе постижения Бога и бытия в целом, последователи аверроизма утверждали, что к единственной истине можно прийти двумя путями – не только через религию, но и через философию. Концепция аверроизма гласила: то, что ложно в теологии, может быть истинным в философии. Из этого вытекала возможность обращения к мыслительным средствам познания, если выбрать философский путь. Так схоластика взяла курс на согласование истины веры и истины разума.

Ансельм Кентерберийский (1033 – 1109) продолжил линию Августина Блаженного и смог адаптировать ее идеи к задачам схоластических богословов, стремившихся привести в гармонию разум и веру. С первых же страниц «Монологиона» он сообщает, что нет ничего в его *«словах, что бы не совпадало с писаниями католических отцов, и в особенности Блаженного Августина»*⁶⁶. Свой труд он представляет как мысленную беседу с самим собой с целью исследования того, на что ранее внимание не обращалось. В нем Ан-

⁶⁵ Сигер Брабантский Вопросы о разумной душе / С. Брабантский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. Т.2 / С. С. Неретина, Л. В. Бурлака; под ред. С. С. Неретиной. – СПб: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – С. 243.

⁶⁶ Ансельм Кентерберийский Монологион // Ансельм Кентерберийский Сочинения / Пер. и коммент. И.В. Купреевой. – М.: Канон, 1995. – С. 34.

сельм доказывает, что «*существует нечто одно, самое благое и самое большое*»⁶⁷, оно необходимо, его можно назвать «*сущностью, или субстанцией, или природой*»⁶⁸, «*все существующее существует из этой высшей природы*»⁶⁹ и прочие религиозные постулаты.

Иеромонах Геннадий (Поляков) акцентирует внимание на том, что в процессе написания «Монологиона» философ стремился избегать доказательств каких-либо положений при помощи авторитета Писания. То, что утверждалось в конце каждого конкретного исследования, Ансельм старался представлять в ясном стиле, с применением простых рассуждений и понятных доводов. Выстраивая свои теоретические тезисы исключительно на рациональных обоснованиях, он подчеркивал необходимость разума и доказывал, что христианское учение, получаемое через веру, понятно самодостаточному разуму и соответствует логике мышления.

В начале произведения он обращается к наиболее общим понятиям и лишь по мере развертывания рассуждений подводит к христианской терминологии. Подводя читателя от понятий высшей природы, духа, любви, разума к понятию Бога, Ансельм демонстрирует, каким образом должен рассуждать философски мыслящий субъект познания при постижении Бога и устройства мира. В результате «Монологион» не содержал никаких положений, которые расходились бы с писаниями католических отцов, однако к истине христианского учения философ подводил читателей рациональным путем⁷⁰.

Ансельм называл веру предпосылкой рационального понимания истины откровения. Он не пытался превозносить человеческий интеллект до божественного уровня, но считал, что человек нуждается в понимании истины, в которую верит. Причем он ставит цель не «*понять, чтобы уверовать*», а

⁶⁷ Там же, с. 41.

⁶⁸ Там же, с. 43.

⁶⁹ Там же, с. 45.

⁷⁰ См. Иеромонах Геннадий (Поляков) Соотношение веры и разума в трудах Ансельма Кентерберийского / Иеромонах Геннадий // Христианское чтение, 2009. – № 9-10. – С. 178-193.

«верить, чтобы понимать». Такая установка должна была сгладить разногласия между философией и теологией. Ансельм считал, что богословию следует опираться на философские предпосылки и пользоваться логическими инструментами для понятного и осмысленного предоставления содержания веры. При этом он подчеркивал доминирующую роль веры, разуму же отводил лишь доказательства необходимости веры. В учении Ансельма вера принимает интеллектуальный характер и трактуется как согласие с истиной откровения⁷¹.

Особое место в своем учении он отвел языку. В его исследовании проблемы паронимов в диалоге «О грамотном» данная категория слов рассматривается не только как вид эквивокации – логической ошибки, заключающейся в использовании слов в разных значениях, но и как путь перенесения смысла одного и того же слова из языка одного знания в язык другого, в частности, из естественного в теологическое. Ансельм доказал, что к Богу человек может приблизиться через грамматику, поскольку существует прямая взаимосвязь единых в Божественном слове понятий «бытие», «мысль» и «имя». Впоследствии вся средневековая мыслительная практика пришла к представлению Божественного слова предопределением необходимых путей мышления о бытии. Ансельм Кентерберийский заключил, что все сущее имеет первообраз в Божественном мышлении, и эти первообразы обнаруживаются в его внутреннем монологе. В горизонте теоцентрического мировосприятия человек стал не просто образом и подобием Бога, но и его воплощенным словом. Таким образом, в миропонимании людей эпохи Средневековья установились связи между мыслью и бытием, а также словом и бытием⁷².

⁷¹ Цит. по: Хегглунд Б. История теологии: Пер. с швед. / Б. Хегглунд / Пер. с швед. В.Володин. – СПб.: Светоч, 2001. – 370 с.

⁷² Подробнее см. Дьяченко О.Н. Онтологический статус слова в средневековой философии / О.Н. Дьяченко // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С.14-22.

Ансельм Кентерберийский стоял также у истоков концепции «мысленного языка». По мнению философа, существует три способа для выражения одного и того же предмета.

1. Актуальное употребление чувственно-постижимого знака.
2. Сенсуально недостижимое размышление о знаках, что тоже в некотором роде является использованием чувственно-постижимого знака.
3. Выражение объекта непосредственно в разуме путем рассудочной деятельности в отношении материальных вещей или воображения их без применения знаков.

Под первым способом философ подразумевал произнесение слова, обозначающего объект, под вторым – мышление этого же слова в тишине, под третьим – представление объекта рассудком или с помощью его образа. Таким образом, он подводил к выводу, что божественное существование и божественное выражение неразличимы друг от друга и тождественны друг другу. В то же время божественное выражение, которое не может выступать чем-то сотворенным, является ничем иным, как самим божественным разумом⁷³.

Связь языка и мышления прослеживается также в учении Пьера Абеляра (1079 – 1142). Подход его был несколько иным: исследование проблемного характера философской и теологической мысли у этого схоласта начиналось через сомнение: *«через сомнение мы приходим к научному поиску, а через исследование мы воспринимаем истину»⁷⁴*.

Толкование текстов – от философских до Священного Писания – должно сопровождаться постоянным критическим контролем, при этом сомнение в итоге должно быть преодолено с приближением к истине. Для до-

⁷³ См. Лисанюк Е.Н. Учение о мысленном языке в средневековой философии / Е.Н. Лисанюк // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2000. – № 3. – С. 385-394.

⁷⁴ Abelard P. Sic et Non: A Critical Edition / P. Abelard / in B.B. Boyer and R.McKeon (ed.). – Chicago: University of Chicago Press, 1977. – P. 103.

стижения этой цели Абельяр устанавливал три правила, которыми следовало руководствоваться при интерпретации текстов.

1. В ходе анализа текста выявлять смысл понятий во всех историко-лингвистических оттенках.

2. Четко установить аутентичность текста в отношении автора и случайных интерполяций или подстановок.

3. Сопоставлять сомнительные тексты с подлинными в пределах целого корпуса сочинений данного автора.

В произведении «Да и Нет» Пьер Абельяр акцентирует внимание на основных трудностях, возникающих в процессе толкования текста. С одной стороны, это многовариантность понятий или их непривычное употребление. Для преодоления этого схоласт рекомендует проанализировать обстоятельства зарождения данного текста и мотивы автора, что обуславливает конкретное высказывание его языковой собственности. С другой стороны, интерпретаторам следует избегать смешения личной точки зрения автора с привнесенными мнениями, а также представления гипотез как решений поставленных проблем.

Но даже с преодолением указанных трудностей, считал Абельяр, правильное понимание священных текстов еще не гарантировано. Поэтому нельзя отказываться от критического угла зрения, но при этом оставлять место для безусловного авторитета традиции. Обеспечить подобный подход, по мнению философа, могло применение диалектики. Одной из первоочередных ее задач Абельяр называл контроль над семантической связью слов с обозначаемыми ими объектами в реальности. А с укреплением роли диалектики философ смог обосновать и важность разума. Его возможности возрастают с обращением к логическим правилам диалектики и воздержанием от крайностей и легкомысленных обвинений. Абельяр представляет разум как критическое осмысление тезисов на базе внутреннего содержания сознания и его ар-

гументов, что противопоставляется принятию и утверждению этих тезисов силой выдвигающего их авторитета⁷⁵.

Проблема связи языка и мышления в рассмотренных выше учениях освещается с разных ракурсов. У Ансельма Кентерберийского доказательство начинается с изложения аргументов в пользу применения инструментов разума при постижении истины, а уже из него вытекает роль слова в процессе познания. Пьер Абеляр, напротив, за отправную точку принимает слово в разрезе толкования текстов, а по мере развития этой концепции актуализируется и важность разума. В результате, изучив взгляды этих философов, мы можем заключить, что схоластика в процессе достижения своей цели – примирения разума и веры – в очередной раз доказала наличие тесной взаимосвязи между мышлением и языком.

Для более полной характеристики рассматриваемой проблемы в эпоху Средневековья обратимся к трудам почетного профессора философии Университета Индианы Пола Винсента Спейда. Опираясь на учение французского философа-схоласта Жана Буридана (1300 – 1358), он определил положения письменного, устного и мысленного языка по отношению друг к другу. Их можно представить в виде схемы (Рисунок 1), где:

НС – написанное слово;

ВС – высказанное слово;

ОП – общее понятие;

Х – объект, о котором идет речь.

В схеме письменный язык стоит в самом низу, в статусе подчиненного. Логическое объяснение подобного положения – идея о том, что если мы не можем говорить на том или ином языке, то и читать на нем не можем. Это

⁷⁵ Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье: Пер. с ит./ Дж. Реале, Д. Антисери / Пер. с ит. С. Мальцевой. – СПб: Издательство Пневма, 2003. – С. 237-238.

принималось за истину, главным образом, в Средние века и фактически может быть доказательством доминирования разговорного языка в те времена.

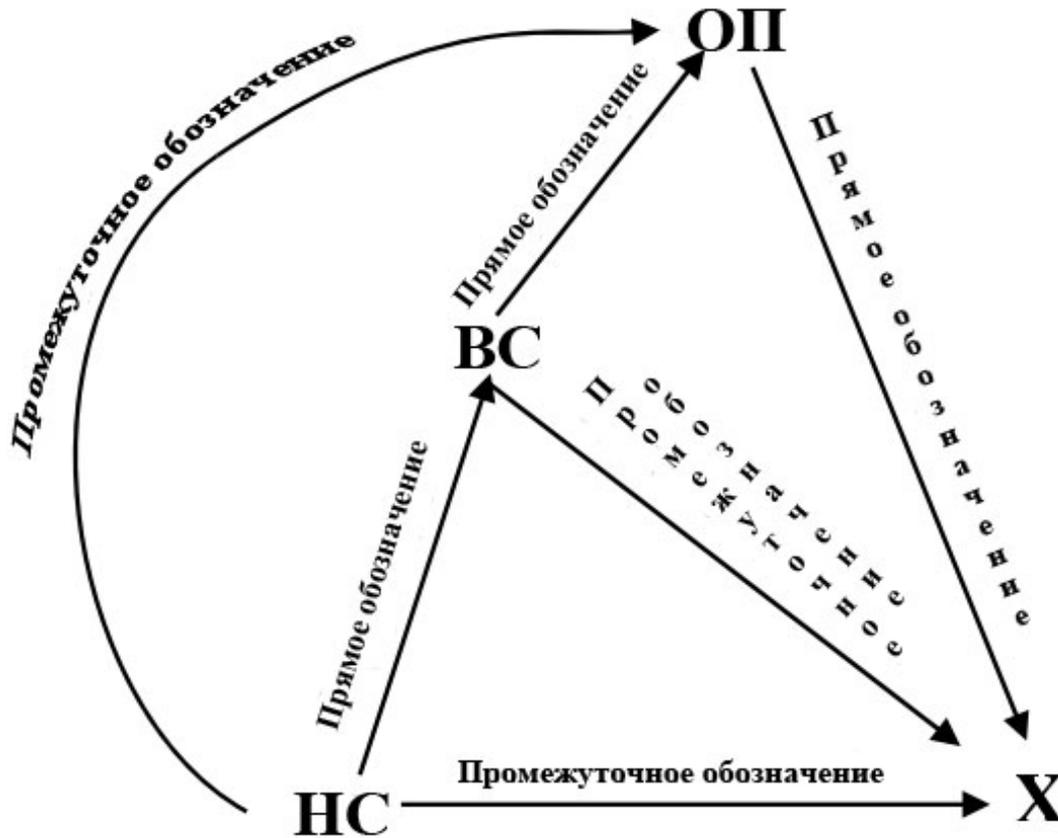

Рисунок 1. Схема уровней языка

Оправдывалось это не только тем, что сравнительно немного людей умело читать, а печатный станок еще не изобрели. В большей степени играл свою роль тот факт, что люди, умевшие читать, не умели читать про себя. Однако впоследствии выяснилось, что письменный язык не всегда связан с разговорным. Например, Артур Уэйли, знаменитый переводчик китайской литературы, вообще не умел говорить по-китайски, однако чтение давалось ему вполне естественно и непринужденно. Таким образом, предположение о причинах положения письменного языка оказалось ложным.

В этом отношении теория Уильяма Оккама (1285 – 1347), утверждающая генетическую связь письменного и разговорного языка, выглядит более

правильно. Оккам считал, что все термины, как и сама речь, бывают трех видов – написанные, произнесенные и высказанные. При этом написанный термин он определял как часть написанного суждения, предназначенного для зрительного восприятия, а высказанный – соответственно как часть высказанного суждения, предназначенного для восприятия слухового. Мысленный же термин – это впечатление души, замещающий обозначаемую вещь. Поэтому мысленные термины не могут быть выражены внешне: это доступно лишь словам – знакам, подчиненным понятиям. По его мнению, *«произнесенные слова суть знаки впечатлений души»* (Жан Буридан называл это конечным смыслом) – они вторичны по отношению к мыслям⁷⁶.

Петр д'Альи вовсе отвергал генетическую связь письменности с речью. Он считал, что письменное выражение может быть напрямую подчинено мысленному без промежуточных устных выражений.

Теперь рассмотрим положение разговорного языка. Иоанн Дунс Скот (1266 – 1308) первым проявил интерес к этой проблеме. Он задался вопросом в своих комментариях к первой книге «Об истолковании» Аристотеля: означает ли имя (под которым понимается высказанное существительное или прилагательное) реальную вещь или категорию в душе (общее понятие)? Он обращается к произведению Аристотеля в поисках положительного ответа, потом дает несколько аргументов в пользу отрицательного ответа (т.е. высказанное имя не обозначает реальную вещь или категорию). Скот обратил внимание на то, что мы просто не всегда мыслим категориями, когда слышим слова. Эта точка зрения была доказана опытным путем и может считаться корректной. Позднее Скот пришел к выводу, что письменный, устный и мысленный способы выражения непосредственно обозначают одни и те же вещи,

⁷⁶ Оккам У. Сумма всей логики // У. Оккам: Избранное / Пер. с лат. А.В. Апполонова, М.А. Гарнцева; под общ. ред. А. В. Апполонова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 8.

несмотря на то, что между всеми тремя имеется отношение генетической зависимости.

Тем не менее, долгое время доминировала идея, прослеживаемая в трудах Августина: она гласила, что назначение языка состоит в выражении мыслей. Когда мы слышим, что говорит человек, мы узнаем, что он думает. Такая точка зрения акцентирует социальную роль языка в межличностной коммуникации⁷⁷.

Таким образом, в схоластике сформировалось две точки зрения на рассмотренный аспект проблемы соотношения языка и мышления. С одной стороны, последователь аристотелевской традиции Ж. Буридан придерживался классического взгляда – язык служит средством выражения мыслей. С другой стороны, нашлись опытные подтверждения того факта, что мы не всегда мыслим категориями, когда говорим или слышим, – их привел У. Оккам. Теория И. Дунс Скот является компромиссом между двумя противоположными мнениями, хотя его базовая идея стала отправной точкой для формирования теории Оккама. Он доказал, что все зависит от того, как мы интерпретируем выраженные слова.

Проанализировав вышесказанное, мы можем заключить, что проблема мышления в эпоху схоластики была достаточно неоднозначной. С одной стороны, сформировалось течение противников рационального постижения мира, которое разрушало фундамент католического мировоззрения. С другой стороны, в противовес этому течению стали складываться доктрины в защиту мышления, которые органично вписывали логическое постижение истины в католическую ветвь христианского учения. Здесь прослеживается диалектическое развитие когнитивной теории познания, где в качестве тезиса мы можем принять предшествующую античную эпистемологию, где мышлению

⁷⁷ Цит. по: Spade P. V. *Thoughts, Words and Things: An Introduction to Late Mediaeval Logic and Semantic Theory* [Electronic resource] / Professor of Philosophy Emeritus Paul Vincent Spade's Home Page [Official site]. – URL: http://www.pvspade.com/Logic/docs/Thoughts,%20Words%20and%20Things1_2.pdf (date of access: 27.01.2014). (перев. авт. дисс.).

отводилась значительная роль, в качестве антитезиса – патристику и раннюю схоластику, которые превозносили авторитет Священного Писания и отрицали актуальность рационалистической установки сознания, и, наконец, синтезом выступает схоластика, представители которой пытались эксплицировать основы церковного учения при помощи философско-мыслительных приемов.

Именно в рамках переосмысления проблемы мышления актуализировалась и проблема языка. Ансельм Кентерберийский и Пьер Абеляр изложили две противоположные точки зрения на его роль в познавательном процессе, однако они доказали его неопровержимую связь с мышлением, что дало импульс к более глубокому изучению феномена языка, которое получило широкое распространение в трудах Ж. Буридана, У. Оккама и И. Дунса Скота. Их теории наиболее полно отражают специфику схоластической философии языка, основным вопросом которой стало соотношение слова и мысли⁷⁸.

Подводя итог проведенного анализа, мы можем сделать следующие выводы. В античной философии проблема взаимосвязи языка и мышления разрабатывалась как непосредственно, так и в рамках исследования иных областей (этики, психологии). Следовательно, уже в этот период наметилась дифференциация лингвофилософских направлений, которые выделились в процессе эволюции философской мысли. Вместе с тем следует подчеркнуть, что древнегреческие философы, в частности Аристотель и последователи стоической школы, способствовали зарождению ряда отраслей науки о языке: герменевтики, семиотики, лингвистики, логического анализа. Таким образом, Античность оказала значительный вклад в развитие не только лингвофилософии, но и учения о языке в целом.

⁷⁸ См. об этом: Гончарова А.А. Соотношение языка и мышления в схоластической философии / А.А. Гончарова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2015. – Т.19.– С. 111-117.

Что касается философии патристики, то здесь мы обнаруживаем интенцию мысли на толкование текстов, что стало фундаментом для формирования герменевтики.

Наконец, в схоластике взаимосвязь языка и мышления, в основном, рассматривалась непосредственно в рамках изучения механизмов познания, постижения истины. В конечном счете, язык в данную эпоху выступал инструментом примирения разума и веры. Также следует выделить еще одно важное течение лингвофилософской мысли, изучавшее взаимоотношения письменной и устной речи. Объектом исследования в этом случае выступал язык как феномен, а в результате доказывалась его связь с мышлением.

Для наглядности представим в таблице 1 обнаруженные нами направления философии языка Античности и Средневековья.

В качестве классификационных критериев использованы проблемные области, в рамках которых зарождались лингвофилософские идеи, а также объекты исследования представителей выделенных направлений.

Так, к филологическому направлению были отнесены мыслители, сосредоточившиеся непосредственно на проблеме языка. Одной из главных задач софистов было формальное развитие речи, Ансельма Кентерберийский изучал проблемы грамматики как средства постижения истин Откровения, а Ж. Буридан, У. Оккам и И. Дунс Скот подробно изучали слова и категории.

Для Сократа как представителя этического направления главной задачей было достижение добра, высшего блага и поиск критериев истины, что невозможно без мыслительной деятельности, непосредственно связанной с языком.

Таблица 1

**Классификация направлений лингвофилософской мысли Античности
и Средневековья**

Критерии	Направления	Представители
1	2	3
По предмету философствования	Логико-лингвистическое	– софисты; – Ансельм Кентерберийский; – Ж. Буридан; – У. Оккам; – И. Дунс Скот.
	Этическое	– Сократ.
	Когнитивное	– Платон; – Аристотель; – Августин Аврелий; – Ансельм Кентерберийский; – П. Абеляр
	Психологическое	– Хрисипп.
По определяющему явлению	Мышление определяет язык	– Аристотель; – Хрисипп; – Ж. Буридан.
	Язык определяет мышление	– Сократ; – Платон; – патристики; – А. Кентерберийский; – П. Абеляр; – У. Оккам.
	Взаимоопределение	– софисты; – И. Дунс Скот.

Когнитивное направление объединяет философов, считавших язык средством познания, постижения истины. По мнению Платона, истина выявляется в процессе рассуждения, Аристотель постулировал языковое выражение результатов познавательного процесса. Августин видел причину незнания в непонимании текстов, Диодор Тарсийский настаивал на использовании двух методов толкования для объективного познания, Ансельм Кентерберий-

ский считал, что приблизиться к основам бытия можно только через правильные имена, Пьер Абеляр утверждал, что правильная интерпретация и критическое осмысление тезисов позволяет осуществить научный поиск истины.

Наконец, довольно специфический подход к рассмотрению проблемы языка, а именно – психологический, мы обнаружили во взглядах Хрисиппа. Мы можем предположить, что этот мыслитель, позиционировав язык как отражение субъективного психического состояния личности, заложил фундамент для развития психолингвистики, в рамках которой язык изучается как психический феномен.

Еще одна заслуживающая внимания классификация – предполагающая разделение философии языка на течения в зависимости от того, мышление является определяющим фактором по отношению к языку в концепции их взаимосвязи (Аристотель, Хрисипп, Ж. Буридан) или, наоборот, язык определяет мышление (Сократ, Платон, Ансельм Кентерберийский, П. Абеляр, У.Оккам). Кроме того, есть дуалистическое течение, основанное на взаимопределинии языка и мышления (софисты, И. Дунс Скот).

2. ДИАЛЕКТИКА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

2.1 Эволюция лингвистических идей в контексте соотношения языка и мышления в философии Проторенессса

Мысль и язык являются одними из главных проявлений человеческого духа. Все человеческое в человеке изучают гуманитарные науки, а именно с актуализацией гуманитарного знания связывают эпоху Ренессанса. Как схоластика является главным смыслом Средневековья (как форма философствования она отражала ключевые достоинства и недостатки данной эпохи), так и гуманизм символизирует эпоху Возрождения. Вопросы мышления и языка в их взаимосвязи в указанный период являлись одними из важнейших философских исканий данного периода. Особого внимания заслуживают проблемы языка: борьба за чистоту литературного языка имела большое значение для развития философии, итальянские гуманисты стремились к реконструкции цicerоновской латыни и превозносили языковой пуризм.

Российский исследователь итальянского Возрождения А.Х. Горфункель писал, что полемика, разгоревшаяся в данный период вокруг языка, не ограничивалась восстановлением чистоты латинской речи. Гуманисты пытались изменить язык самой культуры, отказываясь от языка схоластики и переходя тем самым к принципиально новому методу философствования. Поскольку технический язык университетской науки отвергался и заменялся языком литературной культуры, философия восстанавливала свои связи с искусством (в частности, поэзией) и ораторским красноречием. Философы эпохи Ренессанса отдалялись от строго формализованной структуры, присущей схоластическим трудам, их сочинения отличались свободным построением и жанровым разнообразием. Таким образом, философия приобщалась сначала к латинской словесности, а позже – и к национальной литературе.

Работы в области языкознания эпохи Возрождения нередко относят к донаучному знанию, однако именно в этот период язык стал в большей степени пониматься как социальное явление, неизбежно и необходимо развивающееся. Многие гуманисты поставили филологию и риторику в центр своей философии. Отношение к языкознанию Ренессанса долгое время было скептическим, и лишь в конце 80-х – начале 90-х годов минувшего века по результатам работы многочисленных международных научных симпозиумов и конгрессов происходят изменения в понимании роли языкового самосознания XV-XVI веков. Эпоха Возрождения была признана «рассветом» современной науки о языке, а Данте Алигьери – первым поэтом-философом, который создал последовательную языковую концепцию⁷⁹.

Для того чтобы более полно охарактеризовать роль Данте как первого идеолога новых культурных и философских тенденций, рассмотрим для начала идейные истоки гуманизма.

Гуманистическое мировоззрение формировалось под действием роста духовной культуры Европы. Потребности общественного развития обуславливали тягу к распространению светского знания, которое могло устранить неудовлетворенность церковными учениями. Уже в XII веке, судя по энциклопедиям «Зерцало мира» и «Образ мира», светское знание начало занимать доминирующее положение по отношению к религиозному, а Священное Писание – терять былой авторитет. Некоторые схоласты, в частности Альберт Великий и Фома Аквинский, признали, что необходимо восстановить права разума в познании и переоценить место человека в мире.

Мыслители обратились к распространенной во времена Античности идее микрокосма, согласно которой человеческому разуму в силу его подобия Космосу-Логосу отводилась способность постигать рациональный

⁷⁹ См. об этом: Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения) / Л.Г. Степанова. – СПб: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 141-150.

смысл, заложенный в природе, и воздействовать на окружающий мир творчески. Важно и признание значимости наук о слове – не меньшей, чем наук о природе. Тенденции начала эпохи Возрождения (Проторенессанса) пошатнули устои христианского миропонимания, подчеркнув глубокий характер противоречий духовной жизни. В произведениях Данте это ощущалось особенно: он обратил внимание на то, что деятельный поиск разума сопутствует принципам христианской веры⁸⁰.

Прогрессивность взглядов Данте выражается, прежде всего, в его работах, посвященных проблемам языка. Он объявил латынь языком, полезным лишь немногим людям. Языком, способным послужить большинству людей он называет итальянский, защита которого изложена в произведении «Пир». В видении мыслителя это *«новое солнце, которое взойдет, когда закатится старое. Оно будет светить тем, кто находится во мраке и потемках. Ибо старое им не светит»*⁸¹.

Данте пытается утвердить язык, который станет орудием всенародной культуры. В его аргументах прослеживается социально-политическая направленность. Итальянский язык писатель рассматривал как идеологическое оружие. Данте пришел к выводу, что достичь народного понимания возможно, только если заговорить на языке, понятном всем. Именно с его творчеством связан подъем грамотности: умение, а главное – желание читать уже не было прерогативой дворянства. Стоит также отметить, что в «Пире» мыслитель, меняет привычные для себя познавательные критерии, заключающиеся в непосредственном наблюдении и естествоиспытании, на рассуждение (*chi bene considera*) и понимание (*chi bene ratenderà*). Если в предыдущих произведениях предметом его любви была живая женщина, то в «Пире» поклонение было перенаправлено на философию.

⁸⁰ См. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. Учеб. Пособие / Л.М. Брагина. – М.: «Высш. школа», 1977. – С. 65-67.

⁸¹ Алигьери Д. Пир// Данте Алигьери. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Малые произведения / Д. Алигьери / Пер. А.Г. Габричевский, И.Н. Голенищев-Кутузов. – СПб: Азбука, 1996. – С. 57-58.

Философия Данте приобрела явный лингвистический уклон. Он не просто оказал решающее влияние на формирование литературной речи и языка, который за шестьсот лет почти не претерпел серьезных изменений, а положил начало серьезным исследованиям в области филологии. Со временем мыслитель постепенно переместил область своих исканий от защиты и распространения итальянского языка к исследованию романских языков в целом. Его трактат «Об итальянском языке» был признан первым в Европе исследованием в области языкознания, которое вызвало интерес специалистов и за пределами Италии.

Данте, выделил конвенциальный и естественный языки. Конвенциональным является латинский, который использовался для международного общения, следуя некоторому общественному договору. Естественным Данте назвал *volgare*, или итальянский, по его мнению, – язык для живого народного общения. Более того, внутри него он выделил так называемый *volgare illustre* – просвещенный народный язык, на котором следовало создавать художественные, религиозные и философские произведения. Другая классификация европейских языков, предложенная Данте, – деление их на итальянский, французский и провансальский⁸². По нашему мнению, именно данная система стала прообразом современной генетической классификации языков.

В трактате «О народном красноречии» Данте пишет, что люди «во многих предметах не так хорошо понимают друг друга на словах», и выдвигает гипотезу о существовании некоего «языка Адама» – первоязыка. Это форма речи, которой пользовался первый сотворенный Богом человек, сама была создана Богом. Соответствующим наименованием вещей и внутренним строем этих наименований Адам и его потомки пользовались вплоть до Вавилонского столпотворения – смешения языков. Данте предполагает, что та-

⁸² Цит. по: Дживелегов А.К. Творцы итальянского Возрождения: В 2 кн. Кн. 1/ А.К. Дживелегов / Общ. ред. и сост. Р. Хлодовского. – М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1998. – С. 234-238.

ким языком мог быть еврейский, а после Вавилонского столпотворения его унаследовали лишь сыны Евера – евреи⁸³.

Стоит отметить, что в современной философии языка эта концепция по-прежнему актуальна. Идея о божественном начале словотворчества является одной из самых распространенных сегодня теорий генезиса естественных языков⁸⁴. Она гласит, что все мировые языки произошли от еврейского – языка божественного происхождения, на котором говорили в раю. Кроме того, итальянский философ У. Эко относит еврейский язык к одному из возможных первоначальных языков вместе с латынью, греческим и китайским. При этом «язык Адама» он описывает как «язык разума», поиском которого человечество занимается на протяжении практически всей истории своего существования⁸⁵.

В произведении «О Народном красноречии» изложена еще одна важная идея Данте Алигьери в области философии языка. Здесь язык выступает основой коллективного мышления нации, явлением, объединяющим значимые для граждан понятия. Примечательно, что в Средневековье проблемы нации и самоценности той или иной культуры не стояли. Данте же опередил историческую и философскую мысли своего времени, выделив не рассматривавшийся до сих пор слой общественного бытия. Он сделал акцент на сферу, где за контроль действий субъекта ответственны не универсальные категории добра и зла, а его принадлежность к той или иной этнической общности, которой присущи конкретные модели поведения. Эту сферу можно охарактеризовать широким понятием «национальное», которое включает нравы, обычаи и народный язык. В языке (упомянутом выше *volgare*) Данте видел основное

⁸³ Алигьери Д. О народном красноречии / Д. Алигьери: Пер. с лат./ Пер. В.Б. Шкловский. – Петроград, 1922. – С. 15.

⁸⁴ Подробнее см.: Гончарова А.А. Истоки генезиса естественных языков / А.А. Гончарова // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2014. – № 8. – С. 36-39.

⁸⁵ Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко / Пер. А. Миролюбовой. – СПб: Александрия, 2007. – 421 с.

проявление модуса национальной жизни. Онтологию языка он соотносил с гражданскими законами и общечеловеческой добродетелью⁸⁶.

Проанализировав изложенное, мы можем сделать следующие выводы. Данте Алигьери является не только основателем классического итальянского языка, автором одного из первых фундаментальных филологических исследований. Его также можно назвать одним из основоположников лингвистической философии в том ее виде, в котором она предстает сегодня.

Мы обнаружили, что концепция, связывающая идеи национального характера и языка, постулируемая представителями гумбольдтианства, Б. Уорфом, Э. Сепиром и Л. Вайсгербером в XX веке (а ранее – Г. Гегелем и В. Гумбольдтом) и впоследствии положенная в основу такого направления языкознания, как этнолингвистика, также выводится из философии Данте Алигьери. Философ первым отметил, что базой коллективного мышления нации является язык. В дальнейшем эта идея рассматривалась с различных ракурсов: с точки зрения национального характера лексикона, с точки зрения влияния синтаксических особенностей языка на образ мысли, с точки зрения отражения мировоззрения через упорядочивание впечатлений.

Для нас также ценна следующая идея Данте Алигьери. Народный язык, то есть язык, которому человек обучается с раннего детства и которым может свободно пользоваться на обыденном уровне, формирует базу для развития его культуры мышления. С таким языком у индивида активизируются способности к познанию, и расширяется познавательный интерес⁸⁷.

Итак, Данте заложил своеобразный вектор, задающий направление философии языка эпохи Возрождения. Идеи другого видного философа Проторенессанса – Франческо Петрарки – стали первыми серьезными шагами к

⁸⁶ Цит. по: Степанова Л.Г. История итальянского языкознания XIV-XVI веков: Дис. д-ра. фил. наук: 10.02.20/ Институт Лингвистических исследований РАН, СПб, 2000. – 510 с.

⁸⁷ См. об этом: Гончарова А.А. Вклад Данте Алигьери в формирование современной лингвистической философии / А.А. Гончарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – №1(7). – С. 40-42.

становлению классической гуманитарной культуры. Т.В. Якушкина в своем исследовании «Зарождение петраркистской традиции в Италии XV века» отмечает, что традиции данного философа тесно связаны с узловыми проблемами эпохи Возрождения. Проблемы латинского и народного языка в рамках общих гуманистических проблем выступили одними из базовых для всей будущей петраркистской традиции. И если Данте превозносил народный язык, то Петрарка был сторонником латинского языка, причем латинского классического, а не средневекового. Он провозгласил новую традицию, которая кардинально изменила прошлые культурные установки, а именно – упразднил принцип авторитета в отношении к тексту. Философские воззрения Ф. Петрарки утвердили неотделимость знания от красоты речи. Соединение философии и риторики, как позже напишет К. Салютати, возвеличило и украсило все науки. Более того, Петрарка поднял поэзию на уровень философии, доказав, что она способна раскрыть не меньше законов мироздания⁸⁸.

У Петрарки было ценностное понимание поэзии. Он обращал внимание на прямую связь между словесностью и философией. В своем письме «О делах повседневных» мыслитель назвал речь выразителем духа, а также его мерилom. По мнению Петрарки, если речь не обладает достоинством, то нет его и у самого духа, в то же время лишь в словах дух может обрести конкретный смысл. Пока человеческие страсти не приходят в согласие, внутренний мир и слова оказываются в противоречии. А неискушенная в тонкостях искусства красноречия, но предрасположенная к согласию душа порождает созвучные себе, ясные слова⁸⁹.

В диалоге «О красноречии» (трактат «О средствах против всякой судьбы») Петрарка в полемике Радости и Разума описывает красноречие как *«могучий инструмент славы, но обоюдоопасный»*. Если красноречием владеет

⁸⁸ См. Якушкина Т.В. Зарождение петраркистской традиции в Италии XV века / Якушкина Т.В. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – №4. – с. 119-128.

⁸⁹ Цит. по: Гарин Э. Проблемы итальянского Возрождения / Э. Гарин. – М.: Прогресс, 1986. – С. 41-42.

глупый человек, то оно превращается в *«меч в руках бесноватого»*. По мнению философа, красноречие должно быть мудрым, святым и скромным. Его фундамент – добродетель, а *«дурные языки низвергают государства»*⁹⁰. Эта идея легла в основу моральной философии Ф. Петрарки.

Превознесение риторики прослеживалось в полемике Ф. Петрарки с Падуанским университетом, отдававшим предпочтение естественным наукам над гуманитарными. Он резко осуждал естествознание и медицину, призывая отойти от изучения тела к познанию души. Словесность Петрарка называл свободным искусством, которое не может быть подчинено искусству ремесленному, коим мыслитель считал медицину. Он утверждал, что первостепенно – врачевание души, которое является делом философов и ораторов.

Франческо Петрарка отмечал нерасторжимую связь разума и речи. Внутренний уединенный диалог, по его мнению, вторичен: для того, чтобы оставаться человеком, нужно общаться с другими людьми. Философ считал, что словами можно помочь душе, причем сама возвышающая способность к речи превалирует над ее содержанием. Кроме того, человеческий язык выступает объединяющей силой, формирующей умы⁹¹.

Для нашего исследования из воззрений Ф. Петрарки особого внимания заслуживает идея о важности устной речи и ее красоты. Развитие навыков красноречия и активная коммуникация с другими представителями социума формируют у человека более высокий уровень культуры мышления. Речь одновременно связывается и с разумом, и с духом, следовательно, ее совершенствование позволяет одновременно и объективно воспринимать окружающую реальность, и выразить субъективное отношение к ней. Если мы используем данное положение применительно к обучению красноречию на иностранном языке, то сможем заметить, что восприятие устной информации

⁹⁰ Петрарка Ф. О средствах против всякой судьбы / Пер. с лат. Н. Девятайкиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. 1/ Под ред. С. М. Стама – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – С. 98-101.

⁹¹ См. Garin E. History of Italian Philosophy / E. Garin. – Amsterdam: Rodopi, 2008. – P. 145-146.

и выражение ее в речи будет осуществляться не только с позиций, заложенных собственным менталитетом, но и с позиций культуры народов, выступающих носителями изучаемого языка. В дальнейшем эта идея будет развита в теории языковой компетентности, которая подразумевает, что с овладением навыками устной речи на иностранном языке можно добиться расширения границы индивидуальной культуры мышления.

Теперь рассмотрим основные лингвистические идеи последнего представителя философии Проторенессанса – Джованни Боккаччо. Пока мы не можем сказать, что в трудах этого деятеля эпохи Возрождения было такое четко очерченное направление, как философия языка.

Значимое влияние на него оказали его предшественники – Данте и Петрарка. Боккаччо разграничивал живой, народный язык, коим являлся итальянский, и более серьезный, научный – латинский.

В попытках положить конец борьбе этих двух языков Боккаччо привнес в свое творчество на итальянском языке формы латинской буколики (александрийской поэзии)⁹². Стоит отметить, что буколика изображала сельский образ жизни с его чистотой и естественностью, противопоставлявшийся утонченному, но безнравственному городскому образу жизни. А теперь обратим внимание на темы, которые в большей степени интересовали Боккаччо. Особенно стоит выделить среди этих тем мораль, добродетель, судьбу человека. Вслед за Петраркой он пытался выяснить, чем должен быть человек, стремящийся победить жизненные трудности, которыми изобилует современная действительность. Решение этой проблемы оба мыслителя – и Петрарка, и Боккаччо – видели в отделении новых чувств от средневековых переживаний. Подобные вопросы Боккаччо ставил в латинских трудах.

⁹² См. об этом: Смирнов А.А. Джованни Боккаччо / А.А. Смирнов // Джованни Боккаччо. Фьяметта. Фьезоланские нимфы/ Под ред. И.Н. Голенищева-Кутузова, А.Д. Михайлова. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – С. 261-263.

Однако со временем он осознал ценность греческого языка, которому научился у калабрийского грека Леонтия Пилата. До встречи с ним Боккаччо не воспринимал труды Гомера, но обучение у калабрийца сделало его первым итальянским эллинистом. Переведенная Пилатом на латинский язык «Илиада» стала для Боккаччо основой для изучения греческого языка, который в дальнейшем оказал большое влияние на поздних гуманистов.

Мыслителю нужны были факты и наглядные примеры, которые могли бы проиллюстрировать его морально-философские идеи и донести их до людей. Однако литература на латинском языке не могла в полной мере удовлетворить эти потребности, поэтому Боккаччо старался как можно чаще ссылаться на греческие произведения – первоисточники или обработки. В итоге у философа оказался довольно богатый арсенал для подкрепления своих воззрений⁹³. Особенно ярко это прослеживается в его произведении «Генеалогия языческих богов». К примеру, он писал: *«...поэты изображают Юпитера то богом небес, то эфирным огнем, то орлом, то человеком и вообще в каких угодно других формах», «истинного и единого Бога Священное писание изображает то солнцем, то огнем, то львом, то змием, то агнцем, то червем, а то и камнем...», «причем, как у поэтов, это делается не без таинственного смысла. Так что же режут слепцы? Мучимые завистью, они не хотят оставить в покое то, чего сами не понимают»*⁹⁴.

Боккаччо оперировал мифологическим материалом греческой классики, по максимуму отходя от влияния христианства. Благодаря этому трактату, мыслителю удалось продемонстрировать широкую просвещенность и мудрость, а для гуманистов открылся новый источник знания⁹⁵.

⁹³ Там же, с. 283-288.

⁹⁴ Боккаччо Дж. Генеалогия языческих богов [Текст] // Эстетика Ренессанса: Антология в 2-х томах. Т.2./ Сост. и науч. ред. В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – С. 44-45.

⁹⁵ См. Рязанов П.А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора / П.А. Рязанов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 207-212.

Из вышесказанного можно вывести лингвофилософский аспект доктрины Джованни Боккаччо. С самого начала мыслитель осознавал дифференцированность восприятия народного и научного языков. По мере движения образа мышления от поэтического к философскому Боккаччо отдалялся от итальянского языка и склонялся к латинскому. Однако он пришел к выводу, что последний не располагает достаточным спектром изобразительных средств для донесения мудрости до простого народа. Таким образом, Боккаччо был вынужден обратиться к третьему языку – греческому, использование которого позволило ему расширить границы познания, причем как собственные, так и своих читателей.

Итальянскому – народному – языку, по мнению Боккаччо, не хватало научности. В то же время он понимал, что латинский – научный – язык недостаточно приспособлен для восприятия простым народом. Введение греческого языка оказало компенсирующий эффект на доктрину Боккаччо. В то же время сам философ натолкнулся на барьер, представляемый границами собственного языка, который не позволял ему в полной мере объективизировать свои воззрения. Изучение греческого языка предоставило ему более широкие возможности для познания и выражения его результатов.

Это наглядный пример того, как изучение иностранного языка совершенствует культуру мышления человека. Невозможность раскрытия какой-либо стороны изучаемого предмета на родном языке компенсируется возможностью взглянуть на него с иного ракурса, которую открывает иностранный язык. Эволюция лингвистических воззрений Джованни Боккаччо показывает, что носители разных языков обладают разными образами мышления, а изучение иностранных языков способствует развитию многогранной индивидуальной культуры мышления личности⁹⁶.

⁹⁶ См. об этом: Гончарова А.А. Вклад Ф. Петрарки и Дж. Боккаччо в формирование современной философии языка / А.А. Гончарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №6-1. – С. 53-55.

Правомерно предположить, что теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа-Вайсгербера, сформулированная в 30-ых годах XX века, была заложена Джованни Боккаччо. До этого мы установили, что идеи гумбольдтианства вытекают из философии Данте Алигьери. Таким образом, мы можем проследить эволюцию лингвистических идей в контексте соотношения языка и мышления в философии Проторенессанса. Все это доказывает приведенный нами выше факт о пересмотре роли философов эпохи Возрождения в становлении языкознания как науки.

2.2 Формирование социально-политического и социокультурного направлений в философии языка Ренессанса

Рассмотрев основные идеи Данте Алигьери, Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, которые сформировали базу для последующих лингвофилософских теорий эпохи Возрождения, стоит обратить внимание на доктрину Коллюччо Салютати (1331 – 1406). Его наряду с тремя упомянутыми деятелями Проторенессанса принято относить к основателям гуманизма в Италии, однако нельзя не принять во внимание, что Салютати относится к более позднему периоду, чем Проторенессанс, следовательно, его философия уже отделяется от искусства и приобретает более конкретные черты, характерные для своего времени. Иными словами, главные постулаты Возрождения – провозглашение ценности человека, его самодостаточность и приоритет земной жизни перед загробной – преподносятся, начиная с Салютати, не в абстрактно-образной форме, а в определенной и содержательной.

Мыслитель уже не пытается представлять свои воззрения в виде художественных зарисовок, а открыто формулирует свою точку зрения, и это предстоит перенять и его последователям. В процессе обоснования им важности *studia humanitatis* (гуманитарных дисциплин) сформировалась одна из ведущих концепций итальянского гуманизма эпохи Ренессанса, заключавшая

в себе зарождение самостоятельности личности и освобождение ее мышления от влияния Церкви.

Во времена Салютати гуманистические учения подвергались нападкам со стороны Церкви как не несущие в себе теистического подтекста. Однако философ утверждал, что именно нетеистическая литература, в которой акценты смещаются с теоцентризма на антропоцентризм, помогает более полно понять Библию и труды «Отцов Церкви». По его мнению, гуманитарные и богословские дисциплины настолько взаимосвязаны, что полноценное познание одних невозможно без изучения других. Как писал философ в своем трактате «Эпистолярый», прежде чем подойти к учению Христову, необходимо познать грамматику, ведь постичь Священное Писание, будучи незнакомым с письмом как таковым, невозможно. Игнорирование важности грамматики привело к тому, что люди не понимают, что читают, соответственно, не могут искренне воспринять постулаты Священного Писания⁹⁷.

Ключевым связующим звеном здесь Салютати провозглашал язык. Развивая идеи Цицерона, который называл язык главной отличительной чертой людей от животных, мыслитель пришел к выводу, что язык представляет собой фундамент для воспитания и образования. Однако дальнейшие его искания привели к тому, что язык и лингвистическая наука стали средством выявления определенных закономерностей в искажениях религиозных текстов⁹⁸. Таким образом, начав пропаганду образования, которое неизбежно начало бы развивать в людях культуру критического мышления, К. Салютати проложил путь к освобождению умов от заблуждений, формируемых представителями духовенства.

⁹⁷ Salutati L.C. Epistolarium di Coluccio Salutati (Fonti per la storia d'Italia, 15-18 bis) / L.C. Salutati / Ed. Francesco Novati. – Roma 1891-1911 [Electronic resource] // University of Applied Sciences [Official site]. – URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost14/Salutati/sal_ep14.html (date of access: 13.03.2016). (пер. авт. дисс.).

⁹⁸ См. Bod R. A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns from Antiquity to the Present / R. Bod. – Oxford University Press, 2014. – P. 145. (пер. авт. дисс.).

В дальнейшем философы Возрождения, разрабатывавшие проблемы языка в той или иной степени, приходили к выводу, что лингвистические средства способны изменить образ мышления масс, будь то путем искажения истины, прикрытого неточностями перевода, или путем развития познавательных способностей отдельных личностей или целых народов. Работы продолжателей дела Салютати являются подтверждением того, что именно эпоха Ренессанса стала отправной точкой для формирования и развития науки о языке, рассматривающей данное явление в тесной взаимосвязи его с человеческим мышлением, причем как индивидуальным, так и коллективным.

Одним из ведущих лингвофилософов Раннего Возрождения является Лоренцо Валла (1407 – 1457). При анализе его воззрений до недавнего времени было принято основной акцент делать на трактат «О наслаждении», развивающий учение эпикурейцев. Однако Валла довольно подробно рассматривал тему языка в его взаимосвязи с мышлением. А.Ф. Лосев в книге «Эстетика Возрождения» отмечает, что он тонко чувствовал границу между формальной логикой и языковым мышлением, отдавая предпочтение последнему. Л. Валла считал язык более конкретным и жизненным явлением, фиксирующим реальность таковой, какая она есть. Иными словами, бытие, выраженное в языке, не выступает неким абстрактным обобщением. Связь между вещами в языковом мышлении детерминируется законами действительности, а не абстрактно-логическими механизмами⁹⁹. *«Если кто-то невежественен в красноречии, тот, по-моему, вообще не достоин заниматься теологией»*. *«Только красноречивые мужи»*, считал Валла, *«служат опорой Церкви»*¹⁰⁰.

⁹⁹ См. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1978. – С. 388.

¹⁰⁰ Валла Л. Элегантции / Л. Валла // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 133.

Валла противопоставляет риторику диалектике и метафизике. По мнению философа, она должна стать инструментом обновления богословия, придания теологии статуса науки, а также базисом гуманистического образования. Особой критике он подверг схематизм схоластического богословия, игнорировавшего риторическое искусство («*подвергают осуждению и изгоняют тех авторов, которые считают целью самим обрести красноречие*¹⁰¹»). Мыслитель считал, что формальный логицизм схоластического языка провоцирует нежелательные отступления от традиций классического языка.

Л. Валла пришел к выводу, что истинным универсальным существительным является только *res* («вещь»), а все прочие трансценденции являются лишь обозначением качеств и состояний. Схоластический же язык осуществляет недопустимую лингвистическую субстантивацию (придание другим частям речи статуса существительного): абстрактные термины, как *veritas* («истина») или *unum* («единое»), представлялись как вещи-в-себе, хотя таковыми не являются. Таким образом, отклонение от традиций языка влекло за собой не только эстетические последствия, но и перестройку всех основ философии. Поэтому Лоренцо Валла предпочитал каждый объект философского исследования трактовать как объект риторики¹⁰².

Стоит отметить, что Л. Валла был крупнейшим латинистом своей эпохи. Его сочинение из 6 книг «Элеганции» («О красотах латинского языка») считается воистину революционным, ведь автор предпринял попытку филологической критики Библии. С одной стороны, это открыло новый – исторический – подход к Священному Писанию, с другой – сделало трактат Валлы одним из самых читаемых произведений. Неудивительно, что этот труд попал в список запрещенной Инквизицией литературы. Сам философ писал, что

¹⁰¹ Там же, с. 130.

¹⁰² Цит. по: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – С. 389.

заслуги его трактата «О красотах латинского языка» перевешивают вклад в языкознание всего, написанного за предыдущие шесть веков¹⁰³.

Действительно, в этом произведении Валла не просто суммирует знания или дает характеристику тем или иным положениям. Его труд – это именно комментарии, где он критикует, исправляет и подробно рассматривает слова, грамматику, синтаксис и морфологию, оставленную в наследие такими поздними классическими грамматистами, как Присциан, Донат и Сервий. Валла отбирал примеры из классической литературы и демонстрировал правильное употребление слов, выражений или конструкций. При этом «правильным употреблением» Валла признавал грамматически корректную и риторически эффективную постановку семантических единиц.

Он также соглашался с античными мыслителями Квинтилианом и Цицероном в том, что в первую очередь язык как таковой должен служить для коммуникации и убеждения, а у философов, логиков, теологов, толкователей должен быть свой определенный пласт языка. Представления о традициях и обычаях с подачи Валлы легли в основу так называемой теории культуры. Постижимость разумом общественных различий – это то, без чего невозможно развитие культуры. Пока нация использует свой уникальный язык, наука и искусство не получают практически ничего. Однако, например, когда распространилось влияние Римской империи, больше людей стало использовать латинский язык в общении друг с другом. Отделив язык от политических примесей, среди которых он зародился и развивался, Валла пришел к выводу, что именно латынь стала проводником культурного роста, двигателем прогресса в искусстве, науке, юриспруденции, просвещенности в целом¹⁰⁴.

¹⁰³ Подробнее см. Ревякина Н.В. Творческий путь Лоренцо Валлы и его философское наследие // Лоренцо Валла Об истинном и ложном благе. О свободе воли (Сер. Памятники философской мысли) / Пер. Н.В. Ревякиной. – М.: Наука, 1989. – С. 26-29.

¹⁰⁴ См. Nauta L.W. Lorenzo Valla and the rise of humanist dialectic / L.W. Nauta // The Cambridge Companion to Renaissance Philosophy / in J. Hankins (ed.). – Cambridge, 2007. – P. 193-210. (пер. авт. дисс.).

Еще одна важная идея Л. Валлы в области философии языка заключается в том, что если в тексте отсутствует точка зрения его автора, то текстом в полном значении этого слова его назвать нельзя. Ключевым свойством языка Валла считал наличие в нем точки зрения говорящего (или пишущего) на нем человека. На основе этого он подверг критике «Дарственную грамоту Константина».

Этот документ, подписанный императором Константином, долгое время считался юридическим подтверждением притязаний папства на светскую власть. Около пяти веков подлинность грамоты не подвергалась сомнению, пока Валла не провел тщательный лингвистический анализ текста. Он заключил, что используемые в нем «варварские обороты речи» не существовали в IV веке, когда грамота якобы была составлена. Император Константин не мог подражать языку Священного Писания, поскольку никогда его не читал, а подлинный автор документа неграмотно оперирует определениями, не будучи осведомленным, как в то время составлялись постановления в Риме.

Анализ используемой лексики, проведенный Валлой, доказал, что многие слова вошли в латинский язык намного позже IV века, и истинный носитель классической латыни не мог их употреблять, философ установил, что текст писался человеком, не имевшем представления о том, о чем идет речь, следовательно, подлинным текстом не является и юридической силы иметь не может. Так философия языка Л. Валлы стала «историей, вооруженной научным методом»¹⁰⁵. При этом философ уточнял, что не ставит перед собой цели писать обвинительные речи в адрес тех или иных исторических персон.

Он стремился «удалить из умов людских тяжкие заблуждения». Мыслитель был уверен, что глупостью является «большее осуждение наглости обманщика, чем безумие тех, которые поверили ему». Он напомнил людям о

¹⁰⁵ Цит. по: Степанова Л.Г. Тонкословие латинского языка Лоренцо Валлы / Л.Г. Степанова. – СПб: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 23.

том, что, если бы предложенный текст был написан евреями, греками или варварами, носители латинского языка потребовали бы ссылку на первоисточник и обратились бы к компетентному переводчику с целью надежного истолкования его смысла. Валла призывал людей не быть легковверными, особенно когда речь заходит об их собственном языке, отметив, что истине принадлежит самая большая сила¹⁰⁶.

Проанализировав вышесказанное, мы можем дать философии языка Лоренцо Валлы следующую характеристику. Она кардинально отличается от воззрений предшественников Валлы – представителей Проторенессанса: в их трудах прослеживались идеи, которые могли бы пошатнуть авторитет Церкви, но все же основная их направленность – место языка в культуре, а не в политике, и соответствующая взаимосвязь его с народным мышлением.

Л. Валла же отталкивался от недостатков языка, используемого богословами, и впоследствии его искания обрели форму филологической критики Священного Писания и других религиозных текстов. На примере «Дарственной грамоты Константина» гуманист показал, что с помощью языковых средств представители власти (в данном случае – Церкви) способны определенным образом влиять на народное мышление.

С точки зрения обыденного сознания, то, что преподносилось как исторический факт, не могло быть подтверждено или опровергнуто, поскольку тому не оставалось живых свидетелей, которые могли бы выступить с доказательными аргументами. Однако с точки зрения философа, этим самым свидетелем выступает язык, который способен искусно скрыть, а потом наглядно представить искомые свидетельства правды. Не ставя перед собой конкретной цели по разоблачению обмана, Валла установил, что филологическая критика ведет к раскрытию правды.

¹⁰⁶ Валла Л. Рассуждение о подложности так называемой «Дарственной грамоты Константина» // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии/ Пер с латинского М.А. Гуковского. – М.: АН СССР, 1963. – С. 140-141.

Таким образом, мы можем заключить, что язык в доктрине Л. Валлы – это путь к постижению истины, но в то же время он может стать инструментом для ее сокрытия. Данное положение можно представить как продолжение идеи Ф. Петрарки «дурные языки низвергают государства». В данном случае мы можем трактовать это как возможность языка задавать определенную ориентацию мышлению народа путем коррекции или подмены истины в выгодном для представителей власти направлении.

Теперь рассмотрим другое направление философии итальянского Ренессанса, связывавшее язык и мышление. В период Высокого Возрождения вопросами языка занимался, главным образом, Пьетро Бембо (1470 – 1547). В большей степени его интересовал тот аспект философии языка, который в Проторенессансе разрабатывали Данте Алигьери и Франческо Петрарка. Как мы уже отмечали, первый превозносил народный язык (*volgare*), а второй – научный (латынь). Бембо был сторонником итальянского языка, который, по его мнению, способен был стать достойной альтернативой латинскому. В своем трактате «Рассуждения в прозе о народном языке» он писал, что самими великими словами являются те, что могут осветить человеческие души и сделать их свободными. Людям, в свою очередь, удобнее выражать свои искренние чувства, будь то похвала или недовольство, на народном языке. Латынь люди используют, но только по необходимости, поскольку для них он неестественен¹⁰⁷.

Он старался аргументировать необходимость обращения итальянской национальной культуры к исконному языку. Бембо в качестве главного аргумента в пользу итальянского языка выдвигал его естественность. Признавая билингвизм языковой ситуацией своей эпохи, гуманист старался разрешить ее, нанося точные логические удары по «пролатинским» настроениям.

¹⁰⁷ Bembo P. *Prose della volgar lingua*. Edizione di riferimento: *Prose e rime di Pietro Bembo*, a cura di C. Dionisotti, Torino, UTET, 1966 [Electronic resource]// La biblioteca digitale della letteratura italiana [Site] – URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t79.pdf (date of access: 13.03.2016). (пер. авт. дисс.).

П. Бембо утверждал, что приоритет должен отдаваться родному языку, даже если он не столь совершенен, как иностранный. Согласно его убеждениям, высокая итальянская литература должна быть написана на итальянском языке. Гуманист не разделял точки зрения своего предшественника Ф. Петрарки, который провозглашал латынь настоящим языком древних итальянцев, которые в свое время создали едва ли не идеальное государство. Современные же итальянцы, пользующиеся итальянским языком, по мнению Петрарки, растеряли все былое величие своей страны и ее великой культуры.

Бембо, напротив, заявил, что латынь как элемент античной культуры перестала быть «венцом учености», хотя по-прежнему хранит интеллектуальную престижность. Итальянский же в своем произведении «Рассуждение о прозе на национальном языке» мыслитель кладет в основу идеи языкового прогресса. В построении теории Бембо использует метод от противного.

Предположим, что писать все же следует на более «достойном», а не на родном языке. Тогда римляне предпочли бы греческий язык, греки – финикийский, и подобная тенденция привела бы к свертыванию лингвистического разнообразия. Вместе с этим, как считал Бембо, человечество ожидал бы регресс цивилизации в целом. Иными словами, эволюция языка является отражением эволюции человечества¹⁰⁸.

Исследовал проблемы языка и итальянский писатель Бальдассаре Кастильоне (1478 – 1529). В своем трактате «О придворном» он пишет, что его не раз укоряли в том, что он при написании своих работ не подражал языку Боккаччо. Однако сам писатель полагал, что «истинная норма хорошей речи вырабатывается при употреблении», поэтому, с одной стороны, использование слов, вышедших из обихода, не вполне корректно, а с другой – нет смыс-

¹⁰⁸ Цит. по: Карданова Н.Б. Пьетро Бембо и литературно-эстетический идеал Высокого Возрождения / Н.Б. Карданова. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 96-98.

ла отвергать слова, встречающиеся в речи жителей других регионов страны¹⁰⁹.

Кастильоне пришел к выводу, что язык является некоей производной культуры, а литературный язык (коим должен быть итальянский) можно трактовать как производную от «придворной» итальянской культуры, принадлежащей кругу образованных людей, сопереживающих судьбе Италии. Однако, развивая данную лингвофилософскую проблему, Кастильоне вскрыл другую – касающуюся доминирующего среди итальянских диалектов. Один из них – «классический» итальянский или тосканский – должен был быть положен в основу формирующегося национального языкового стандарта.

С одной стороны, итальянский можно было позиционировать как общегосударственный язык, тосканский – как региональный. Например, тосканский считался одним из наиболее авторитетных *volgare*-языков в стране, на нем писали Данте, Петрарка и Боккаччо. Наконец, его грамматика претерпела наименьшее количество изменений в сравнении латинским языком. С другой стороны, жителям других регионов было трудно воспринимать произведения великих писателей, поскольку тосканский диалект сильно отличался от привычного для них языка. Так встала проблема необходимости унификации народного языка.

Таким образом, уже в XV веке была предпринята первая попытка создания универсального языка, хотя и в пределах одного государства. Тогда эта идея выглядела абсолютно утопической, и лишь с XVII века за пределами Италии начнутся фундаментальные исследования в области поиска универсального – но уже искусственного – языка¹¹⁰.

¹⁰⁹ Кастильоне Б. Придворный / Б. Кастильоне / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI века. – СПб., – 2002. – С.181-247.

¹¹⁰ См. Жолудева Л.И. Спор о названии языка в лингвистических трудах Чинквеченто как отражение проблем формирования итальянской идентичности / Л.И. Жолудева // Древняя и Новая Романья. 2013. – № 2 (12). – С. 36-48.

Обобщая результаты проведенного нами анализа, хотелось бы подчеркнуть следующее. П. Бембо, опираясь на ключевые идеи Данте и Петрарки, разработал фундаментальную концепцию языкового прогресса, которая тесно увязывает язык и культуру цивилизаций. Фундаментальные исследования в области развития языка принято соотносить с гумбольдтианством, однако мы можем заключить, что первые и довольно важные шаги в этой области сделал именно Пьетро Бембо. Проблема свертывания лингвистического разнообразия является перспективным направлением для разработки и в настоящее время. В современных условиях лингвистической глобализации группа широко распространенных языков продолжает укреплять свое лидирующее положение, а языки малочисленных этносов неуклонно исчезают. При этом на XI конференции Фонда исчезающих языков (Foundation for endangered languages) было отмечено, что так называемому лингвистическому угасанию оказывает содействие английский язык¹¹¹.

Данную проблему можно соотнести и с идеей, высказанной Б. Кастильоне, о том, почему в обществе возникла необходимость унификации языка. Но если в рассматриваемый нами временной период эта необходимость существовала в рамках одного государства и затрагивала несколько диалектов одного и того же языка, то сегодня аналогичный процесс протекает на международном пространстве.

Как мы отметили, английский язык способствует свертыванию языкового многообразия, что выражается в приобретении им статуса всеобщего универсального второго языка. В связи с этим появилась необходимость очистить его от культурных факторов и выработать некую нейтрально-международную норму, то есть создать его международный вариант для об-

¹¹¹ См. David M.K. Working Together for Endangered Languages: Research Challenges and Social Impacts / M.K. David, N. Ostler, C. Dealwis. – FEL XI: Foundation for Endangered Languages, University Malaya. – Kuala Lumpur, Malaysia, 26-28 October 2007. – P. 47-55. (пер. авт. дисс.).

щения всех народов вне зависимости от их национальности, культуры, религии и местоположения.

Однако отделение языка от культуры неправомерно, поскольку в языке заключен фундаментальный базис мышления народа, который в свою очередь, выступает носителем определенной культуры. Поэтому необходимо согласиться с представителями итальянского Высокого Возрождения, постулирующими взаимосвязь эволюционных процессов языка и культуры, а вместе с ней – и национального мышления.

Таким образом, резюмируя рассмотренные нами идеи философов итальянского Возрождения, разрабатывавших проблему взаимосвязи языка и мышления, мы можем выделить два крупных направления в этой области. Первое назовем *социально-политическим*: его основной целью было раскрытие истины, которую скрывало от народных масс духовенство, с применением метода текстологической критики. Уточнение переводов Священного Писания и комментарии к резонансным формулировкам стали средством обличения навязывания Церковью выгодных ей постулатов малообразованным людям. Именно это направление из области лингвофилософии сместилось в область идеологии, подготовив тем самым почву для реформационного движения. Таким образом, в эпоху Ренессанса языку был придан статус политического и идеологического фактора.

Второе течение назовем *социокультурным*. В широком смысле оно увязывает эволюционные процессы в языке с развитием целых цивилизаций, а в более узком рассматривает язык в его взаимосвязи с национальной культурой. Поскольку язык – явление динамическое, подверженное влиянию социокультурных обстоятельств, то этапы его становления действительно будут совпадать с определенными историческими периодами, характеризующимися теми или иными тенденциями. В то же время язык накладывает уникальный отпечаток на культуру определенной нации и коллективное мышление

ее представителей. Данные концепции активно разрабатываются и в современной науке.

Но, несмотря на смысловые различия социально-политического и социокультурного направлений, правомерно констатировать единство взглядов философов итальянского Возрождения на силу влияния языка на мышление людей. Он может выступать средством его контроля, фактором развития, индикатором эволюции или выражением менталитета. Различие состоит лишь в том, активное или пассивное начало имеет язык в конкретной ситуации: используют ли его люди как инструмент влияния, или же язык сам влияет на человеческое мышление, независимо от воли субъекта¹¹².

2.3 Философия языка Северного Возрождения как идейная основа Реформации

После того, как мы установили основные направления разработки проблемы взаимосвязи языка и мышления в эпоху Ренессанса в Италии, стоит отдельно рассмотреть эти проблемы в философии Северного Возрождения. Принято считать, что в рассматриваемый нами период продуцирование принципиально новых идей характерно для Италии, а другие страны Европы лишь адаптировали их под свои реалии. Однако Северное Возрождение во всех своих воплощениях (литература, живопись, философия) имеет свою отличительную черту, а именно акцент на трансформацию общественных взглядов, отношений между отдельными личностями и социумом в целом, тогда как Итальянское Возрождение отдает приоритет чувствам и восприятию отдельной личности. Поэтому правомерно предположить, что и проблемная область взаимосвязей языка и мышления в Итальянском и Северном Возрождении отличается по сходному принципу. Это обуславливает необхо-

¹¹² См. об этом: Гончарова А.А. Направления лингвофилософской мысли Ренессанса / А.А. Гончарова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – Вып. 3(27). – С. 55-61.

димось рассмотрения философии языка Северного Возрождения отдельно от аналогичного направления мысли Итальянского Ренессанса. Проанализируем взгляды ряда представителей Северного Возрождения и попытаемся выявить их отличительные черты, а также подтвердить нашу гипотезу о различии философии языка Итальянского и Северного Возрождения.

Эразм Роттердамский (1469 – 1536) – представитель Северного Возрождения, получивший прозвище «Князь гуманистов». Одним из важнейших направлений его творчества было гуманистическое богословие, которое базировалось на детальном филологическом исследовании источников христианства, включая самые древние. Особое место в философии Эразма занимает его работа над Новым Заветом. Он изучил десять рукописных вариантов его текста, созданных в различные периоды времени, выявил все неточности в чтении и трактовке, которые препятствовали раскрытию первоначального смысла. Полученный текст философ представил на греческом языке в сопровождении латинского перевода и подробных комментариев¹¹³.

Комментировал Эразм и другие религиозные тексты, включая труды философов периода патристики. Стоит отметить, что мыслитель при передаче смысла комбинировал филологический и идеологический подходы. Текстология Эразма постепенно трансформировалась в орудие идеологической борьбы с подлогами Церкви в процессе трактовки религиозных текстов. Гуманист изменил сам подход к Священному Писанию: если раньше его текст не подлежал даже обсуждению, то Эразм подошел к проблеме с «человеческой» позиции и применил к нему методiku филологической критики. Достижения схоластики, отличавшиеся подробной разработкой логических

¹¹³ См. Мечковская Н.Б. Язык и религия: лекции по философии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство "ФАИР", 1998. – С. 251.

проблем, в трудах Эразма были и вовсе выставлены пустыми рассуждениями¹¹⁴.

Местами из комментатора он превращался в публициста-обличителя. Эразм писал, что нередко невежественные клеветники могли вырвать из контекста несколько слов с единственной целью – оболгать первоисточник.

Благодаря своему тонкому переводу ряда постулатов Нового Завета Эразм по-новому расставлял акценты в религиозной и общественной жизни. Так греческому слову *metanoieite* можно было дать несколько переводов, и в зависимости от выбора варианта определялось его место в жизни личности. Вариант «покаяться» использовался редко, вариант «творить покаяние» принималось официальным богословием. Наконец, интерпретация Эразма Роттердамского «одуматься» придал слову светскую, далекую от Церкви, окраску. Элемент веры был перенесен таким образом в сферу человеческой морали. Подобные идеи подготовили базу для будущей Реформации¹¹⁵.

Особую враждебность сторонников Церкви вызвала аннотация, сопровождавшая перевод Эразма. Во-первых, среди конструктивных филологических замечаний встречались обличающие комментарии в адрес священнослужителей, которые долгое время были неприкосновенными. Во-вторых, духовенство возмутил тот факт, что Эразм не включил в свою версию Нового Завета последнюю главу Первого послания Иоанна с рассуждениями о Святой Троице. Философ объяснял данное действие отсутствием данного эпизода в большинстве греческих рукописей. Добавить главу он согласился лишь при условии, если ему предоставят соответствующую рукопись. Документ, представленный Эразму, был подделан в Оксфорде в конце 10-х – начале 20-х годов XVI века членом францисканского ордена. Эразм воспользовался

¹¹⁴ См. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. Учеб. Пособие / А.Х. Горфункель. – М.: Высш. школа, 1980. – С. 125.

¹¹⁵ Цит. по: Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама / С.П. Маркиш. – М.: Художественная литература, – 1971. – С. 123-124.

этой рукописью, однако четко дал понять в примечании к изданию, что ее подлинность подвергается сомнению¹¹⁶.

Хотя по официальной версии, родоначальником текстологии считается И.Я. Грисбах, и как полноценная подотрасль языкознания она сформировалась во второй половине XVIII века, именно с Эразмом Роттердамским связывают ее истоки. Учитывая, что ранее мы установили его роль в подготовке идейной базы Реформации, правомерно заключить, что сущностью этой базы выступила именно текстология.

Изучая тему идеологии Реформации, стоит рассмотреть и лингвофилософию немецкого гуманиста Иоганна Рейхлина (1455 – 1522), которого вместе с Эразмом Роттердамским именовали «двумя очами Германии». Более того, позднее Мартин Лютер назовет его своим «отцом». Главной заслугой Рейхлина является необычная для своего времени позиция в переводческом споре вокруг Священного Писания. Рейхлин утверждал, что наиболее точной является трактовка Библии на древнееврейском языке. Он четко противопоставлял ее Вульгате (общепринятому тексту Библии на латинском языке, достоверность которого ранее оспорил Эразм Роттердамский)¹¹⁷. Рейхлин выступал за распространение иврита, призывал к глубокому изучению древнееврейских традиций, а также утверждал, что еврейская литература способствует наиболее широкому пониманию христианских текстов.

Он предлагал переосмыслить всю философию иудаизма во благо европейцев, исповедовавших христианство, а путем к этому переосмыслению видел обучение еврейскому языку. Только иврит, по мнению Рейхлина, мог помочь устранить все неточности латинского и греческого переводов. Он частично перевел Священное Писание на иврит и, опираясь на свои взгляды, не укладывавшиеся в католическую догму, реализовал критический подход к

¹¹⁶ См. Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета / Б.М. Мецгер. – М.: Библейско-Богословский институт, 1996. – С. 148-150.

¹¹⁷ См. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Египетские, русские и итальянские зодиаки. Открытия 2005-2008 годов / Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. – М.: Астрель, 2010. – С. 442.

общепринятому переводу Ветхого и Нового Заветов¹¹⁸. Здесь мы видим идейное сходство с деятельностью Эразма Роттердамского и можем заключить, что эти два гуманиста представляли два сходных течения философии языка, которая выступила базой для концепции Реформации.

Однако если Эразм предпочитал греческий язык как инструмент своей текстологии, который хоть и изучался немногими, но, по большому счету, не казался чем-то неординарным, то иврит Рейхлина произвел настоящий переворот. Г. Ионкис пишет, что в начале XVI века в Кельне между немецкими гуманистами и сторонниками церкви разгорелся спор, известный в истории как «диспут о еврейских книгах». В католическом мире распространялись латинские тексты, а еврейские были объявлены ересью и сжигались. Во всей талмудической литературе тщательно выискивались антихристианские настроения. И именно И. Рейхлин был приглашен в качестве эксперта, который мог положить конец борьбе с еврейскими книгами¹¹⁹. Его идеологическое восстание против сожжения литературы на иврите трансформировалось в упомянутую нами выше текстологию.

Однако сказать однозначно, что распространение текстологической критики Священного Писания стало толчком к расшатыванию авторитета Церкви, нельзя. Вернемся к более раннему этапу нашего исследования, а именно – рассмотрению взаимосвязи языка и мышления в период патристики. Идеи, которые постулировали Эразм Роттердамский и Иоганн Рейхлин, на первый взгляд, схожи с воззрениями Августина Аврелия. Он отмечал, что проблема непонимания текстов Священного Писания кроется в неточностях, порожденных множественными латинскими переводами, и решить эту про-

¹¹⁸ См. Баешко Л. С. Великая книга сакральных знаний / Л.С. Баешко, А.Н. Гордиенко, Д.Г. Ларионов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 479 с.

¹¹⁹ Подробнее см. Ионкис Г. «Спор о еврейских книгах» как пролог к реформации [Электронный ресурс] / Г. Ионкис // Литературно-публицистический журнал «Лехаим». – 2002. – №8(124). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/124/spor.htm> (дата обращения: 07.10.2014).

блему Августин рекомендовал путем постижения иностранных языков, а именно – греческого и еврейского.

Из этого следует, что сами по себе трактовки религиозных текстов на иностранных языках авторитету Церкви не угрожали. Так почему же рассматриваемых нами деятелей Северного Возрождения принято считать идейными вдохновителями Реформации? Мы можем предположить, что ответ кроется в сознании народных масс.

Во времена патристики в Европе преобладали интенция мышления, направленная на поддержку Церкви, и уточнения христианских текстов на языках, отличных от латыни, могли восприниматься исключительно как пути более полного и всестороннего познания религии. Однако гуманистическое свободомыслие подтолкнуло народ к переосмыслению отношения к указанной проблеме. Эразм и Рейлих лишь явились выразителями сменившегося образа мышления, стремящегося вырваться за пределы католических догм. С одной стороны, подпитываемые идеями гуманизма, они смогли представить результаты своих лингвофилософских исканий в ином свете. С другой стороны, европейцы стали способными воспринять эти труды без церковного давления.

Аналогичные направления философствования мы можем обнаружить и в других странах. Во Франции старт текстологической критике религиозных текстов дал Жак Лефевр д'Этабль (1450 – 1536), известный также под именем Якоб Фабер. Изначально он был евангелистом, но после путешествия в Италию, где познакомился с новыми филологическими методами, Лефевр д'Этабль по-новому взглянул на Священное Писание. Начиная гуманистическую текстологическую практику с комментариев к работам Аристотеля, после чего перешел к анализу теологической литературы. Широкую известность получили такие труды Лефевра д'Этабля, как Псалмы и Послания апостола Павла, критическое изложение которых осуществлялось на основе ис-

точников на латыни, иврите и греческом языке, а также перевод Библии на французский язык.

Последнее, с точки зрения духовенства, было возмутительным по причине отделения духа католического учения от буквы, коим признавалась Вульгата. На самом же деле Церковь негодовала по иной причине: Лефевр д'Этапль установил, что ряд положений Библии представляют собой намеренные установления «отцов Церкви» и не находят никаких подтверждений в первоисточниках. Среди них были некоторые элементы литургии, обет безбрачия для священнослужителей, а также пост¹²⁰.

Ж. Лефевр д'Этапль основал во Франции целое движение, последователи которого были приверженцами критического анализа религиозных текстов на основе разумного подхода. Мыслитель, пошатнувший иррациональную веру в авторитет Церкви, как и многие другие гуманисты, разделявшие его воззрения, был подвергнут гонениям со стороны духовенства, из-за чего был вынужден бежать. Укрытие он нашел в Женеве, где вместе с последователями занялся подготовкой идейной базы французской Реформации.

Теперь рассмотрим воззрения представителя английского Возрождения, которые также зарождались как философия языка, но в результате стали еще одним толчком к Реформации. Английский гуманист Уильям Тиндейл (1494 – 1536), в отличие от Эразма Роттердамского и Иоганна Рейхлина, считал, что переводить Священное Писание следует не на древние языки (греческий или иврит), а на используемые в современной жизни, в частности – английский. Здесь мы можем проследить некоторое сходство с образом мысли Ж. Лефевра д'Этапля, также выбравшего для переводов родной язык. Однако последний не стремился доказать его ведущую роль в понимании смысла анализируемых текстов: его, как и Эразма Роттердамского, больше интересо-

¹²⁰ См. Михайлов А. Д. Французский гуманизм / А.Д. Михайлов // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3 – С. 228-231.

вало установление истины путем применения методов филологической критики.

У. Тиндейл же в большей степени был заинтересован в том, чтобы представить религиозные тексты в доступном виде для простого народа, который путем осмысления и построения самостоятельных умозаключений должен был прийти к истине. С.В. Сахневич установил, что Тиндейл пропагандировал изложение Слова Божьего на понятном для простого народа языке. Он считал, что клирики за сложным латинским языком пытаются скрыть истину: с одной стороны, люди не смогут в полном смысле познать Священное Писание, а с другой – не заметят *«мерзости и идолопоклонства католического духовенства»*.

По мнению Тиндейла, священники с определенной корыстной целью объявили любой перевод Библии на язык, отличный от латинского, ересью. Если простой народ понял бы Слово Божье в полной мере, держать его в неведении и формировать выгодный духовенству образ мышления народных масс путем собственных интерпретаций Священного Писания было бы довольно сложно. В этом случае народ смог бы подняться на сопротивление¹²¹.

У. Тиндейл воспринимался как филолог, стремившийся лишь сделать Священное Писание доступным для своих земляков, но оказавшийся по этой причине втянутым в религиозную политику. Гуманист боролся с тем, что Церковь через ограничение людей в возможности получать образование препятствовала изучению ими родного языка. Духовенство осознавало, что как только люди научатся читать и интерпретировать Писание, контроль и власть над ними будут потеряны. Именно поэтому Тиндейл и представлялся угрозой стабильности Церкви¹²².

¹²¹ См. Сахневич С.В. Уильям Тиндейл: на костер ради потребителя перевода / С.В. Сахневич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9 (39) – С.151-154.

¹²² См. Walker V. William Tyndale: Contribution to the English Language and Father of the English Bible [Electronic resource] / V. Walker // The international student journal "Student Pulse". – 2012. – №2 [Official Site]. –

Однако мыслитель, уверенно следуя своим убеждениям, стал первым в истории переводчиком Библии на английский язык. Стоит отметить, что его труды трактовались не только как ересь с точки зрения духовенства и идейная база для Реформации. Л.В. Егорова в своей докторской диссертации на тему «Английская библия и становление стиля метафизической поэзии» отмечает, что изначально Тиндейл пытался лишь утвердить английский язык как более совершенное лингвистическое средство для передачи идей Священного Писания по сравнению с латинским языком. Он обращал внимание на тот факт, что и греческий, и древнееврейский языки более схожи с английским своим строем. Более того, английский, по его мнению, сочетал в себе ясность и приземленность первого с благодатью и чистотой смысла второго¹²³.

Заслуживает внимания и его влияние на изменение статуса английского языка в мире. Дэвид Тимс в своей книге «Тиндейл: Человек, который заставил Бога заговорить по-английски» пишет, что этот мыслитель внес огромный вклад как в переводческую деятельность, так и в формирование непосредственно английского языка. Исходя из этого положения, Тимс называет английский в большей степени языком Тиндейла, чем языком Шекспира¹²⁴. В некотором смысле он эмансипировал английский своим переводом Библии, поскольку именно это событие придало языку значимость, которая впоследствии стала увеличиваться и достигла глобальных масштабов, то есть в итоге английский из языка определенной народности трансформировался в международный язык.

URL <http://www.studentpulse.com/articles/619/william-tyndale-contribution-to-the-english-language-and-father-of-the-english-bible> (date of access: 17.10.2014). (пер. авт. дисс.).

¹²³ См. Егорова Л.В. Английская библия и становление стиля метафизической поэзии [Текст]: Дис. док. филол. наук: 10.01.03 / Егорова Л.В. – Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2009. – С. 46-55.

¹²⁴ Подробнее см. Teems D. Tyndale: The Man Who Gave God an English Voice / D. Teems. – Nashville, Tennessee: Thomas Nelson Ink., 2012. – P. 19. (пер. авт. дисс.).

Проанализировав вышесказанное, мы можем заключить, что воззрения У. Тиндейла явно отражают взаимосвязь языка народа и коллективного мышления. В некоторой степени здесь прослеживается продолжение идей творца итальянского Проторенессанса Данте Алигьери, который говорил о полезном для людей народном языке, а также о расширении возможностей в познании и образовании при изучении языка и практике интерпретации. Однако в большей степени в философии Тиндейла выражена революционная направленность воздействия языковых инструментов на человеческие умы.

Если в случае Эразма и Рейхлина в Германии и Лефевра д'Этапля во Франции угрозой авторитету Церкви считались именно их разоблачительные работы, основанные на переводах Священного Писания, то опасность философии Тиндейла заключалась именно в воздействии языка на коллективное мышление. Прочитав произведения вышеупомянутых немецких гуманистов, народные массы могли лишь принять их положения и перестать безгранично верить во власть Церкви, однако этого могло и не произойти. А если, следуя доктрине Уильяма Тиндейла, люди начали бы изучать язык и тем самым постигать истину приложением собственных умственных усилий, то это более эффективно могло бы сподвигнуть их на восстание¹²⁵.

Вернемся к поставленной нами ранее проблеме – уникальным отличиям философии языка Итальянского и Северного Возрождения. Однако начнем мы все же с их общей черты, которой является социально-политическая направленность. Как мы уже отмечали, социально-политическим было одно из двух направлений итальянского Ренессанса, представителями которого являлись К. Салютати и Л. Валла. Основной деятельностью данных гуманистов являлось уточнение религиозных текстов с применением методов текстологической критики. В процессе этого уточне-

¹²⁵ См. об этом: Гончарова А.А. Влияние философии языка Северного Возрождения на общественное мышление / А.А. Гончарова // Ценности и смыслы. – 2015. – №3(37). – С. 138-145.

ния в теологических текстах выявлялись преподнесения тех или иных постулатов с выгодным для Церкви подтекстом. За счет вариативности переводов духовенство могло выдавать за Божественное Слово необходимые им положения, которые могли бы усилить воздействие на сознание народа и, соответственно, укрепить контроль над ним. Рассмотренные нами философы предприняли попытки очистить разум народа от заблуждений, показать им правду такой, какая она есть, и убедить в дальнейшем полагаться на плоды собственного мышления, а не на авторитеты. Однако именно деятели Северного Возрождения стали идейными вдохновителями Реформации.

Причиной тому могло послужить то, что доктрины Эразма Роттердамского и Иоганна Рейхлина изначально содержали в себе более выраженную идеологическую составляющую: первый старался изменить сам подход к Священному Писанию, второй боролся за права еврейской литературы. В итоге оба пришли к выводу (возможно, не столь очевидному и четко сформулированному, как непосредственно деятели Реформации) о необходимости трансформации общества из католического в светское.

Лоренцо Валла же не ставил перед собой цели вести разоблачительную деятельность: его труды являлись, в первую очередь, филологическим исследованием и не планировались как оружие против кого-либо. Этим подтверждается упомянутое нами различие Ренессанса двух регионов: концентрация на чувствах личности в Италии против приоритета общественных отношений в других европейских странах.

Уильям Тиндейл также не стремился к идеологическому восстанию и на первых этапах ставил перед собой цель просветительства, а Жак Лефевр д'Этапль и вовсе кардинально изменил свои взгляды и превратился из сторонника Церкви во вдохновителя Реформации. Этих гуманистов мы можем охарактеризовать как своего рода связующее звено между сторонниками политического направления лингвофилософии Италии и Германии. Таким об-

разом, мы можем заключить, что философия языка Северного Возрождения во многом выступила идейной основой Реформации.

Подведем итог анализа проблемы взаимосвязи языка и мышления по рассмотренному нами периоду в целом. На начальном этапе исследования мы отталкивались от положения, сформулированного А.Х. Горфункелем, что гуманисты, разрабатывая лингвофилософские проблемы, стремились изменить язык самой культуры. Всестороннее рассмотрение различных взглядов деятелей эпохи Ренессанса позволяет заключить, что данное положение имеет более глубокий смысл. Под языком здесь подразумевается не только система знаков, служащих для выражения мыслей, волеизъявлений и умозаключений людей. Это общественное явление, которое может стать весомым фактором, влияющим на образ мысли народных масс. Для культуры наиболее подходящим определением в нашем случае будет служить практическая реализация общественных ценностей, включающая способы самовыражения. Таким образом, гуманисты сделали язык орудием управления общественным сознанием, с помощью которого корректируются ценности, принятые в обществе, и поведение членов этого общества.

Кроме того, при всей многоаспектности взглядов мыслителей эпохи Ренессанса, мы можем разделить их на несколько течений по различным критериям. Для наглядности представим нашу классификацию в таблице 2.

Одну из классификаций – по предмету философствования – и основания для ее формирования мы начали рассматривать на предыдущем этапе нашего исследования (речь идет о делении концепций на социально-политическое и социокультурное направления). Поскольку о социально-политическом направлении проблематики взаимосвязи языка и мышления уже было дано подробное заключение выше, перейдем сразу к социокультурному.

Таблица 2

Классификация направлений лингвофилософской мысли Ренессанса

Критерии	Направления	Представители
1	2	3
По предмету философования	Социально-политическое	– Колюччо Салютати; – Лоренцо Валла; – Эразм Роттердамский; – Иоганн Рейхлин; – Жак Лефевр д'Этапль; – Уильям Тиндейл.
	Социокультурное	– представители Проторенессанса; – Пьетро Бембо; – Бальдассаре Кастильоне.
По характеру применения языка	Лингвистическое	– представители Проторенессанса; – Пьетро Бембо; – Бальдассаре Кастильоне; – Уильям Тиндейл.
	Текстологическое	– Колюччо Салютати; – Лоренцо Валла; – Эразм Роттердамский; – Иоганн Рейхлин; – Жак Лефевр д'Этапль.
По предпочитаемому языку:	Латинское	– Франческо Петрарка; – Лоренцо Валла.
	Греческое	– Джованни Боккаччо; – Эразм Роттердамский.
	Еврейское	– Иоганн Рейхлин.
	Итальянское	– Данте Алигьери; – Пьетро Бембо; – Бальдассаре Кастильоне.
	Национальное	– Жак Лефевр д'Этапль; – Уильям Тиндейл.

Мы установили, что гуманисты Проторенессанса заложили основу ведущих теорий современной лингвофилософии, которые были оформлены в полноценные доктрины лишь в XX веке. В частности, Данте Алигьери рассматривал понятие «национальное», в котором заключалась взаимообусловленность языка и мышления представителей нации, выступающей его носи-

телем. Джованни Боккаччо доказал, что структура языка оказывает значительное влияние на образ мышления его носителей. Пьетро Бембо развил идею Данте о взаимосвязи языка и национального мышления и пришел к выводу, что родной язык раскрывает более широкие перспективы для развития культуры мышления, а также увязал общественный прогресс с эволюцией языка. Бальдассаре Кастильоне заложил фундамент проблемной области, научные поиски в которой продолжаются до сих пор, а именно – унификация языка. Таким образом, мы можем заключить, что именно философам эпохи Возрождения обязаны важнейшие лингвофилософские и культурологические доктрины современности.

Вторая предлагаемая нами классификация направлений – по характеру применения языка. Сторонников лингвистического направления интересовал язык как таковой, они изучали его роль в науке, образовании, культуре и обществе в целом. Они стали предшественниками современного языкознания. Д. Алигьери выделил народный и научный языки, предпринял первичную попытку их классификации, интересовался истоками генезиса языка. Ф. Петрарка сосредоточился на красноречии и совершенствовании культуры мышления людей с его помощью, а также на роли языка в процессе познания. Дж. Боккаччо считал переводческую деятельность путем к просвещению и мудрости, ключом к открытию новых знаний. П. Бембо доказывал ценность национального языка как наиболее естественного для его носителей, а также как индикатора развития определенной цивилизации. Б. Кастильоне уделил внимание проблеме различия общегосударственного языка и его диалектов. Сторонники текстологического направления рассматривали язык как средство выявления истины, идеологической борьбы и контроля народных масс.

И последняя классификация, которая, на наш взгляд, также достойна внимания, – по предпочитаемому языку. Здесь отдельные мыслители, несмотря на свою национальную принадлежность, раскрывают достоинства отдельных языков и их роль в культуре мышления людей.

3. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ВЕКТОРОВ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Научная революция, которой ознаменовался переход к Новому времени, привела к трансформации и философских воззрений. Философия Нового времени продолжала придерживаться гуманистического вектора, заложенного в эпоху Возрождения, но центр ее интересов сместился к ценности человека как такового, в частности к ценности его разума. Познавательное отношение личности к окружающему бытию стало ключевой концепцией философии обозначенного периода. Соответственно, изменилось и место теории познания в структуре философского знания: она перестала быть второстепенной, дополнительной отраслью, а выдвинулась на лидирующую позицию наравне с онтологией. Правомерно предположить, что и философия языка претерпела определенные изменения в обозначенных условиях.

Рассуждая о переориентации взаимосвязи языка и мышления, которая является одной из ключевых проблем лингвофилософии, следует начать с рассмотрения проблем языка онтологического характера, подход к которым в XVI-XVII веках также претерпело изменения.

До этого существовало множество разрозненных точек зрения на происхождение языка, которые можно сгруппировать следующим образом. В первой группе создание языка приписывалось обычным людям: одна часть теорий подразумевала постепенное формирование языка из устоявшихся звукосочетаний (Лактанций, Диодор), другая часть постулировала эманацию языка из природы вещей (Эпикур). Другая группа аккумулирует теории, возлагавшие словотворческую функцию на бога или мудреца (Сократ, Платон, стоики). В каждой из этих теорий был особый взгляд на связь слова и его смысла. В XIII веке Роджер Бэкон скомбинировал теории звукового символизма и преднамеренного авторства языка и пришел к выводу о том, что язык формировался людьми сознательно, однако его онтологическая природа естественна.

К XVI веку многообразие теорий возникновения языка нивелировалось до двух базовых концепций. Первая гласила, что установление имен осуществлялось конвенционально, вторая увязывала значения слов с их звучаниями, то есть утверждала естественный генезис языка. Таким образом, формирующаяся новая философская семиотика жестко разграничила естественные и конвенциональные знаки и обозначила, что естественные знаки понятны любому индивиду, а конвенциональные перцепционно доступны лишь определенной их группе. К естественным знакам относились те, что были иконически подобны обозначаемым объектам или же индексально от них зависели. Конвенциональные же знаки никакой природной связью с обозначаемыми объектами не обуславливались¹²⁶.

Учитывая активные процессы общественного развития, зарождение книгопечатания, Великие географические открытия, старт распространения идей просвещения, можно понять, почему одним из ключевых направлений лингвистической философии Нового времени стал поиск универсального языка, который выступил бы инструментом межнациональной коммуникации, в том числе в области науки и культуры. А поскольку мыслители убедились в том, что языки могут возникать естественным путем и создаваться конвенционально, то и поиски всеобщего и единого инструмента глобального общения стали осуществляться в двух направлениях. Представители первого считали, что для этих целей требуется создать принципиально новую грамматику, а приверженцы второго предпочли в качестве базы универсального языка использовать один из естественных.

¹²⁶ См. Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. / Г.В. Вдовина. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – С. 262.

3.1 Идея создания искусственного языка в контексте поисков универсального языка в эмпиризме

Истоки концепции универсального языка обнаруживаются в трудах Френсиса Бэкона (1561 – 1626). Смена парадигмы обусловила потребность в очищении человеческого разума не только от религиозных предрассудков, но и других явлений, привнесивших в знание двусмысленности и неточности и мешавших полноценному (насколько это было возможно) познанию. Наиболее подробно данную идею и развил Бэкон в своей теории о познавательных идолах. Для нашего исследования особый интерес представляют «идолы площади» – многозначность слов, несоответствие их обозначаемым предметам или обозначение ими несуществующих явлений, что может быть неправильно понято людьми и стать помехой для полноценного познания.

Английский философ предлагал для устранения этих помех выделить две грамматики – нормативную, предметом которой станут известные естественные языки, и философскую, которая сосредоточится на общем языке для всех народов мира и будет не просто способствовать усвоению того или иного языка, но и поможет выстроить правильные аналогии между словом и смыслом. Рассмотрим, какое место в доктрине Ф. Бэкона занял поиск философского языка. Однако перед этим проанализируем, как мыслитель выстраивал связь между языком и мышлением, а также какую роль языку он отводил в познании.

Для выражения передачи знаний, по мнению Бэкона, могли использоваться три вида знаков:

- знаки-слова;
- знаки вещей (эмблемы, иероглифические обозначения, а также жесты);
- реальные знаки (условные выражения вещей, базирующиеся на «молчаливом соглашении»).

Однако оперирование знаками для полноценного сообщения новых знаний недостаточно. Бэкон подчеркивает важную роль грамматики, которая

выступает «противоядием против страшного проклятия смешения языков». Масштаб трагедии смешения языков философ сравнивает с бесплодием земли¹²⁷.

По мнению Е.Я. Басина, Бэкон предпочитал подходить к познанию с практической точки зрения, поэтому для философа был важен поиск эффективного метода трансляции полученных знаний. Основываясь на этой идее, Бэкон выстроил связь между теорией познания и теорией коммуникации (последнюю он определял как «искусство сообщения»). Прагматическое отношение к гносеологии позволило философу вывести основную цель построения философской грамматики – исследование смысла, который трактовался как аналогия между словами и обозначаемыми ими объектами¹²⁸. В этом контексте и представился достаточно актуальным поиск универсального философского языка, который должен был гарантировать четкую трансляцию смысла получаемых знаний, чего нельзя было добиться в условиях смешения языков. Рассматривая эту проблему, стоит обратить внимание на позицию Ф. Бэкона относительно языка как такового.

Исследователь истории науки профессор Гидо Гильони отмечает, что для английской философии XVII века главной трудностью в понимании реальности по аналогии с Универсумом было абстрагирование от языка. Слова репрезентируют вещи, в большинстве случаев эта репрезентация фальсифицирует опыт. Словно кривое зеркало, человеческий разум искажает и придает специфическую окраску реальной сути вещей, смешивая и путая эту суть с характером эссенции мира. Слова создают риск искажения и фальсификации, и эти явления стабильно сопровождают деятельность разума. Порождая это всепроникающее влияние, которое слова оказывают на непосредственный опыт, язык одновременно выступает причиной и следствием тенденции к

¹²⁷ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук //Сочинения: В 2-х томах. Т.1 / Пер. Н.А. Федорова. – М.: Издательство «Мысль» (Философское наследие), 1971. – С. 316-318.

¹²⁸ Цит. по: Басин Е.Я. Искусство и коммуникация (очерки из истории философско-эстетической мысли) / Е.Я. Басин. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – С. 68.

рассмотрению мира с одного лишь ракурса, ограниченного человеческим разумом.

Бэкон рассматривает слова как первичные фальсификаторы опыта, обремененные общественными предрассудками и общепринятым мнением, а в то же время обвиняет их в невольном и незаметном содействии конструированию вымышленных картин мироздания. Экстраполируя это на общественный опыт, можно заключить, что слова одновременно и объединяют, и разделяют: они формируют структуру человеческого общества, но также выступают постоянным источником конфликтов и разногласий. Сила слов – почти неоспорима, поскольку базируется на смешении неизученных предположений и фрагментов конвенциональной мудрости. Люди объединяются через язык, следовательно, значение слов зависит от понимания их народом в целом, в частности простого народа. Давление подобных языковых практик наносит ущерб возможности интеллекта понимать объективную реальность. Большинство людей считает, что контролирует язык, хотя на практике ситуация – прямо противоположная. Когда сила слов портит истинную структуру разумных аргументов, слова становятся субъектом человеческой мысли, и мысли подчиняются словам.

Бэкон утверждает, что слова путают категории, означающие различные действия, которые не могут быть превращены в устойчивые или общепринятые понятия. Дефиниции могут быть закодированы и сделаны когерентными, но, в конечном счете, при возвращении непосредственно к слову человеческий разум уже не способен устранить утечку, которая отделяет речевое описание вещи от материального процесса, с которым она соотносится. Названия субстанций более правдоподобны, чем названия качеств, характеристик,

свойств, за исключением чувственно воспринимаемых. Бэкон подчеркивает, что слова – это знаки и символы понятий, но не самих вещей¹²⁹.

Мы видим, что философ-эмпирик изначально постулировал негативную роль языка в познавательном процессе. Однако абсолютно исключить лингвистический фактор было недопустимо, поэтому правомерно предположить, что Бэкон поставил перед собой задачу – очистить язык от компонента, фальсифицирующего опыт. Пути решения этой проблемы он искал в самых истоках философии.

Профессор Закари Хатчинс пишет, что Ф. Бэкон предпринял попытку восстановления частично утерянной, частично искаженной мудрости Адама (так называемой эдемской мудрости), и в рамках этого восстановления можно наблюдать сопутствующий интерес философа к языку Адама (*lingua humana*, исконному языку человечества), с помощью которого и транслировалась эдемская философия, содержащая совершенное понимание сущности мироздания.

В XVII веке даже укрепилась вера, что через интерпретацию лексики языка Адама удастся установить точное соответствие между объектами и идеями, их репрезентирующими, поэтому восстановление *lingua humana* должно естественно сопровождать обретение человечеством способности распознавать, стимулировать и перечислять отличительные особенности каждого мысленного образа (или, возможно, даже предшествовать им). По этой причине Бэкон объявил, что те, кто будет следовать программе восстановления эдемской мудрости, смогут познать труднодоступные и даже скрытые части природы. Это, по мнению философа, необходимо для совершенного использования и практического применения человеческого разума и интеллекта, ведь слова – это знаки и символы понятий и представлений.

¹²⁹ См. Giglioni G. Francis Bacon. The Oxford Handbook of British Philosophy in the Seventeenth Century / in P.R. Anstey (ed.) / G. Giglioni. – Oxford: Oxford University Press (pp. 41-73), 2013. – 651 p. (пер. авт. дисс.).

Если категории разума, являющиеся душой слов и базисом целой структуры, будут опрометчиво и ненадлежащим образом абстрагированы от фактов, нечетко определены и в целом будут несовершенны во многих отношениях, вся система взглядов обрушится. Иными словами, Бэкон описывает интеллектуальные совершенствования как результат возможности строго определенного использования языка и, как ни парадоксально, лингвистической точности, которая является их производной. Слова и эдемская мудрость неразрывно связаны.

Как и следовало ожидать, люди, работавшие над претворением в жизнь идеи «Великого восстановления» Бэкона, заинтересовались уточнением существующих естественных языков и развитием искусственных языков, которым были бы присущи атрибуты *lingua humana*¹³⁰. Поскольку попытки восстановления первоначального языка не принесли результатов, оставалось подойти к проблеме с другой стороны. Если не было возможности воспользоваться универсальным языком, на котором говорили первые люди, оптимальным решением было придать подобный статус одному из существующих или создать принципиально новый. Первое направление впоследствии поддержал Рене Декарт, который в качестве универсального языка предложил французский. Сам же Бэкон отдал предпочтение разработке искусственного языка, надеясь, что такой универсальный язык будет способствовать продвижению естествознания и науки в целом.

Уильям Э. Бёрнс непосредственно связывает разработки Ф. Бэкона в области поисков всемирного универсального языка с научной революцией. Он пишет, что до этого на практике ученые в качестве такового использовали латынь, однако его лексики было недостаточно для всесторонней проработки потоков информации и новых идей, распространявшихся по Европе. Поэтому

¹³⁰ См. Hutchins Z. *Inventing Eden: Primitivism, Millennialism, and the Making of New England* / Z. Hutchins. – NY: Oxford University Press, 2014. – P. 135-136. (пер. авт. дисс.).

в XVII веке был выдвинут целый ряд проектов искусственных языков, которые помогли бы наиболее полно и непосредственно выразить структуру Универсума. Искусственный язык должен был также быть лишенным двусмысленности и неопределенности, которые присущи языкам естественным. В его письменности должен был быть выражен истинный характер языка, в котором знаки соотносились бы с непосредственно идеями, а не их речевыми аналогами. В качестве прецедента сторонники универсального языка принимали египетскую и китайскую иероглифику, а также музыкальную и математическую символику¹³¹.

Израильский ученый А.Б. Соломоник считает, что именно Бэкон способствовал формированию благоприятных условий для развития такой проблемной области, как искусственно создаваемые языки, которые должны были устранить обозначенные выше несоответствия. Созданное им Английское Королевское Общество оказывало активную поддержку ученым, разрабатывавшим это перспективное направление. Среди них – Джордж Дальгарно (1616 – 1687) – один из первых инициаторов проекта философского языка, который в книге «Искусство обозначения, или всеобщий символ и философский язык» (1661) предложил собственную систему, доступную для освоения людьми всего мира за двухнедельный срок.

Слова языка Дальгарно складывались из букв, за каждой из которых закреплялась определенная характеристика предмета. Таким образом, через слово предмет одновременно и обозначался, и качественно характеризовался. В подобной сумме характеристик автор искусственного языка видел философскую сущность обозначаемого слова. Сам Дальгарно считал, что сумел создать свод правил философского языка, избавленного от трудностей, которыми перенасыщены все имеющиеся языки со времен Вавилонского смеше-

¹³¹ См. Burns W.E. The Scientific Revolution: An Encyclopedia / W.E Burns. – Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2001. – P. 307. (пер. авт. дисс.).

ния, и каждая грамматическая и лексическая единица из оставшегося небольшого набора являлась, по его мнению, обусловленной разумным мышлением. А.Б. Соломоник утверждает, что проект не возымел успеха, поскольку его автор создал систему, противоречащую самому смыслу языка, где слова должны иметь относительно неделимый смысл. В то же время Дальгарно лишил сконструированный язык гибкости, ограничив его набором жестких категорий, соответствующих буквам и запрещающих маневрировать морфемами¹³².

Еще один значимый проект универсального языка также принадлежит члену Английского Королевского Общества, философу и теологу Джону Уилкинсу (1614 – 1672), автору трактата «Опыт о подлинной символической и философском языке». Каждое слово этого языка себя определяет, так что с его помощью, на первый взгляд, можно было бы строго и доступно организовать все многообразие человеческих мыслей. Все сущее Уилкинс разделил на 40 категорий, внутри которых предполагалась более детальная классификация: род → дифференциация → вид. Каждому виду автор отвел соответствующую гласную, дифференциации – согласную, а категории – слог. Таким образом, каждая буква сопровождалась смысловой нагрузкой¹³³. Однако соответствующая категоризация бытия оказалась слишком произвольной.

Х. Борхес считает, что классификация сущего, которая бы не была проблематичной, – это утопия, поскольку мир невозможно вписать в упрощенные человеческие схемы. Однако он видит и познавательную роль такого языка, заключающуюся в возможности через название объекта проследить историю и суть его бытия¹³⁴. В этом же видит достоинство языка Дж. Уилкинса и И.Т. Касавин, отмечающий актуальность проекта в эпоху становле-

¹³² Цит. по: Соломоник А.Б. О языке и языках [Электронный ресурс]// Вики-системы компетентных публикаций по еврейским и израильским темам [Сайт]. – Режим доступа: <http://pubs.ejwiki.org/wiki/> (дата обращения: 07.03.2015).

¹³³ Wilkins J. An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language / J. Wilkins. – London, Royal Society, 1668. – P. 23.

¹³⁴ Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. Том 2. Эссе. Новеллы/ Х.Л. Борхес. – Рига: Полярис, 1994. – 559 с.

ния нового естествознания. По его мнению, онтологический переворот в науке обусловил необходимость создания нового языка, погруженного непосредственно в учение о бытии. Такой язык должен был кардинально отличаться от математического языка, а также быть выводимым из абстрактных умозрительных принципов для передачи опытных данных. И язык Уилкинса И.Т. Касавин называет образцом описанного универсального языка¹³⁵.

От рассмотренного нами выше языка Дж. Дальгарно данный проект отличается преодолением ограничения лингвистической гибкости. Уилкинс предусмотрел использование диакритических знаков для обозначения грамматических окончаний. Правомерно предположить, что по этой причине данный язык получил большее распространение. Подобный подход к конструированию искусственных языков мы увидим в XIX веке в проектах Летелье и Б. Сотоса Очандо¹³⁶.

Изучению проблем языка было отведено значительное место в трудах Томаса Гоббса (1588 – 1679), который, проработав некоторое время секретарем Ф. Бэкона, впоследствии продолжил развивать заложенный им фундамент проблемы поиска универсального языка. Стоит отметить, что Гоббс находился также под сильным влиянием Галилео Галилея, благодаря чему он привнес новое направление в научное лингвоконструирование. В попытках разработать проект универсального языка философ старался внедрить в процесс сбора и накопления знаний принципы расчетных методов. Однако вместо математических символов, которые использовал Галилей, в новом универсальном языке Гоббс предложил применять «натуральные» слова в качестве искусственных обозначений. В дальнейшем эту идею будет развивать Лейбниц, сам же Гоббс прорабатывал лишь возможность существования подобного языка.

¹³⁵ См. Касавин И.Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания / И.Т. Касавин // Философия науки. – 2004. – №10. – С. 86-117.

¹³⁶ См. об этом: Гончарова А.А. Проблемы языка в философии Фрэнсиса Бэкона / А.А. Гончарова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – №12. – С. 197-202.

Философа больше интересовало происхождение языка как явления. Здесь стоит снова упомянуть доминировавшую в то время моногенетическую гипотезу, согласно которой все современные языки базируются на некоем первоязыке, который из-за естественного географического и общественного разделения развивался и образовывал диалекты, а они, в свою очередь, преобразовались в независимые языки. Гоббс называл этот первоязык *lingua adamica*. Он считал, что нахождение этого утраченного языка станет ключом к абсолютному взаимопониманию между людьми¹³⁷.

Мы видим прямой посыл к теории Бэкона. Но между концепциями Бэкона и Гоббса можно выделить определенное различие. Как и Бэкон, Гоббс видел большой разрыв между словами и вещами, разделял его скептицизм относительно достоверности в этом аспекте чувственных данных. На опыт, хранящийся в памяти как источник лишь возможного знания, накладывает свой отпечаток язык как источник словесных неточностей.

Гоббсу тем не менее было хорошо известно о зависимости языка от даже самых незначительных мыслительных операций. Бэкон признавал в качестве посредника между словами и вещами индуктивную логику. Гоббс же нашел разрешение неточностей языка в апелляции к силе дефиниций, которые могли гарантировать геометрически точное значение в философском дискурсе.

Не апеллируя к богу или природе, Гоббс превращает в абсолютную истину функционирование языка как результат расчета на логически выведенные слова. Для него нет ничего данного в словах – только оголенные частные смыслы, полностью изолированные, абсолютно не связанные, – множество разрозненных единиц. Все остальное – порождения человеческого разума:

¹³⁷ Цит. по: Jermolowicz R. On the project of an universal language in the framework of the XVII century philosophy / R. Jermolowicz // *Studies in logic, grammar and rhetoric*. – 2003. – №6 (19). – P. 51-61.

все отличительные особенности, все значения, порядок, внятность – все это сотворено человеком, его разумом и его языком.

Следует также отметить, что философия Гоббса впоследствии приобрела социально-политический смысл, и это не могло не внести свою специфику в его разработку проблемы языка. Он проводил параллели между лингвистической моделью и общественным строем, перенося принципы построения универсального языка на архитектуру политического строя¹³⁸.

Еще один сторонник искусственного языка в качестве универсального – чешский философ Ян Амос Коменский (1592 – 1670). Он рассматривал проблему взаимосвязи языка и мышления в аспекте педагогики. Данный вопрос являлся одним из компонентов идеи пансофии (всеобщей мудрости): Коменский считал, что люди должны получать разносторонне образование, а образовательную работу философ увязывал с обучением языкам. При этом он подверг критике заучивание лексики, а также изучение языка, отвлеченное от понимания конкретных наук. По мнению Коменского, понимание без языка существовать не может, как и язык без понимания, иначе человек из личности трансформируется в безмолвную статую или воспроизводящего бессмысленные звуки попугая¹³⁹.

Небрежность речи Коменский видел одной из причин «страдания» истины в науке. Поэтический стиль, наполненный гиперболами, образными выражениями, словами, используемыми в переносном смысле, по его мнению, с наукой не совместим. К небрежности речи относил Коменский и использование иностранных терминов, недоступных широкой аудитории, а также их некорректные или неточные формулировки и интерпретации. Когда философ или богослов объясняет ту или иную вещь в подобном стиле, она принимает вид, не соответствующий ее природе. Истина же, как писал Ко-

¹³⁸ См. Stillman R.E. The New Philosophy and Universal Languages in Seventeenth-century England: Bacon, Hobbes and Wilkins / in Robert E. Stillman (ed.). – London: Associated University Presses, 1995. – P. 137-139. (пер. авт. дисс.).

¹³⁹ Цит. по: Королевич А.М. Книга об эсперанто / А.М. Королевич. – Киев: Наукова Думка, 1989. – С. 30-32.

менский в своем сочинении «Предвестник всеобщей мудрости», должна созерцаться «в чистом свете»¹⁴⁰.

Влияние учения Ф. Бэкона обуславливало интерес Я. Коменского к проблеме универсального языка. В своем сочинении «Панглоттия» он дал краткую характеристику программы усовершенствования образования, направленную на достижение всеобщего мира и гармонии. Основным препятствием для достижения этой цели философ считал многообразие, непохожесть друг на друга и смешение языков. По этой причине он внес предложение о создании универсального языка, наиболее важной функцией которого будет устранение неопределенности идей. Это требует того, чтобы язык проводил параллели между словами и вещами, т.е. содержал ровно столько слов, сколько есть в мире вещей. Слова должны соотноситься с вещами точно так же, как звуки выражают природу вещей. Кроме того, язык должен быть постоянным и систематически упорядоченным, не содержащим элементов, которые не несут смысловой нагрузки. Также этот язык должен быть более простым, приятным и приближенным к идеалу по сравнению со всеми существующими языками. Таким образом, владение подобным языком может значительно улучшить понимание вещей, в том числе их сути.

В «Панглоттии» Коменский рассказывает о необходимости, возможности и условиях для использования универсального языка и представляет его предварительный план. Что касается лексики, он обращает внимание на то, что фоносемантика (концепция присущности смысла звуковым фонемам как они есть) должна использоваться настолько, насколько это возможно, для того чтобы представлять значение слова непосредственно по отношению к мысленному образу. Например, буква “а” должна обозначать большой объем, буква “i” – нечто маленькое или тонкое, буква “o” – нечто круглое и т.д. Ко-

¹⁴⁰ Коменский Я.А. Предвестник всеобщей мудрости// Избранные педагогические сочинения / Я.А. Коменский // В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 492.

менский подсчитал, что набора из 300 односложных корней слов, если их объединять в многосложные и увеличивать количество смыслов путем прибавления различных аффиксов, будет достаточно для построения полноценного лексикона без избыточности.

В области грамматики Коменский установил серию правил, позаимствованных из стандартной структуры латыни, но стремился к ее упрощению и упорядочению. Например, он считал, что род используется только в случае необходимости идентификации мужского или женского пола, но он в равной степени применим как к существительным, так и к глаголам. Также главной целью универсального языка было сокращение объема лексикона. Таким образом, он станет более сжатым, понятным и легким для изучения, чем все существующие языки¹⁴¹.

По мнению С.К. Милославской, целью преодоления «вавилонизации» (смешения языков) в концепции Я. Коменского, является снятие препятствия всеобщему просвещению. Кроме того, панглоттия позволит упорядочить все человеческие помыслы и слова и тем самым создать условия для гармоничной жизни на Земле. Философ призывает все народы мира к укреплению единства человеческого рода, чего можно добиться лишь через взаимную коммуникацию. И инструментом для реализации этого может стать лишь искусственный универсальный язык, поскольку ни один из естественных такую функцию принять на себя не способен. К такому выводу Коменский пришел в результате анализа древнееврейского, греческого, латинского, германского и славянского языков, а каждом из которых ученый обнаружил множество недостатков. Стоит также отметить, что Я. Коменский не отрицал необходимости изучения иностранных языков, поскольку каждый из них можно превратить в инструмент глобальной культуры. При этом он считал, что необхо-

¹⁴¹ Цит. по: History of the language sciences: an international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present / in S. Auroux (ed.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – 888 p. (пер. авт. дисс.).

дим метод, позволяющий каждому человеку овладевать несколькими иностранными языками¹⁴².

Что касается достижения всеобщей гармонии, то именно разница в языке, с точки зрения Коменского, препятствует установлению взаимопонимания между представителями разных наций, приводит к межэтническим конфликтам. Каждая нация должна быть выслушана и понята – только тогда будет достигнуто сближение частей мира, единство человечества и, как следствие, всеобщее благо. Если же преодолеть языковой барьер, обеспечив возможность всем людям общаться на универсальном языке, то мир общественных отношений станет единым моральным универсумом¹⁴³.

Проанализировав труды данных философов, мы можем констатировать единство взглядов представителей эмпиризма на проблему универсального языка. Оно заключается в предпочтении искусственного языка естественному в роли универсального инструмента философской коммуникации. Под влиянием Ф. Бэкона начала активно развиваться концепция создания принципиально новой грамматики, которая помогла бы преодолеть неоднозначность слов и несоответствие их обозначаемым ими объектам, а впоследствии стала бы инструментом устранения негативного влияния смешения языков. Бэкон искал эффективный метод трансляции полученных опытным путем знаний. В проектах Дж. Дальгарно и Дж. Уилкинса прослеживается типичный эмпирический подход к аккумуляции знаний.

В первом случае, где каждой букве соответствует определенная характеристика объекта, мы видим жесткую систематизацию знаний об этом объекте, получаемых в чувственном восприятии. Во втором случае имеет место быть более сложная классификация сущего, однако здесь также очевидно накопление данных об онтологической сущности обозначаемого объекта в

¹⁴² См. Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: монография/ С.К. Милославская. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 209-212.

¹⁴³ См. Богомолова М.И., Захарова Л.М. Межнациональное воспитание детей: Учебное пособие / М.И. Богомолова, Л.М. Захарова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 23.

его названии. Хотя оба проекта были признаны утопичными, стоит признать, что подобный метод трансляции знаний имел бы значительный потенциал благодаря сочетанию лаконичности и информативности формы аккумуляции данных. При овладении универсальным языком подобного рода люди могли бы при прочтении единственного слова получать разностороннюю характеристику рассматриваемого объекта, тогда, на наш взгляд, процесс познания протекал бы с более высокой скоростью, с меньшими трудозатратами и, как следствие, приносил бы большой эффект.

Кроме того, концепция фоносемантики, которая должна была использоваться в универсальном языке, по мнению Я. Коменского, также демонстрирует явный посыл к эмпиристической сущности универсального искусственного языка. Язык, воспринимаемый на уровне чувственного восприятия, очевидно, усваивался бы людьми с меньшими трудозатратами, чем язык, требующий для перевода проведения множества умственных операций.

Не вполне вписывается в обозначенные нами эмпирические границы искусственного универсального языка идея Т. Гоббса о внедрении математических процессов в лингвоконструирование. Теория познания Гоббса сочетала в себе эмпиризм с рационализмом, поэтому привнесение в эмпирическую языковую программу рационалистического аспекта здесь неслучайно. Хотя нет ничего в человеческом разуме, что не было порождено в органах чувств, считал Гоббс, наука не может отказаться от рационалистической переработки полученных данных для придания полученным знаниям статуса всеобщих. Поэтому нельзя не признать, что подобный подход способствовал бы непосредственной универсализации полученного эмпирическим путем искусственного языка.

3.2 Обоснование предпочтения естественного языка в качестве универсального в рационализме

Как мы установили ранее, эмпиризму присущ соответствующий подход к сущности универсального языка. Правомерно предположить, что рационалисты подойдут к данной проблеме совершенно с иной позиции. Так, по мнению Рене Декарта (1596 – 1650), все понятия, образующие сложную многоуровневую систему, можно свести к небольшому количеству элементарных единиц. Соответственно, эти единицы и строгие отношения между ними должны были сформировать новый философский язык. Декарт считал, что с применением определенного алгоритма можно было бы получать выводное знание¹⁴⁴.

Р.Декарт, являющийся автором одного из первых фундаментальных исследований в области проектирования универсального языка, свое видение этого языка изложил в письме к аббату Мерсенну от 20 ноября 1629 года. Описание проекта Декарта представлено в виде критики представленного ему Мерсенном труда неизвестного ученого на соответствующую тему.

Декарт считал, что в любом языке есть лишь два аспекта, требующих досконального изучения, – значения слов (лексика) и грамматика. Что касается значения слов, то в этом плане, по мнению Декарта, автор не выдвинул ничего принципиально нового, заявив, что «язык должен легко переводиться с помощью словаря». Философ был уверен, что таким способом может осуществить перевод любой человек, даже с самыми минимальными познаниями о языке, однако он отметил, что в отношении грамматики подобный метод не работает из-за ее изначальной трудности.

Далее Декарт изложил основные принципы, на которых должен базироваться новый язык:

¹⁴⁴ См. Амирова Т.А. История языкознания: Учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений/ Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; под ред. С.Ф. Гончаренко. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – С. 177.

- наличие единственной модели спряжения глаголов, склонения существительных и словообразования;
- отсутствие недостаточных и неправильных глаголов, употребление которых представляется искаженным;
- отсутствие грамматически изменяемых существительных и глаголов, а также фраз, которые образуются при помощи приставок и суффиксов, добавляемых к исходным словам;
- перечисление всех используемых приставок и суффиксов в словаре.

Если создать подобный язык, любой человек смог бы освоить его и научиться писать на нем менее чем за шесть часов. В этом заключалось первое фундаментальное положение научного лингвоконструирования, выведенное из проекта Декартом.

Второй постулат проекта гласил: «Если однажды этот язык был выучен, другие языки могут изучаться как его диалекты». Философ расценил это как безосновательное расхваливание продавцом своего товара. Автор, по его мнению, просто принял универсальный язык за базис, поскольку тот не имеет грамматической неупорядоченности по сравнению с остальным, хотя нужно было, в первую очередь, уточнить, какое время займет изучение этого языка.

Декарт же заявил, что в лексиконе этого языка должны быть исходные слова, чтобы можно было без труда подобрать к ним синонимы из других языков. Например, для обозначения глагола «любить» можно использовать *aimer*, *amare*, *φιλεῖν* и так далее. Француз добавит к глаголу *aimer* аффикс, чтобы получить форму существительного *amour*, то же самое сделает грек с глаголом *φιλεῖν*. Таким образом, очевидно, что будет происходить с языком, как будет «развиваться сценарий».

Если в словаре будет обнаруживаться символ, соответствующий *aimer*, *amare* и всем имеющимся синонимам из других языков, то любой человек с

помощью такого словаря сможет перевести книгу, написанную на рассматриваемом языке. Так философ вывел второе фундаментальное положение лингвоконструирования.

Таким образом, получился план реформации существующей или даже изобретения новой грамматики, которая может быть выучена за 5-6 часов и применима ко всем языкам. Этот план был бы полезным в том случае, если бы все согласились его принять. Но в нем Декарт видел две сложности.

1. Неблагозвучные комбинации букв постоянно будут образовывать неприятные для слуха звуки. Декарт писал, что для исправления этого дефекта в разных языках слова склоняются по-разному. Но у автора с единственной для всех языков грамматикой такого корректирующего средства не было. Философ пришел к выводу, что максимум, что можно сделать в этом случае, – избежать неблагозвучных комбинаций слогов в одном или двух языках. Таким образом, универсальный язык будет действовать лишь в пределах одной страны. Но французам незачем учить новый язык для общения исключительно со своими соотечественниками.

2. Будут проблемы с изучением слов предполагаемого нового языка. Если каждый человек использует исходные слова своего родного языка, он не будет испытывать больших трудностей, за исключением того, что его будут понимать только соотечественники. Если его должны понимать и иностранцы, тогда этому человеку придется писать то, что он хочет сказать, – тогда иностранец сможет посмотреть значения слов в словаре. Но это слишком обременительно, чтобы использоваться на практике.

Если автор хочет, чтобы люди изучали простые слова, которые являются общими для всех языков, он не найдет готовых создать себе такую проблему. По мнению Декарта, было бы проще заставить всех согласиться изучать латынь или какой-либо другой язык, используемый в настоящее время, чем убедить выучить новый, для которого еще не написано учебников для отработки навыков чтения, у которого нет носителей, с кем можно было бы

практиковаться в разговорной речи. Философ сделал вывод, что если этот вымышленный язык и принесет пользу, то только если будет увязан с письменностью.

Декарт верил, что, хотя эта система могла быть разработана для конструирования универсального языка – системы исходных слов и ассоциативных символов – обучить ей людей можно было очень быстро. Главным здесь философ видел порядок, в котором мысли будут входить в человеческий разум. Взять, к примеру, естественный порядок чисел: за один день человек может выучить названия всей бесконечности чисел и назвать любое число кому-либо, кто не знает языка, на котором он говорит. Можно написать «271», и это достигнет разума и серба, и эскимоса, и монгола, даже если не знать, как это число звучит на их родных языках. Теоретически тот же самый принцип мог бы работать в отношении всех других слов, которые нужно выразить, и всех вещей, с которыми сталкивается человеческий разум. Если обнаружить этот порядок, то, несомненно, язык распространился бы по миру. Многие люди охотно посвятили бы 5-6 часов тому, чтобы узнать, как сделать так, чтобы их понимало все человечество.

Декарт полагал, что автор проекта универсального языка не задумывался об этом. Это не было упомянуто в его предложениях, и в любом случае открытие этого языка зависит от «истинной философии» (в данном случае – психологии). Необходимо, чтобы была возможность:

- пронумеровать и упорядочить все человеческие мысли и идеи единственным образом;
- выделить среди них чистые идеи, которые, по мнению Декарта, являются величайшей тайной для всей науки.

Если бы кто-то дал правильное объяснение тому, как свести в систему и структурировать простейшие идеи, выделенные из общего массива человеческих мыслей, и если бы это объяснение было принято обществом, философ

рискнул бы допустить возможность появления универсального языка, который легко было бы выучить, на котором легко было бы говорить и писать и, главное, который помог бы человечеству в суждениях, предоставляя для этого настолько очевидные основания, что ошибиться было бы просто невозможно.

Для сравнения Декарт описывал современную ему ситуацию: почти все слова, по его мнению, обладали спутанными смыслами, и человеческие умы за длительное время настолько к ним привыкли, что сложно найти что-то, что они понимали бы в совершенстве.

Философ уверенно заявил, что существование такого языка возможно, и что наука, которая от него зависит, будет открыта, и обыватели смогут рассуждать об истине более компетентно, чем современные философы. Однако Декарт не ждал, что этот язык когда-нибудь будет употребляться в жизни. Это потребовало бы кардинальных преобразований системы фундаментальных вещей, что превратило бы мир в рай на Земле¹⁴⁵.

Р. Декарт отошел от идеи создания искусственного языка, однако в рациональной необходимости философской грамматики он не сомневался. Как мы уже отмечали, он предпочел развивать противоположное Бэкону направление – утверждение в качестве универсального одного из существующих, т.е. естественных языков. С учетом того, что Декарт стремился к упорядочению знаний через нивелирование сложной системы понятий к комплексу элементарных единиц, можно обнаружить еще один аргумент в пользу естественного языка в качестве универсального. Ведь для проведения подобного преобразования требуется полноценно сформированный язык, которым бы на достаточно высоком уровне владели ученые, занимающиеся созданием универсального языка.

¹⁴⁵ Гончарова А.А. Письмо Рене Декарта аббату Мерсенну (20 ноября 1629 года). Перевод с английского [Электронный ресурс] / А.А. Гончарова // Электронный научно-образовательный журнал Studia Humanitatis. 2015. №1. – Режим доступа: <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/goncharova.pdf> (дата обращения: 27.04.2015).

Современный французский философ Ален Бадью раскрыл и другие факторы, которыми был детерминирован выбор Декартом в качестве универсального языка французского.

Во-первых, следует отметить, что Декарт признавал индифферентность силы мысли слову, считая красноречие «дарованием ума», а не «плодом учения». По его мнению, неправомерно привязывать к отдельно взятому языковому состоянию процессы генерации, трансляции и перцепции истинных мыслей. Абстрагированный от лингвистических особенностей здравый смысл оптимальным образом распределяется между индивидами. Таким образом, Декарт отошел от заложенной в Древней Греции традиции выбора философского языка, обусловленного его адаптацией к выражению мыслей.

Во-вторых, мыслитель следовал складывавшейся в то время во Франции тенденции к демократизации философии, которая исходила из идеи, что начало философии может быть в любом свободном акте, и адресована она всем, в частности – «женщинам и пролетариату». В силу такого универсализма во Франции происходила своеобразная лингвистическая национализация философии, которая должна была транслироваться на современном языке, отличном от академического¹⁴⁶. Доказательство тому мы обнаруживаем в «Рассуждениях о методе» Р. Декарта. Он пишет, что изложение мыслей на языке своей страны позволяет ему надеяться на то, что их воспримут те, кто пользуется «своим естественным разумом», а не опирается исключительно на авторитет древних книг, написанных на латыни¹⁴⁷.

Здесь прослеживается сходство с предложением Данте Алигьери создавать философские и литературные произведения на «просвещенном народном языке» – *volgare illustre*. Однако Данте считал язык основой нацио-

¹⁴⁶ Цит. по: Бадью А. О Французском языке как опустошении: пер. с фр. О.Е. Волчек / А. Бадью // Логос. – 2011. – №5-6. – С. 22-34.

¹⁴⁷ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [Текст] / Пер. с франц. Г.Г. Слюсарева// Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. I / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – С. 295.

нального мышления, а Декарт, напротив, разграничивал мысль и слово. К тому же, на наш взгляд, определение «те, кто пользуется естественным разумом» не вполне соответствует характеристике простого народа с учетом рационалистических взглядов Декарта.

Поэтому возникает вопрос: зачем на самом деле требовалось придать французскому языку статус универсальной философской грамматики?

Французский философ Жак Деррида считает, что Декарт совершил своего рода революцию, противопоставив французский язык латыни, которая долгие годы имела привилегированный статус в области философской коммуникации. При этом обозначенная Декартом проблема не утратила актуальности и по сей день, лишь на смену латыни пришел английский язык, доминирующее положение которого (в том числе в науке и философии) укрепляется с каждым годом.

Стоит также подчеркнуть, что эта картезианская лингвистическая революция имела политический подтекст, поскольку еще с конца XVI века началась кампания по продвижению французского языка. По указу Франциска I, переводчики, писатели и философы, представлявшие свои произведения на французском языке, получали всевозможные вознаграждения и субсидии. Деррида видел в проникновении французского языка в философию намерения правительства расширить границы государства. Иными словами, распространение языка выступало методом утверждения влияния Франции на иностранных территориях¹⁴⁸.

Таким образом, правомерно предположить, что идеи Декарта на универсальном философском языке были адресованы не простому французскому народу, а иностранным читателям, которые активно изучали французский язык, следуя моде. В этом случае под «теми, кто пользуется своим есте-

¹⁴⁸ Цит. по: Деррида Ж. Есть ли место переводу: философия на национальном языке (к «словесности на французском»): пер. с фр. О. Гейдаровой и С.Л. Фокина// Ж. Деррида. – Логос. – №5-6. – 2011. – С. 114-133.

ственным разумом» Декарт мог иметь в виду современную ему иностранную интеллигенцию, которая, с одной стороны, обладала достаточно высокой культурой мышления, чтобы воспринимать философские труды, а с другой – имела революционный потенциал для того, чтобы отказаться признавать авторитет латыни¹⁴⁹.

Идеи Р. Декарта оказали глубокое влияние на последующие искания в области лингвистики. В соответствии с этим, «Грамматика Пор-Рояля» и следовавшее за ней философское произведение Антуана Арно и Пьера Николя «Логика, или Искусство мыслить», которое подкрепляло аргументацию неразрывной связью языка и мышления, обосновали парадигму, дававшую привилегию когнитивному процессу над первопричинами. Арно считал, что лишь первоначала можно познать благодаря очевидности той или иной максимы. Однако если сама по себе максима не может убедить человека в своей истинности, тогда требуется разумный довод. Более того, этот довод должен быть истинным и веским, убедительным, распознаваемым при пристальном изучении. Тогда довод порождает убеждение, именуемое знанием. В иных случаях он может являть собой поспешное суждение, мнение или веру¹⁵⁰.

Стоит отметить, что на А. Арно оказала серьезное влияние полемика с Декартом: именно через нее он подошел к созерцанию природы аргументации как таковой, что легло в основу произведения «Логика, или Искусство мыслить». Оно базируется на идее того, что большинство споров между людьми предполагает разногласия в области языка, такие как дефиниция терминов или ассоциативные связи между объектами. Арно рассматривал язык как олицетворение мыслей человека, поэтому ясность языка для него была отражением ясности разума. И чтобы добиться этой ясности, нужно было заставить человека мыслить логически, чтобы приводить аргументы,

¹⁴⁹ См. об этом: Гончарова А.А. Вклад Рене Декарта в современную лингвистическую философию / А.А. Гончарова // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 4. С. 211-216.

¹⁵⁰ Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить / А. Арно, П. Николь / Пер. с франц. В.П. Гайдамака. – М.: Наука, 1997. – С. 297-298.

способные урегулировать конфликты. Арно предполагал, что многие мыслители более ранних эпох не имели достаточного опыта в логике, поэтому они особенно выделяли верования в богословские убеждения и недостаточно внимания уделяли основанному на фактах реализму.

Проявляя картезианский подход к аргументации и логике, фокусируясь на языке как на средстве выражения, Арно аргументировал свою доктрину в соответствии с четырьмя элементами знания: идея, вывод, доказательство и систематизация. Эти элементы, каждый из которых зависит от предшествующего, идут в последовательности, соответствующей научным требованиям, когда идея предшествует звуку. Это значит, что идея зарождается первой в своей простейшей форме и потом комбинируется с другими идеями в выводе. Доказательство затрагивает множество выводов, а систематизация имеет место быть, когда выводы выражены в наилучшем порядке в форме обоснованного аргумента.

Таким образом, главный компонент любого аргумента – это идея. Здесь Арно проводит разграничение между апперцепцией идеи (ее репрезентацией с помощью разума) и ее распространением (существованием идеи за пределами разума). По мнению Арно, все неопределенности, касающиеся непосредственно идей, являются результатом неизбежных двусмысленностей в языке. Для предотвращения появления «дефектных идей» Арно рекомендовал заранее определять область двусмысленных слов, которые используются для выражения идей, и таким способом рассеивать возможные недопонимания. Также его беспокоило, что некоторые люди настолько сильно зависят от слов, что теряют связь с их смыслами. Предложенная им методика дефиниции идей заложила основы современной семантики¹⁵¹.

¹⁵¹ См. Chapman S., Routledge C. Key Thinkers in Linguistics and the Philosophy of Language/ S. Chapman, C. Routledge. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 8-9. (пер. авт. дисс.).

А. Арно отмечает, что во всех языках можно обнаружить множество слов, которые звучат одинаково, но означают разные объекты. Однако есть случаи, когда эти объекты никоим образом не связаны между собой, и тогда человека трудно ввести в заблуждение (например, легко понять, где имеется в виду овен как животное, а где – как знак Зодиака). Но есть и такие слова, в которых люди по небрежности своей могут смешать несколько смыслов (например, под определение «душа» можно отнести живое начало и мыслящее начало). Произносящий может не задумываться о ясности и отчетливости выражаемой им идеи и тем самым смешать разные смыслы. Лучшим способом преодоления подобных неопределенностей Арно называет создание нового языка, каждое слово которого будет четко соотнесено с определенной идеей, при этом философ не видит необходимости во вводе новых звуков¹⁵².

Здесь мы видим имплицирование необходимости создания универсального языка, который послужит средством глобальной коммуникации (в первую очередь, научной). А. Арно, как мы уже отмечали, находился под влиянием Р. Декарта, поэтому правомерно предположить, что и в области лингвопроектирования он выбрал заданное им направление – создание универсального языка, основанного на одном из естественных языков.

Более того, «Грамматика Пор-Рояля» является одним из наиболее известных проектов в области лингвоконструирования, созданных под влиянием картезианского метода. Она основана на допущении того, что грамматическая теория должна строиться в соответствии с логикой, потому что элементы языка рациональны по своей сути. Антуан Арно и его соавтор Клод Лансло решили отыскать принципы, общие для всех языков. Иными словами, создать универсальную грамматику, отражающую концептуальную структуру мышления.

¹⁵² Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. – С. 79-82.

«Грамматика Пор-Рояля» не была ограничена латынью или каким-либо другим языком, ее авторов больше интересовало объяснение скрытых смыслов, общих для всех языков. Но хотя они использовали примеры из множества языков, их книга была написана на французском, что в то время стало общепринятым¹⁵³. Исследователь французской филологии Ролан Донзэ (1921 – 2011) выяснил, почему у французского языка был в данном случае приоритет. А. Арно и К. Лансло ставили перед собой практическую цель – ясно и естественным образом объяснить принципы правильного использования грамматики, заложенные К.Ф. де Важла (законодателем классицизма в области литературного французского языка), вместо того, чтобы анализировать ее использование. Такой подход, по мнению Р. Донзэ, связывает слово или знак с его смыслом. Вследствие этого «Грамматика Пор-Рояля» сочетала основные философские и лингвистические традиции той эпохи, не только используя преимущество национальной идиомы, но также нанося ущерб конкурирующим языкам и парадигмам, как древним, так и современным. Это понятие превосходства идеологически относилось к древним архетипам: мифическому установлению имен в «Кратиле» Платона или божественно санкционированному словотворчеству Адама в «Книге Бытия»¹⁵⁴.

Авторы «Грамматики Пор-Рояля» не настаивали на обязательном использовании французского языка в качестве универсального, однако, разыскивая общие для всех языков скрытые смыслы, они также делали акцент на естественном лингвистическом разнообразии и не обозначали требования создания принципиально нового инструмента коммуникации. А. Арно напрямую связывал ясность языка с чистотой мышления, а это, в свою очередь, по его мнению, обуславливало необходимость рационального упорядочения

¹⁵³ См. Subbiondo J.L. Universal Language Schemes and Seventeenth-Century Britain. Concise History of the Language Sciences: From the Sumerians to the Cognitivists / J. L. Subbiondo / in E.F.K. Koerner and R.E. Asher (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 174-175. (пер. авт. дисс.).

¹⁵⁴ Henry F.G. Language, Culture, and Hegemony in Modern France: 1539 to the Millennium / F.G Henry. – Birmingham, Ala: Summa Publications Inc., 2008. – 287 p. (пер. авт. дисс.).

структуры языка в соответствии с представленной программой. Только в таком виде язык мог соответствовать научному мышлению, которое актуализировалось в Новое время. Предложенная Арно система, применимая к любому естественному языку, способна устранить недопонимания и двусмысленности, которые препятствуют полноценному познанию.

Хотя Р. Декарт и разграничивал язык и мысль, а А. Арно связывал их, тем не менее в обеих доктринах мы обнаруживаем общую черту – явную рационалистическую установку. Философы подходили к проблеме с разных ракурсов: Декарт предпочитал очистить здравый смысл от лингвистических помех, Арно старался упорядочением языка упорядочить и мысли, – но в обоих случаях универсальный язык должен формироваться в результате когнитивных операций.

Стоит отметить, не вдаваясь в подробности анализа, что в классической немецкой философии гносеологический подход к проблеме языка был уже более очевидным. Так, например, И. Кант утверждал, что невозможно дать дефиницию (максимально полное понятие вещи, не нуждающееся в доказательствах) эмпирическому понятию: это возможно лишь для понятий, которые могут быть сконструированы *a priori*, поэтому философский труд не может начинаться с дефиниции, а должен завершаться ею¹⁵⁵. Г. Гегель рассматривал слово как инструмент доведения представлений до сознания¹⁵⁶. И. Фихте называл язык естественной границей государства: люди, говорящие на одном языке, образуют единое целое, находящее взаимопонимание внутри себя¹⁵⁷.

Подводя итог анализа проблемы взаимосвязи языка и мышления в Новое время, мы можем сделать следующие выводы. В первую очередь, стоит отметить очередные кардинальные изменения, которые произошли в теории

¹⁵⁵ Кант И. Критика чистого разума. Том 3 / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – с. 609-612.

¹⁵⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – С.297.

¹⁵⁷ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации/ И.Г. Фихте / Пер. с нем. А.А. Иваненко. – СПб: Наука, 2009. – С. 290.

познания и затронули, в частности, и лингвистическую философию. В данном случае интенция на ценность разума обусловила обновление роли языка в познании и жизни личности в целом. В условиях доминирования познавательного отношения человека к бытию, активного развития и секуляризации наук возникла потребность в эффективном инструменте трансляции полученных знаний. Данная роль и была отведена языку. В соответствии с этим мы можем заключить, что язык в Новое время рассматривался как инструмент объективизации результатов научного мышления.

Также достоин внимания тот факт, что, в отличие от эпохи Возрождения, где наблюдалось противоборство концепций народных и научных языков, в Новое время мыслители сосредоточили свои усилия на философском языке, свободном от неточностей и позволяющем выстраивать однозначные связи между объектами и суждениями о них. Наряду с этим мы можем наблюдать редуцирование многообразия превозносимых языков, которое легло в основу одной из наших классификаций лингвофилософских течений в эпоху Возрождения. Новому времени присуща диалектика естественных и искусственных языков, претендовавших на роль универсальной грамматики, способной обеспечить эффективную научную коммуникацию.

Далее мы прослеживаем пути классификации направлений лингвистической философии в рассматриваемый нами период. Для наглядности сведем их в таблицу 3. Дифференцировать философские течения мы будем по гносеологическим подходам, в различии которых мы и обнаружили две противоположные точки зрения относительно универсального языка, а также по предмету философствования (данный критерий мы уже использовали в предыдущих главах).

Противопоставление подходов к познавательному процессу – эмпиризма и рационализма – имплицитно повлияло и на направления поиска универсального философского языка. В результате компиляции взглядов философов Нового времени по признаку их отнесения к школам рационализма

или эмпиризма, мы обнаружили интересную дифференциацию. Рационалисты отдают предпочтение естественным языкам в качестве универсальных философских грамматик, которые формировались бы в результате определенных логических операций, возводящих язык в строгие рамки отношений и взаимосвязей. Основателем этого направления можно считать Рене Декарта. Эмпиристы, следуя по пути Френсиса Бэкона, в свою очередь, сосредоточили свои усилия на создании искусственных языков, лексические единицы которых аккумулировали бы в себе многоаспектные знания о бытии, накопленные опытным путем.

Отдавая должное тому, какая работа была проведена представителями эмпирического направления по разработке новых грамматик, а также их последователями в более поздние периоды, мы, тем не менее, должны признать, что рационалистический подход в значительной степени продвинулся вперед.

Хотя воззрения эмпиристов стали фундаментом для развития направления языкознания, известного сегодня как интерлингвистика, достаточного распространения не получил ни один из объектов лингвопроектирования. В свете сказанного оправдывается гипотеза Р. Декарта о том, что универсальный язык вполне может быть разработан, однако в широкое практическое употребление он не войдет.

Таблица 3

Классификация направлений лингвофилософской мысли Нового времени

Критерии	Направления	Представители
1	2	3
По гносеологическому подходу	Эмпирическое	– Ф. Бэкон; – Т. Гоббс; – Я. Коменский.
	Рационалистическое	– Т. Гоббс; – Р. Декарт; – А. Арно.
По предмету философствования	Научно-коммуникативное	– Ф. Бэкон; – Т. Гоббс; – Р. Декарт.
	Социально-политическое	– Т. Гоббс; – Р. Декарт.
	Педагогико-культурологическое	– Я. Коменский; – А. Арно.

Совершенно иное будущее постигло рационалистическую концепцию универсального языка. На современной лингвистической картине мира особенно выделяются шесть языков, получившие статус международных, – английский, французский, китайский, арабский, испанский и русский. Эти языки, во-первых, являются родными для значительной доли населения Земли, во-вторых, их используют на нескольких континентах, в-третьих, большинство жителей планеты выбирает их для изучения в качестве второго языка. Особенно очевидно программа рационалистов проявилась в упрочнении позиций английского языка. Он получил негласный статус универсального и претерпел трансформацию, основные законы которой и были обозначены последователями Р. Декарта. В результате был получен так называемый International English – вариант языка, лишенный культурных и национальных лингвистических особенностей, отчасти упрощенный и подчиненный установленному набору правил. Он считается абстрагированной формой стан-

дартного английского языка, которая позволяет установить взаимопонимание, в первую очередь, между носителями различных региональных диалектов, а впоследствии – и между носителями разных языков.

Теперь рассмотрим классификацию лингвофилософских направлений по критерию предмету философствования. Представители научно-коммуникативного направления – Ф. Бэкон, Т. Гоббс и Р. Декарт – ставили перед собой главную цель – получить такой язык, который позволил бы однозначно и точно воспринимать, упорядочивать, систематизировать и транслировать полученные опытным или рациональным путем знания об окружающем мире. Иными словами, объектом их философских исканий был универсальный инструмент научной коммуникации. Стоит подчеркнуть, что эти мыслители решали основную задачу философии языка рассматриваемого этапа.

В лингвофилософских воззрениях Т. Гоббса и Р. Декарта мы обнаружили также и социально-политический подтекст, позволяющий выделить еще одно направление. Однако необходимо обозначить различие их подходов. Т. Гоббс использовал язык в качестве эталонной модели, позволяющей раскрыть особенности политического устройства, экстраполируя на общественный строй черты, присущие лингвистической системе. Р. Декарт же использовал язык как средство тотального распространения своих воззрений, делая акцент на его привилегированный статус.

Наконец, целью педагогико-культурологического направления лингвистической философии, мы можем назвать повышение культуры мышления человечества (у Я. Коменского – через всеобщее просвещение, увязанное с изучением языков, у А. Арно – через обучение искусству аргументации) и вместе с тем преодоление межнациональных и межкультурных конфликтов, истоки которых – в недопонимании лингвистического характера.

3.3 Влияние философии языка V-XVII вв. на современную лингвистическую философию

Ранее мы определили, что ряд течений философии языка с Античности до Нового времени были положены в основу современной философии языка, сформировавшейся после лингвистического поворота. Однако во времена Античности закладывался фундамент философии языка, широкое развитие ее наблюдается начиная со Средневековья. Поэтому подробно рассматривать влияние различных направлений на современную лингвистическую философию мы будем именно с этого периода.

В Средневековье основной функцией философии стала экзегеза священного текста, а задачей философа – правильном осмыслении и разъяснении содержащейся в этом тексте истины. На Востоке сформировались две экзегетические школы в соответствии с подходом к толкованию текстов, влияние которых прослеживается и на Западе: антиохийское, которое позволяло узреть в текстах Священного Писания двойной смысл: через феорию – духовный, который через письменный текст передает сам Бог, а через историю – буквальный, воспринятый автором-составителем текста, и александрийское, признававшее два источника познания: веру, которая раскрывает перед познающим субъектом экзистенциально-личностный аспект истины, и разум, в котором истина существует в своем рациональном измерении.

Идеи антиохийской школы мы можем соотнести с герменевтикой Фридриха Шлейермахера (1768 – 1834), который видел в тексте как в «застывшей речи» объективную и субъективную стороны. Под первой философ понимал факт языка – предметно-содержательный аспект текста, под второй – факт мышления – индивидуальное отношение к тексту его автора (инициатора ре-

чи)¹⁵⁸. Становится очевидной аналогия между фактом языка и теорией и фактом мышления и историей, если рассматривать указанные методы, абстрагируясь от религиозного подтекста средневековой философии.

Ученик Ф. Шлейермахера, филолог Август Бёк (1785 – 1867) выделил 4 типа интерпретации, которые можно соотнести с методами толкования, использовавшимися сторонниками буквализма в экзегетической практике, сложившейся в антиохийской школе на греческом Востоке. По Бёку, интерпретация бывает:

- грамматической (понимание текста исходит из интерпретации общеупотребительных выражений языка);
- исторической (понимание текста базируется на представлениях, характерных конкретному историческому периоду);
- индивидуальной (текст понимается через анализ индивидуальности его автора);
- жанровой или родовой (понимание текста базируется на анализе речевых форм)¹⁵⁹.

Проанализировав смыслы методов толкования, использовавшихся сторонниками библейской экзегетики, и типов интерпретации, выделенных Бёком, мы можем проследить аналогии между мидрашем и грамматической интерпретацией, агадой и исторической интерпретацией, а признаки галахи можно выявить в индивидуальной интерпретации (в аспекте исследования соотношений между частным и общим) и жанровой (в аспекте исследования соотношений между видовыми и родовыми понятиями).

Возвращаясь к теории Бёка, стоит отметить, что он позиционировал филологию как «познание познанного». Если текст подлежит филологической реконструкции, следовательно, он содержит в себе некоторое знание как резуль-

¹⁵⁸ Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер / Пер. с нем. А.Л. Вольского. Науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб: Европейский дом, 2004. – С. 44.

¹⁵⁹ Бек А. Энциклопедия и методология филологических наук: в изложении П. И. Аландского: перевод с немецкого / А. Кузнецова. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 208 с.

тат познавательной деятельности его автора. Однако в этом тексте содержится больше смысла, чем вкладывал в него автор (то есть само сообщение и намерение сообщения нетождественны). И выявление этого дополнительного смысла является задачей герменевтики. Данная идея послужила концептуальной базой для учения Вильгельма Дильтея (1833 – 1911) о герменевтике как историко-гуманитарном методе познания духовного бытия, в отличие от естественно-научного познания, имеющего дело с материальным миром¹⁶⁰.

Дильтей считал, что филологию и историю объединяет предпосылка, что действие человека «предполагает понимание других лиц», прочувствование их душевных состояний, и такое «понимание неповторимого» правомерно трактовать как объективное. Соответствующее историческое знание позволяет человеку осознавать все прошлое как собственное настоящее. Из него науки о духе из множества актов постижения единичного могут вывести всеобщие взаимосвязи и закономерности. А основой для этих наук являются понимание (распознавание внутреннего опыта) по знакам и интерпретация (понимание длительно фиксируемых жизненных проявлений)¹⁶¹.

Подобный подход к герменевтике впоследствии лег в основу трудов Эмилио Бетти (1890 – 1968). В работе «Герменевтика как общая методология наук о духе», рассматривая понимание как методологическую проблему, заключающуюся в узнавании и реконструкции текста на основе его интерпретации, он сформулировал 4 канона герменевтики:

- автономии объекта (необходимость ориентации на интенции автора и противопоставления ее субъективности интерпретатора);
- целостности (необходимость понимания интерпретируемого текста в его «внутренней когерентности и связанности, в его смысловой взаимосвязи с родственными смыслодержащими формами и типами»);

¹⁶⁰ См. Фролов И.Т. Введение в философию / И.Т. Фролов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2003. – С. 220-223.

¹⁶¹ Дильтей В. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – С. 237-241.

- актуальности понимания (необходимость согласования жизненной актуальности интерпретатора с внутренним побуждением объекта);
- адекватности понимания (необходимость занятия интерпретатором позиции, благоприятной для восприятия и понимания, то есть преодоление собственных предрассудков)¹⁶².

На основе вышесказанного мы можем заключить, что антиохийская школа оказала влияние на два подхода к герменевтике, сложившихся в XX веке: как к искусству понимания чужой речи (Шлейермахер) и как к методологии наук о духе (Дильтей, Бетти). Для наглядности построим схему преемственности идей от антиохийских методов Средневековья до герменевтики XX века (рис. 2).

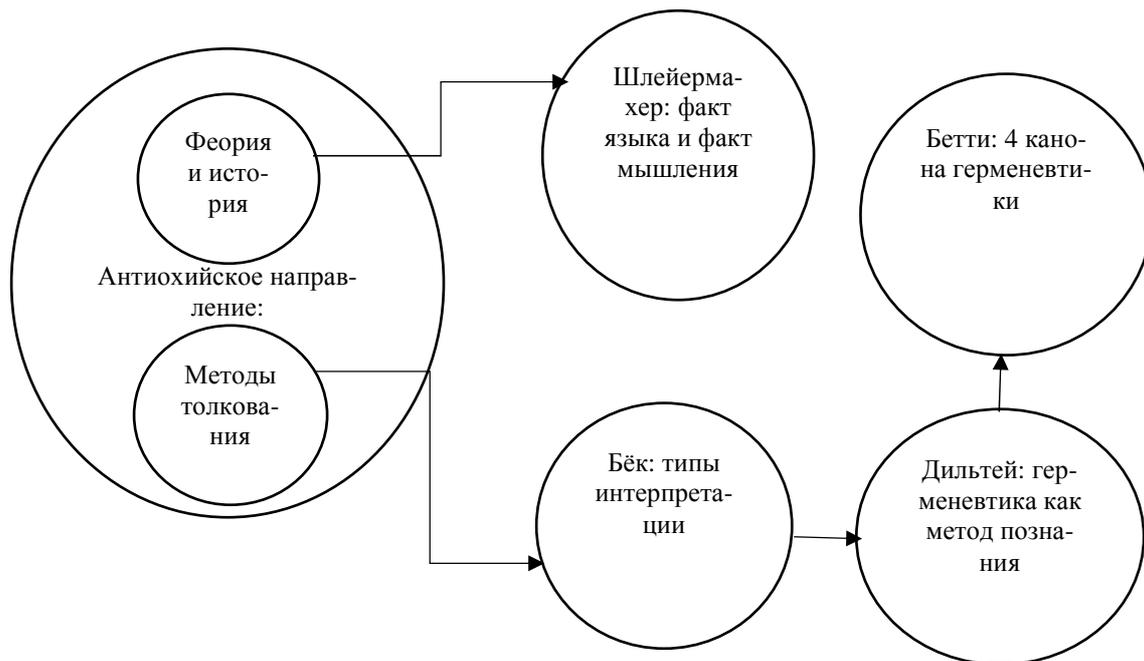

Рисунок 2. Преемственность идей: антиохийская школа – методологическая герменевтика

Влияние учения Августина Аврелия, который стоял у истоков концепции согласования веры и разума и допускал возможность исследований чистого разума, не противоречащих религии, развитой впоследствии в схола-

¹⁶² Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти / Пер. с ит. Е.В. Борисова. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 94-116.

стике (в частности Ансельмом Кентерберийским), можно проследить в герменевтике Поля Рикёра (1913 – 2005). Он подошел к герменевтике с феноменологической точки зрения. В основу его учения легла интенциональность сознания, а именно – ее практически-волевая интерпретация. Это означает, что человек выявляет тот или иной смысл в окружающем его мире благодаря своей воле. Поскольку двусмысленные слова и выражения, в зависимости от воли интерпретатора, могут быть истолкованы по-разному, для их понимания необходимо использовать герменевтический подход¹⁶³.

В герменевтической интерпретации Рикёр выделял 2 метода. Демистицирующий, базирующийся на психоанализе Фрейда, предполагает вскрытие подлинной природы символов. Расшифровка смыслов в этом случае позволяет раскрыть первоначальные инстинкты и склонности человека. Восстанавливающий метод, приближенный к религиозной философии, стремится к выявлению смысла, таящегося в символах. В целом философ характеризует герменевтику как способа раскрытия связей человека и бытия, которые представлены в форме символической веры. Эта вера рациональна, поскольку прошла через критическую рефлексю, и этим отличается от веры первичной¹⁶⁴. Таким образом, мы можем выстроить еще одну линию преемственности идей (рис. 3).

¹⁶³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 322-323.

¹⁶⁴ См. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ / В.У. Бабушкин. – М.: Наука, 1985. – 84-85.

Рисунок 3. Преемственность идей: александрийские методы – феноменологическая герменевтика

Однако стоит признать, что две рассмотренные нами линии развития экзегезы, появившиеся в результате разделения методов толкования текстов, впоследствии встретились в одной точке. По мнению Ханса-Георга Гадамера (1900 – 2002), принципы понимания заложены в языковом сознании, а не являются результатом мыслительной деятельности. Они объективизируются в языке, в процессе постижения опыта, следовательно, само понимание представляет собой способ человеческого бытия¹⁶⁵. Позднее ученые гёттингенской школы предприняли попытку дать обоснование экзистенциальной философии с точки зрения логики – так появилось направление, получившее название «герменевтическая логика». Представитель данного направления Отто-Фридрих Больнов, разрабатывая данную проблематику, создал собственную концепцию, сочетающую методологические идеи Дильтея и Бетти и экзистенциально-феноменологические идеи Рикёра¹⁶⁶. Представим это в виде обобщенной схемы (рис. 4).

¹⁶⁵ Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – С. 470-471.

¹⁶⁶ См. Губин В.Д. Философия / В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина, В.П. Филатов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТОН-Остожье, 2001. – 704 с.

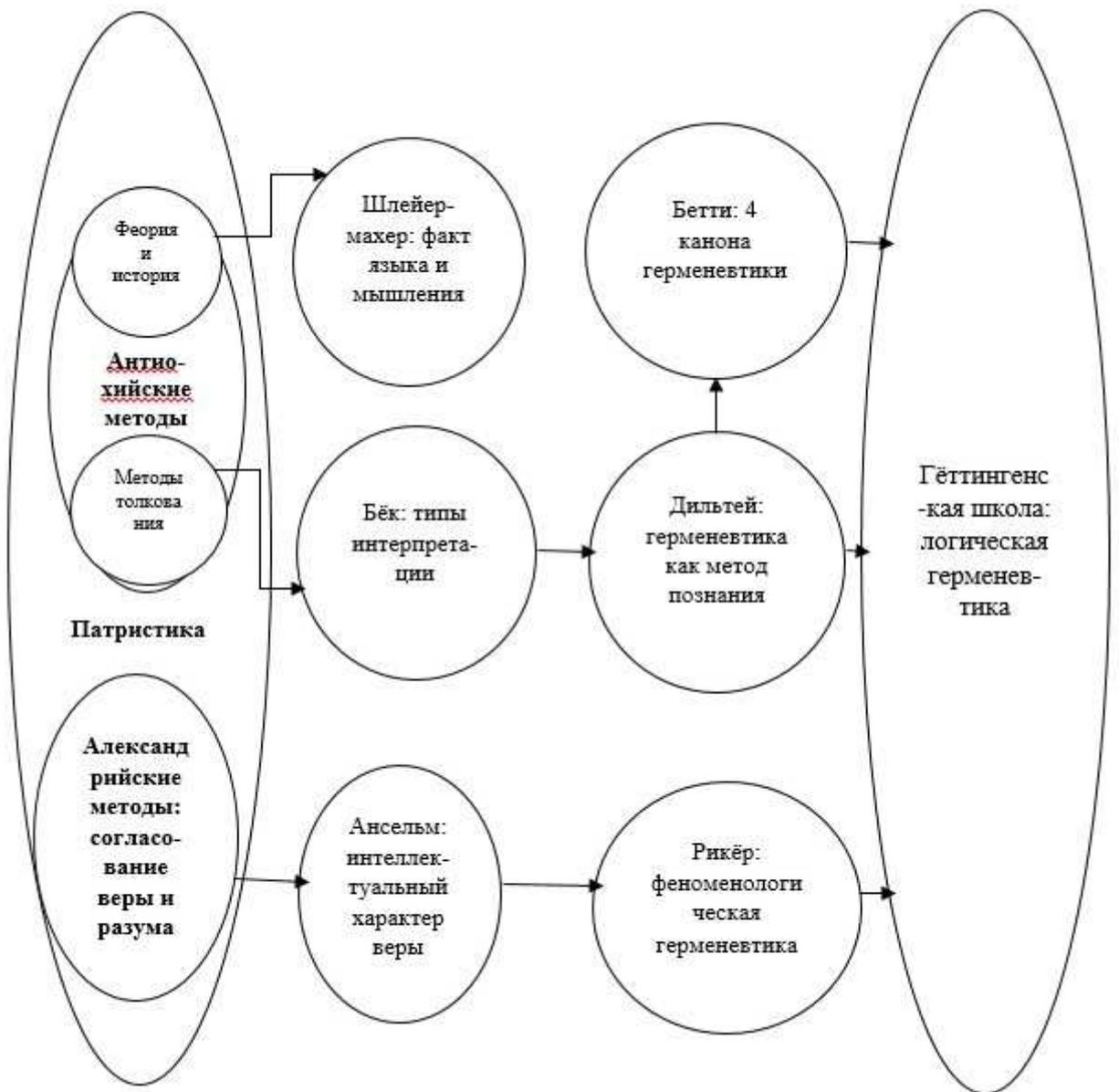

Рисунок 4. Преемственность идей: Средневековье – герменевтика

В ходе исследования философии языка эпохи Возрождения мы определили, что гуманисты стремились к реорганизации языка культуры, под которым понимали не просто систему знаков, служащую для коммуникации между людьми. Для них язык – это общественное явление, которое может стать весомым фактором, влияющим на мышление народных масс.

Данте Алигьери объявил язык основой коллективного мышления нации. По его мнению, в понятие «национального», которое обуславливает те или иные поведенческие модели, входит в том числе и язык. Вильгельм фон

Гумбольдт (1767 – 1835) в своем труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» утверждает, что в изучении нуждается связь языка с формированием духа народа. Для этого необходимо исследовать духовные особенности последнего, базис его характера, передающийся из поколения в поколение. И язык, будучи бытием, пребывающим в процессе внутреннего самопознания, передает этот самый народный дух.

Описание формы языка со всеми грамматическими нюансами, по мнению Гумбольдта, демонстрирует путь, проделываемый его носителем к выражению мысли. Когда языки развиваются друг из друга, происходит наследование определенной материи от народа к народу. Однако это возможно лишь при сходстве мышления, то есть когда духовная сила преобразования обладает той же самой идейной направленностью.

Рассматривая язык как непосредственно заложенный образ в разуме представителей нации, философ приходит к выводу о том, что ничего единичного в нем нет, существует лишь целое, части которого выражаются в отдельных элементах языка¹⁶⁷.

Ранее мы установили, что Пьетро Бембо продолжил исследование проблемы народного языка, которая входила в сферу интересов Данте. Деятель итальянского Ренессанса считал эволюцию языка отражением эволюции человечества. Данную концепцию мы обнаруживаем в трактате В. Гумбольдта «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития». Он сравнивает развитие народа, в процессе которого он подвергается влиянию других народов, с совершенствованием языка путем смешения его с другими. Приводя в пример варварские диалекты, Гумбольдт демонстрирует и процесс своеобразного естественного отбора языков. Он отмечает,

¹⁶⁷ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода// Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, – 1964. – С. 94-95.

что все они к моменту обнаружения достигли высшей формы своего развития, но по мере того как цивилизация сплавивала народы (т.е. их носителей), вытеснялись или поглощались языками более совершенных племен. Иными словами, как только племя теряло способность отстаивать свою независимость, терял жизнеспособность и его язык.

В результате философ пришел к выводу, что характер развития языка следует изучать в естественноисторическом отношении с судьбой человечества. Таким образом, язык выступает как основа формирования народа и его духовно-культурные узы¹⁶⁸.

Эта концепция, в свою очередь, нашла отражение в структурализме. Его представитель Клод Леви-Стросс (1908 – 2009) утверждал, что язык дан индивиду как целое, а все лингвистические акты заложены на уровне бессознательного. И именно изучение слов представителей той или иной нации как структурных элементов ведет к познанию культуры данной нации¹⁶⁹.

Заслуживает внимания и то, что вышеизложенное позволяет опровергнуть утверждение, что понятие «народный дух» ввел И. Гердер в XVIII веке (согласно «Философскому словарю» Г. Шмидта¹⁷⁰).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что на научную деятельность В. Гумбольдта оказали влияние представители итальянского Возрождения Данте Алигьери и Пьетро Бембо. Поскольку Бембо является преемником идей Данте, то правомерно выстроить прямую линию наследования (рис. 5):

¹⁶⁸ Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. З.М. Мурыгиной. – М.: Прогресс, 1984. – С. 307-323.

¹⁶⁹ Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

¹⁷⁰ См. Философский словарь / Г. Шмидт / Пер. с нем. / Общ. ред. В.А. Малинина. – 22-е, новое, переработ. изд. – М.: Республика, 2003. – С. 289.

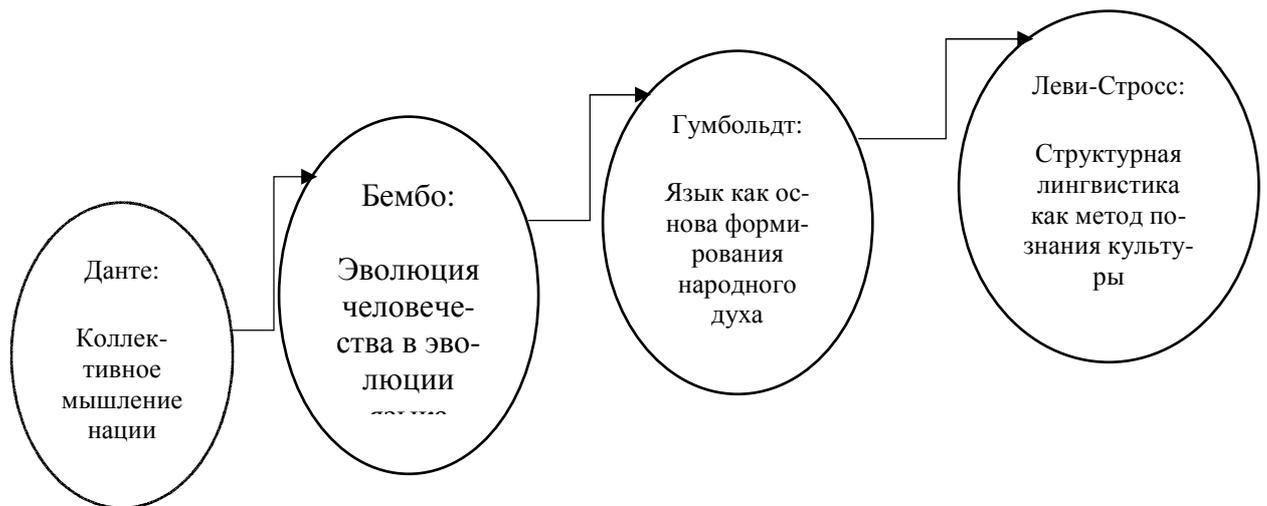

Рисунок 5. Преемственность идей Ренессанс – структурализм

Франческо Петрарка связывал знания с красотой речи, которую, в свою очередь, провозглашал выразителем и мерилom духа. Кроме того, он подчеркивал необходимость мудрости красноречия. Развитие этой идеи можно проследить в рассуждении Ноама Хомского (р. 1928) о языковой компетенции в трактате «Аспекты теории синтаксиса». Он противопоставил языковую компетентность (т.е. способность продуцировать и воспринимать грамматически правильные выражения) непосредственно использованию языка на практике¹⁷¹. Очевидно, что подобное противопоставление проявляется в основе семиотики Чарльза Морриса (1901 – 1979), который выделил семантический, синтаксический и прагматический аспекты функционирования языка¹⁷². Таким образом, «мудрое красноречие» Петрарки в современной философии трактуется как прагматическое взаимоотношение между языком и его интерпретатором.

Нашло отражение учение Петрарки и в семиологии Фердинанда де Соссюра, различившего язык и речь. Язык, по его мнению, представляет собой грамматическую систему, существующую в коллективном сознании.

¹⁷¹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса/ Н. Хомский / пер. В.А. Звегинцева. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 258 с.

¹⁷² Моррис Ч. Основания теории знаков [Текст]/ / Семиотика. Антиология / Сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. И доп. – М.: Академический проект, 2001. – С. 50.

Речь же – это индивидуальный акт воли, предполагающий не только использование определенного кода, но и его объективацию¹⁷³. Это научная трактовка петраковского сравнения «красноречия глупого и непорядочного человека с мечом в руках бесноватого»: именно от индивидуального психофизического акта зависит то, как будет использовано мощное общественное наследие (язык).

Основу для лингвистической прагматики, истоки генезиса которой мы обнаружили в работах Ф. Петрарки, подготовила философия обыденного языка. Обыденный язык, в свою очередь, стал центральным объектом исследования аналитической философии в послевоенные годы¹⁷⁴. Основоположником этого направления является Людвиг Витгенштейн (1889-1951), который определил в трактате «Философские исследования», что значение слов обусловлено их употреблением. Если рассматривать примитивный язык (в качестве примера философ приводит фразу «5 красных яблок»), то использующие его люди знают значения слов наизусть и лишь соотносят объекты с образцами (то есть находят «мысленный ящик с яблоками», определяют нужный цвет в «мысленной таблице» и произносят простые числительные для набора нужного количества). В более сложной языковой ситуации, пишет Витгенштейн, «дело лишь за тем, чтобы измыслить обстоятельства, в которых эти слова имели бы смысл»¹⁷⁵. Таким образом, и в его учении прослеживается роль индивидуальной мыслительной практики в использовании языковых средств. Поэтому мы можем заключить, что преемственность между аналитической философией и прагматикой обусловлена развитием теории Петрарки (рис. 6):

¹⁷³ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: Либроком, 2011. – С. 100.

¹⁷⁴ Подробнее см. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – М.: «Восток-Запад», 2006. – 200 с.

¹⁷⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования/ Пер. с нем. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 79-87.

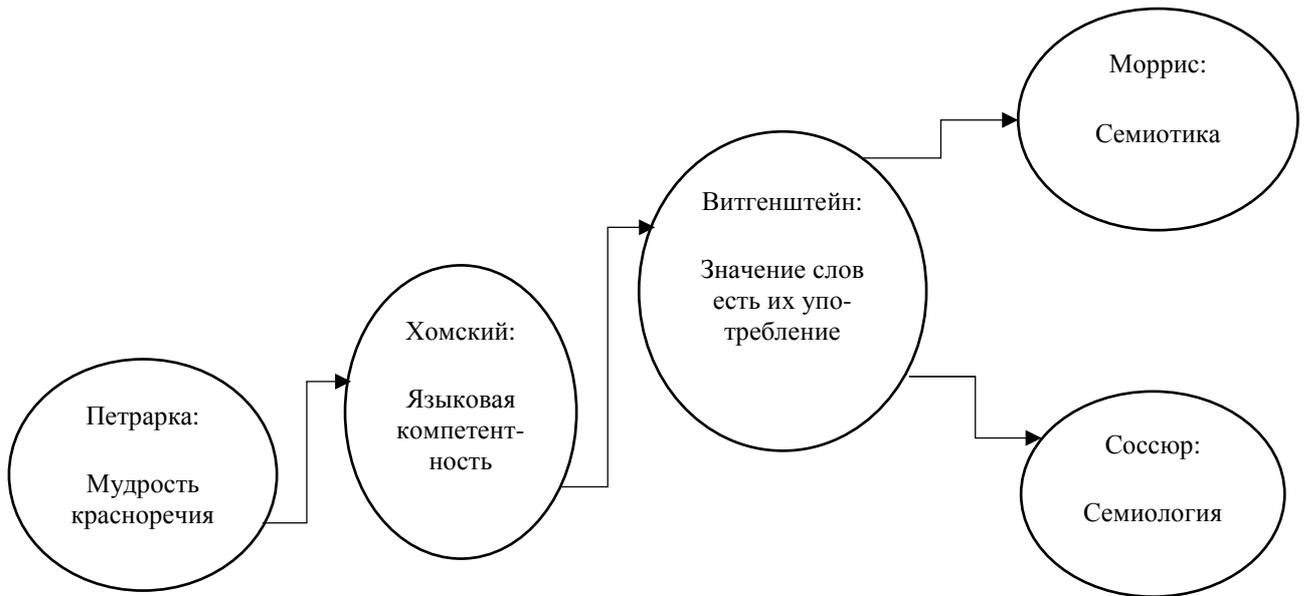

Рисунок 6. Преемственность идей Ренессанс – философия знака

Джованни Боккаччо на личном опыте убедился в том, что язык создает границы, которые не позволяли ему в полной мере объективизировать свои воззрения. Более широкие возможности для познания и выражения его результатов (то есть для преодоления этих границ) открывает изучение иностранных языков (в случае с Боккаччо – греческого). Мы можем допустить, что данное умозаключение итальянского мыслителя послужило отправной точкой для построения гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

Эдвард Сепир (1884 – 1939) в статье «Статус лингвистики как науки» писал, что материальное и социальное – не единственные измерения бытия человека. Наравне с ними стоит рассматривать и язык, который распространяет свою власть на целое общество, в котором функционирует. Языковые привычки он видел основой восприятия реального мира, поэтому два разных языка не могли быть средством выражения единственной действительности. Выбор того, как люди воспринимают окружающий мир, предопределяется их языковыми привычками. Учитывая это, Сепир называл изучение языков постижением «психологической географии культуры».

Особенно очевидно влияние Боккаччо прослеживается в утверждении Сепира, что философия обратила свой интерес к языку, поскольку философ

должен «обезопасить себя от своих собственных языковых привычек»¹⁷⁶. Именно к этому и стремился Боккачо, избрав греческий язык как средство преодоления недостатка научности итальянского языка и неадаптированности для восприятия народом латинского.

Аналогичную идею мы встречаем и в статье Б. Уорфа (1897 – 1941) «Отношение норм поведения и мышления к языку». Он утверждал, что такие философские термины, как, например, «материя» или «время», не даны всему человечеству из опыта в универсальной форме. Они развились благодаря употреблению в разных языках, поэтому в каждом случае зависят от природы этого самого языка. Способы обозначения и анализа восприятия имеют здесь решающее значение¹⁷⁷.

Наконец, в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна мы обнаруживаем призыв к решению проблем науки через преодоление языкового влияния. По мнению Витгенштейна, «язык зачаровывает интеллект», а философия – это «борьба против зачаровывания»¹⁷⁸.

Гипотеза лингвистической относительности стала предметом споров. Результаты исследований, которые подтвердили ее истинность, указали на ограниченность ресурсов естественных языков и вновь актуализировали проблему поиска универсального языка, который функционировал бы в условиях информационного общества¹⁷⁹. Эта концепция нашла отражение и в философии логического позитивизма. Последователь Витгенштейна Рудольф Карнап (1891 – 1970) считал, что единство науки кроется в логике. То есть вопрос ставится не о единстве мира, а о логических соотношениях между терминами и законами различных отраслей науки. Карнап видел необходи-

¹⁷⁶ Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира / Э. Сепир [и др.]; под ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 127-138.

¹⁷⁷ Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку/ Б. Уорф [и др.]; под ред. К. Королева. – Языки как образ мира. М.: АСТ, 2003. с. 139-201.

¹⁷⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования. – С. 90-154.

¹⁷⁹ См. Проблемы языка в глобальном мире/ Под ред. Ганиной Е.В., Чумакова А.Н. – М.: Проспект, 2015. – 269 с.

мость в едином языке науки, однако в данном случае речь шла не о каком-либо языке этнической самоидентификации, а о языке одной отрасли науки (по мнению Карнапа, оптимальным для этих целей был язык физики, отсюда название его учения – физикалистский редукционизм)¹⁸⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что не только философия языка Джованни Боккаччо, но и воззрения мыслителей XVII века, занимавшихся поиском универсального языка, оказали влияние на аналитическую философию XX века. При этом в большей степени в ней проявляются идеи эмпиристов, отдававших предпочтение созданию искусственного языка. Примечательно, что Ф. Бэкон, обосновывая необходимость создания универсального языка как эффективного инструмента передачи знаний, ссылаясь на то, что слова искажают структуру рациональных аргументов, и в результате язык подчиняет мышление. Единый же язык был бы очищен от компонента, фальсифицирующего опыт. Поэтому учение Бэкона о языке мы можем назвать еще одним промежуточным звеном между выводом Боккаччо о языковых границах познания и идеей Витгенштейна о необходимости преодоления языкового влияния (рис. 7).

В итоге рассмотрения данного вопроса мы можем сделать выводы о непосредственном отражении течений философии языка со Средневековья до нового времени в современной лингвистической философии:

¹⁸⁰ Карнап Р. Логические основания единства науки [Текст] // Язык, истина, существование / сост. В.А. Суворцев. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 2002. – С. 29-40.

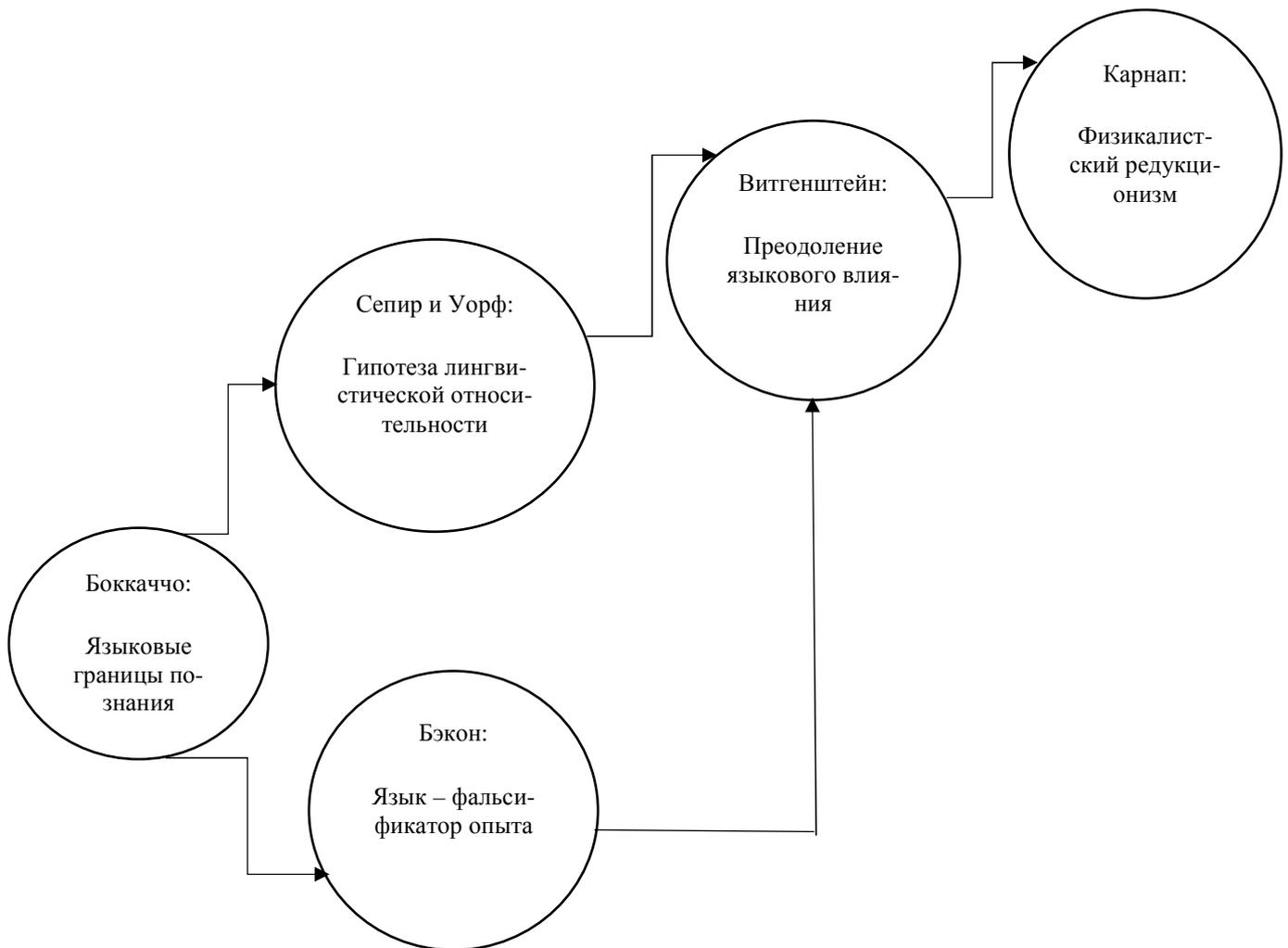

Рисунок 7. Преемственность идей Ренессанс – Новое время – аналитическая философия

Экзегетика повлияла на становление герменевтики, в частности антиохийские методы – на методологическую герменевтику, а александрийские методы – на феноменологическую герменевтику.

Влияние философия языка Ренессанса проявляется в следующих направлениях: Данте и П. Бембо – в структурализме, Ф. Петрарки – в философии знака, Дж. Боккаччо – в аналитической философии.

Эмпиристический подход к универсальному языку Ф. Бэкона также отразился на аналитической философии, в частности мы обнаруживаем сходные идеи в учении Л. Витгенштейна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование, предметом которого выступили философские концепции со времен Античности до XVII века, рассматривающие проблемы языка во взаимосвязи с мышлением, соответствует заявленным аспектам актуальности. В частности, первая глава позволяет определить истоки основных лингвистических проблем для эффективного их решения в современном обществе, во второй главе изучен опыт влияния языковых ситуаций на общественное мышление, проблем государственного языка и этнических диалектов, а в третьей главе подробно рассмотрено зарождение концепции универсального языка, что может послужить теоретической базой для углубленного изучения соответствующей проблемы в рамках универсальной философии.

В результате проведенного исследования был получен материал, анализ которого позволил сделать следующие выводы.

1. Первые упоминания концепции взаимосвязи языка и мышления обнаружены в эпистемологии Античности. Эпизодическое рассмотрение данного вопроса встречается еще в досократический период, в частности в диалектике Гераклита и в идее о единстве бытия Парменида. Однако мы установили, что истоки фундаментальных исследований в области взаимосвязи языка и мышления исходят из учения софистов. Они провозгласили связь свободного мышления с культурой речи, то есть с умением аргументированно доказывать (а в случае необходимости – и отстаивать) свою точку зрения.

Действительно широкое распространение философия языка получила в Средневековье, когда лишь это направление философской мысли не противоречило религиозным догматам, негативно относившимся к познавательной деятельности без влияния Священного Писания. Учение о языке же позиционировалось как подраздел богословия, поэтому имело право на существование и развитие. «Разумнословесность» выступала одним из инструментов выделения человека из природы, что являлось одной из тенденций патристи-

ки. Кроме того, в условиях необходимости активного распространения актуализировалась проблема интерпретации богословских текстов для адаптации их к эллинистическому миропониманию. Таким образом, экзегетика стала фундаментом всей средневековой философии и прочной базой для развития лингвистической философии как самостоятельной области. Схоласты изучали соотношение мысленного, высказанного и написанного слова и в результате пришли к однозначному выводу о наличии взаимосвязи между языком и мышлением.

Таким образом, мы обнаруживаем истоки генезиса философии языка в эпистемологии Античности и начало формирования ее в отдельную область науки в философии Средневековья. При этом отметим, что формально дисциплинарное разделение в науке в данный период отсутствовало, и о выделении философии языка мы можем говорить лишь на сущностном уровне.

2. В ходе исследования мы встречаем попытки разработки концепции взаимосвязи языка и мышления в работах следующих философов. Сгруппируем их по историческому принципу.

2.1 Античность. Представители классической античной школы (Сократ, Платон, Аристотель) изучали данный вопрос в рамках исследований иных областей. Так, в трудах Сократа взаимосвязь языка и мышления имплицировалась в поисках добродетели. Платон отождествлял речь непосредственно с мыслительной деятельностью, реализуемой в безмолвном диалоге души с самой собой, который являет собой процесс познания. Аристотель провозгласил слова выражением ментального опыта. Стоики положили речь и мысль в основу своей диалектики. Хрисипп видел зависимость развития речи от законов последовательности мышления, что обеспечивает возможность эффективной коммуникации между людьми.

2.2 Патристика. В философии патристики сложились различные взгляды на интерпретацию текста, которые можно свести к двум основным течениям: дословное и аллегорическое. Дословное толкование с использованием

антиохийских методов предполагало четкую передачу смысла Священного Писания, а Августин Аврелий, развивавший аллегорические методы, в большей степени склонялся к иносказаниям, которые легче воспринимались язычниками. Сглаживал противоречие между ними Диодор Тарсийский, выступавший за сочетание исторического и духовного толкований, обеспечивающих максимально объективную интерпретацию. Кроме того, Августин установил, что непонимание религиозных текстов обуславливается такими языковыми проблемами, как двусмысленности и нераспознаваемые знаки. Решить эти проблемы, по мнению философа, могла множественность переводов.

2.3 Схоластика. Схоластика, ставя целью концептуальное осмысление познавательного опыта, не противодействовала применению разумного мышления для постижения истины, бытия и Бога. Ансельм Кентерберийский утверждал, что простые рассуждения и их рациональная база позволяют осмыслить основные положения христианской веры без прямых ссылок на авторитет Писания. Грамматика становится обязательной частью образования в Средние века. У Ансельма грамматика рассматривается в теологическом контексте как необходимая составляющая в построении аргументации в богословской полемике, методом толкования Священного Писания. Ансельм постулировал слово как путь мышления о бытии. Пьер Абеляр детально разрабатывал методологию интерпретации текстов, в основу которой поместил сомнение. Суть толкования текстов должна сводиться к пошаговому преодолению этого сомнения, а оно, как известно, является свойством мысли, поэтому в учении Абеляра ценность разума детерминируется важностью правильной интерпретации. Жан Буридан, исследуя соотношение мысленной, устной и письменной речи, пришел к заключению о том, что язык выступает средством выражения мыслей. Уильям Оккам отвергал категориальное мышление. Иоанн Дунс Скот сгладил сложившееся противоречие, допустив воз-

возможность истинности обеих точек зрения, в зависимости от интерпретации выраженных слов.

2.4 Проторенессанс. Данте Алигьери назвал понимание и рассуждение ключевыми познавательными критериями. Он выделил народный язык, с использованием которого можно было бы просвещать массы, и научный, который мог действовать в соответствующих кругах. Иными словами, дифференциация произведена во взаимосвязи с мыслительными и познавательными способностями. Франческо Петрарка считал, что если речь не обладает достоинством, то нет его и у самого духа, в то же время лишь в словах дух может обрести конкретный смысл. Таким образом, взаимосвязь мысли и языка она рассматривал в нравственном аспекте. Джованни Боккаччо установил, что изучение иностранных языков позволяет расширить культуру мышления, и каждый новый язык открывает новые возможности для познания, позволяя преодолеть барьеры родного языка.

2.5 Итальянское Возрождение. Коллюччо Салютати был уверен, что язык является фундаментом для образования, которое, в свою очередь, помогает очистить человеческие умы от религиозных искажений и привить людям способность мыслить критически. Лоренцо Валла установил, что текст в полном значении этого слова таковым будет являться только при наличии в нем точки зрения автора. Иными словами, по мнению философа, без мыслительного компонента слово не несет в себе рациональной нагрузки. Кроме того, в доктрине Валлы именно язык приобретает статус пути к постижению истины. Пьетро Бембо поддерживал идею Данте о народном языке, провозглашая его базисом национального мышления. Бальдассаре Кастильоне первым обнаружил необходимость унификации языка для установления понимания между группами индивидов.

2.6 Северное Возрождение. Для деятелей Северного Возрождения язык представлял как значимый фактор, способный оказывать решающее влияние на народные массы, иными словами, орудие управления общественным со-

знанием. Уильям Тиндейл доказывал, что люди, начав изучать язык, начнут прикладывать умственные усилия к самостоятельному постижению истины. Эразм Роттердамский, Иоганн Рейхлин и Жак Лефевр д'Этапль были уверены, что для воздействия на коллективное мышление достаточно было текстологической критики, проливающей свет на истину, неискаженную церковными постулатами. А инструментом этой критики, а, следовательно, и указанного воздействия выступал язык.

2.7 Новое время. Актуализация идей самоценности разума и подъем науки обусловили необходимость разработки универсального инструмента научной коммуникации, который бы способствовал интеграции усилий представителей научного сообщества и в то же время был адекватным культуре мышления его потенциальных носителей. В соответствии с разделением эпистемологии на два течения – эмпиризм и рационализм, дифференцировались и мнения относительно универсального языка.

2.7.1 Эмпиризм. Френсис Бэкон обозначил необходимость создания философской грамматики, которая позволяла бы выстраивать единственно правильные аналогии между словами и смыслами. Естественный же язык он рассматривал как фальсификатор опыта, препятствующий чистому познанию. Подходя к познанию с практической точки зрения, Бэкон ставил цель получения эффективного способа передачи накопленного опыта. Томас Гоббс пытался внедрить в лингвоконструирование расчетные методы, заимствованные из математики как высшей абстракции. Ян Амос Коменский видел в обучении языкам фундамент образовательной деятельности, поскольку понимание без языка существовать не может, как и язык без понимания. Искажение научной истины, по его мнению, детерминируется неточностью интерпретации. Универсальный язык, согласно доктрине Коменского, мог исключить данную проблему.

2.7.2 Рационализм. Рене Декарт постулировал индифферентность мысли слову, считая, что здравый смысл доступен индивидам в абстрагирован-

ном от лингвистических особенностей виде. Однако универсальный язык мог устранить препятствия рациональному осмыслению истины, и тогда слово и мысль ничто бы не разделяло. Антуан Арно видел неразрывную связь языка и мышления, поскольку только разумный довод порождает убеждение, именуемое знанием. Повредить ясности разума, по мнению философа, могли разногласия в области языка, которые должен был сгладить универсальный язык.

Систематическое изложение взглядов вышеперечисленных философов на взаимосвязь языка и мышления позволяет подтвердить исходную гипотезу о том, что данная концепция действительно активно разрабатывалась в рамках теории познания в период с Античности до Нового времени.

3. Опираясь на проведенные теоретические поиски, мы можем выявить специфику лингвофилософской мысли каждого из рассматриваемых периодов и определить факторы, ее детерминирующие:

- в Античности на формирование философии языка повлияло развитие непосредственно эпистемологии, этики и психологии, поэтому проблемы изучаемой нами отрасли рассматриваются неотрывно от них и детерминируются общими вопросами упомянутых наук;

- в период патристики и в эпоху раннего Средневековья философия языка отделилась как наиболее правоспособная в условиях непоколебимого авторитета Церкви отрасль философии, была сосредоточена на вопросах экзегетики и детерминировалась необходимостью интерпретации Священного Писания;

- в схоластике философия языка была подчинена цели рационального осмысления постулатов Священного Писания и детерминировалась необходимостью установления положения разума в процессе постижения истины, в данном случае – во взаимосвязи с языком;

– в эпоху Проторенессанса философия языка начинает формироваться в том виде, в котором существует сейчас, и зарождение фундаментальных концепций имеет под собой, в основном, культурные основания;

– в итальянском Возрождении философия языка поставила в центр своих интересов язык в его связи с коллективным мышлением, при этом здесь можно эксплицировать два детерминирующих фактора: политический, который подразумевал исторически обусловленную необходимость в оспаривании авторитета Церкви и построении светского общества, и культурный, требующий поиска явления, которое отражало бы национальные особенности, коим и стал язык;

– лингвистическую философию Северного Возрождения можно охарактеризовать как идейную базу Реформации: ее представители были вдохновлены необходимостью трансформации общества, а язык позиционировали как инструмент очищения людских умов от заблуждений, формируемых представителями духовенства;

– в основе лингвофилософских исканий Нового времени лежит необходимость в глобальной научной коммуникации, которая обусловила сосредоточение философской мысли на разработке универсального языка, при этом осязаемое влияние здесь оказали эмпирические и рационалистические воззрения.

4. Многоаспектное исследование лингвофилософских воззрений обозначенных выше философов позволило провести классификацию направлений философии языка в каждом из изучаемых периодов.

Во времена Античности и Средневековья усматривается разделение философии языка на течения в зависимости от того, является ли мышление определяющим фактором по отношению к языку в концепции их взаимосвязи или, наоборот, язык определяет мышление. Обнаружено также течение, где наблюдается взаимоопределение языка и мышления.

Во времена Ренессанса мы проводим классификацию направлений философии языка еще по двум критериям. Первый критерий – характер применения языка в философской деятельности, и в данном аспекте мы выделяем 2 течения:

- лингвистическое, представителей которого интересовал непосредственно язык;
- текстологическое, представители которого изучали язык как орудие разоблачения подлогов со стороны Церкви.

Второй критерий – это превозносимый мыслителями язык, который становился ключевой темой их философии:

- латинский;
- греческий;
- еврейский;
- итальянский;
- национальный.

Наконец, в Новое время мы обнаруживаем, что философия языка разделяется, в соответствии с делением гносеологии своего времени по критерию подхода к познавательному процессу, на два направления – эмпирическое и рационалистическое.

Кроме того, во всех рассматриваемых периодах лингвофилософскую мысль мы дифференцировали, исходя из предмета философствования, в рамках которого сформировалось то или иное течение:

- в Античности и Средневековье это логико-лингвистическое, этическое, когнитивное и психологическое течения;
- в эпоху Возрождения это социально-политическое и социокультурное течения;
- в Новое время это научно-коммуникативное, социально-политическое и педагогико-культурологическое течения.

Подробнее с проведенными классификациями можно ознакомиться по таблицам 1, 2 и 3.

Все эти варианты дифференциации направлений философии языка, полученные в результате обобщения и анализа существующего опыта, позволяют убедиться в том, что в период с Античности до Нового времени данная область разрабатывалась достаточно глубоко и многоаспектно, поэтому она представляет достаточно перспективное направление для дальнейших исследований.

5. Основываясь на проведенных классификациях, мы можем проследить процесс эволюции выявленных течений на протяжении обозначенного периода в целом. Для наглядности представим его в виде схемы (рис. 8).

Заслуживает быть отмеченным то, что психологическое направление, заданное в Античности Хрисиппом, нашло отражение в эпоху Проторенессанса в работах Джованни Боккаччо, а этическое направление, которое развил Сократ, нашло отражение во взглядах Франческо Петрарки.

Правомерно предположить, что классификация философии языка эпохи Возрождения по характеру применения языка в целом является производной от классификации по предмету философствования. Таким образом, лингвистическое направление диктуется социокультурным, а текстологическое – социально-политическим. При этом античное и средневековое языковое направление стало базой для лингвистического в философии Ренессанса.

Если социокультурное течение лингвофилософской мысли стало результатом интеграции этического, когнитивного и психологического направлений философии языка Античности и Средневековья, а логико-лингвистическое вышло на новый уровень в виде лингвистического производного течения, то социально-политическое зародилось непосредственно в эпоху Возрождения.

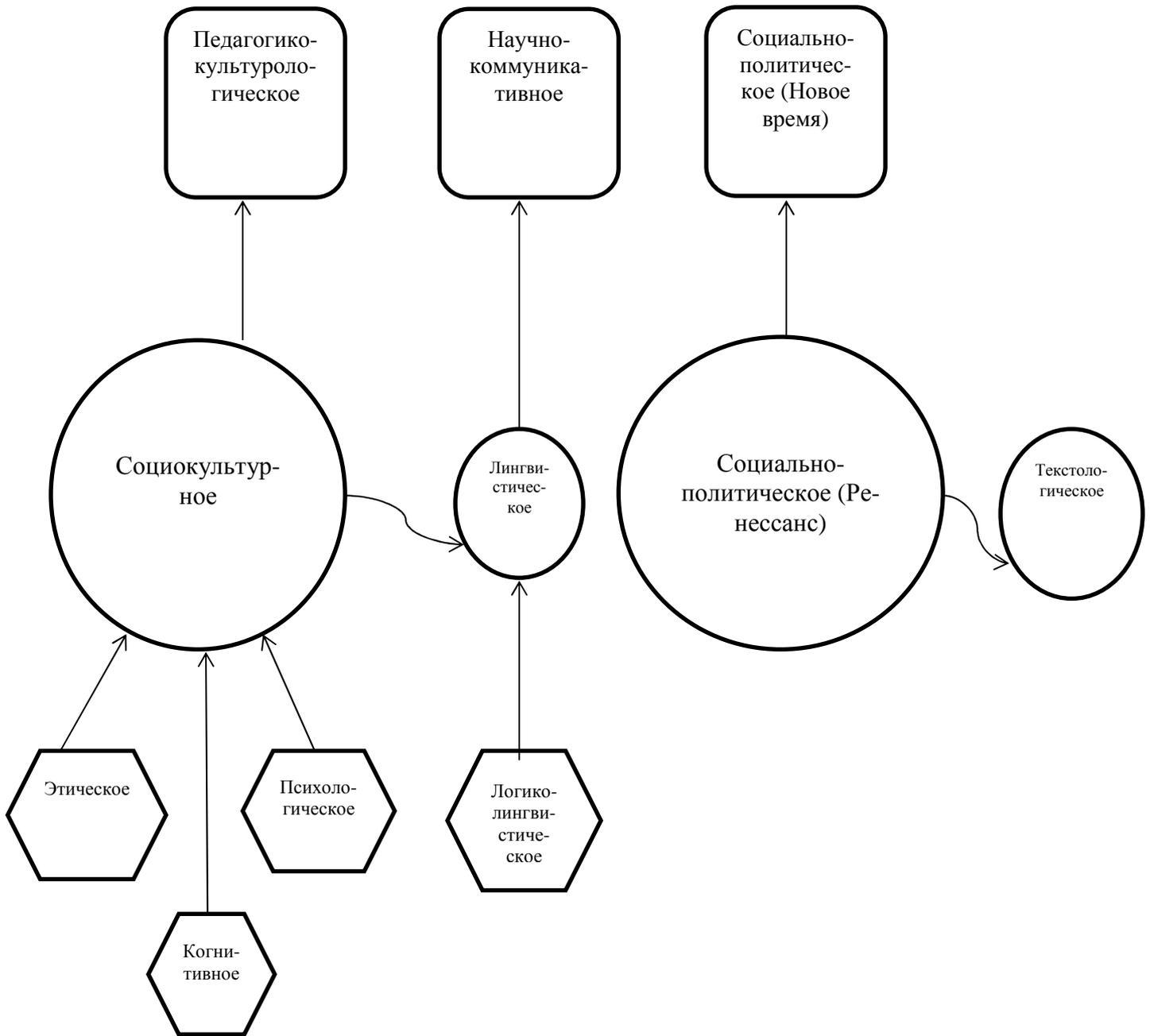

Рисунок 8. Схема эволюции лингвофилософской мысли

В Новое время педагогико-культурологическое направление стало более сложным выражением возрожденческого культурологического течения, но без учета лингвистического течения, которое эволюционировало в научно-коммуникативное направление. Наконец, политическое течение Ренессанса в Новое время перешло на следующий уровень эволюции в виде социально-политического направления (хотя, стоит признать, оно имело уже не столь

агрессивный характер), а текстологическое течение дальнейшего развития в лингвофилософской мысли не получило. Наряду с этим мы можем предположить, что текстологическое направление стало промежуточным этапом на пути становления герменевтики, однако под влиянием исторических событий оно стало идеологической противоположностью средневековой экзегетике.

6. Сопоставляя выявленные нами концепции лингвистической философии и сравнивая их с современной научной ситуацией, мы можем заключить, что ряд постулатов, относящихся к философии языка XX века, был заложен в изученный нами период:

Экзегетика повлияла на становлении герменевтики, в частности:

- антиохийское направление – на методологическую герменевтику;
- александрийское направление – на феноменологическую герменевтику.

Влияние философия языка Ренессанса проявляется в следующих направлениях:

- Данте и П. Бембо – в структурализме;
- Ф. Петрарки – в философии знака;
- Дж. Боккаччо – в аналитической философии.

Эмпиристический подход к универсальному языку Ф. Бэкона также отразился на аналитической философии, в частности мы обнаруживаем сходные идеи в учении Л. Витгенштейна.

Рассмотренная нами тема требует дальнейших исследований. Наиболее перспективными мы видим следующие направления:

- разработка новой концепции философии языка с учетом влияния универсальной философии, понимающей язык как инструмент социального наследования и материализации идеальной информации;
- философско-исторический анализ социально-политических конфликтов, имеющих в основе разногласия по проблеме языка, их последствий и практики преодоления;

- социально-философский анализ влияния современных языковых проблем на общественное мышление, в частности склонность масс к протестному движению;

- разработка мероприятий, направленных на повышение языковой культуры населения, расширение культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества;

- изучение возможности возобновления попыток разработки универсального языка для международной коммуникации.

Философия языка была выделена в самостоятельную отрасль относительно недавно, однако в действительности разработки в данном направлении продолжают на протяжении веков. Гносеологический подход к изучению проблем языка в рамках прочих философских проблематик начал прослеживаться почти одновременно с онтологическим – и задолго до того, как гносеология и онтология в целом стали равноправными отраслями философии, однако этот факт не получил достаточного рассмотрения. Тем не менее, на наш взгляд, история философии языка – достаточно перспективное направление исследований. Они могут послужить для переосмысления сущности языковых конфликтов, влияния языка на массовое сознание, возможности создания средства универсальной коммуникации. В данной работе нами предпринята первая попытка систематизации обширного массива знаний, накопленных в данной сфере. В дальнейшем могут быть более подробно проанализированы генетические связи между направлениями ранней и современной философии языка, что, в свою очередь, поспособствует дальнейшему развитию не только отдельно взятой отрасли, но и философии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврелий Августин. О христианском учении / А. Аврелий // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. Т.1 / С.С. Неретина, Л.В. Бурлака; под ред. С.С. Неретиной. – СПб: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – 539 с.
2. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.
3. Алигьери Д. О народном красноречии / Д. Алигьери: Пер. с лат./ Пер. В.Б. Шкловский. – Петроград, 1922. – 72 с.
4. Алигьери Д. Пир// Данте Алигьери. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Малые произведения / Д. Алигьери / Пер. А.Г. Габричевский, И.Н. Голенищев-Кутузов. – СПб: Азбука, 1996. – 656 с.
5. Амирова Т.А. История языкознания: Учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений/ Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; под ред. С.Ф. Гончаренко. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
6. Ансельм Кентерберийский Монологион // Ансельм Кентерберийский Сочинения / Пер. и коммент. И.В. Куп-реевой. – М.: Канон, 1995. – 400 с.
7. Аристотель Метафизика/ Аристотель / Пер. и примеч. А.В. Кубицкого. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1934. – 354 с.
8. Аристотель Об истолковании / Аристотель // Сочинения в 4 томах / Под ред. З. Н. Микеладзе. – Т2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
9. Аристотель О Душе / Аристотель / Пер. и прим. П.С. Попова. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 180 с.
10. Аристотель Поэтика / Аристотель // Сочинения в 4 томах / Под ред. А.И. Доватура, Ф.Х. Кессиди. – Т.4. – М.: Мысль, 1983. – 828 с.

11. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить / А. Арно, П. Николь / Пер. с франц. В.П. Гайдамака. – М.: Наука, 1997. – 412 с.
12. Асмус В.Ф. Античная философия. Учеб. Пособие / В.Ф. Асмус. – Изд. 2-е, доп. – М.: Высшая школа, 1976. – 543 с.
13. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ / В.У. Бабушкин. – М.: Наука, 1985. – 217 с.
14. Бадью А. О Французском языке как опустошении: пер. с фр. О.Е. Волчек / А. Бадью // Логос. – 2011. – №5-6. – С. 22-34.
15. Баешко Л. С. Великая книга сакральных знаний / Л.С. Баешко, А.Н. Гордиенко, Д.Г. Ларионов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 479 с.
16. Басин Е.Я. Искусство и коммуникация (очерки из истории философско-эстетической мысли) / Е.Я. Басин. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 240 с.
17. Бек А. Энциклопедия и методология филологических наук [Текст]: в изложении П. И. Аландского: перевод с немецкого / А. Кузнецова. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 208 с.
18. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти / Пер. с ит. Е.В. Борисова. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 144 с.
19. Блаватская Е.П. Краткое жизнеописание Святого Франциска Ассизского [Электронный ресурс] // Книжная полка проекта «Картина недели» [Сайт]. – Режим доступа: http://www.centre.smr.ru/win/books/sv_franc.htm (дата обращения: 19.01.2014).
20. Богомолова М.И., Захарова Л.М. Межнациональное воспитание детей: Учебное пособие / М.И. Богомолова, Л.М. Захарова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.

21. Боккаччо Дж. Генеалогия языческих богов [Текст] // Эстетика Ренессанса: Антология в 2-х томах. Т.2./ Сост. и науч. ред. В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – 639 с.
22. Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. Том 2. Эссе. Новеллы/ Х.Л. Борхес. – Рига: Полярис, 1994. – 559 с.
23. Боэций Комментарий к Порфирию, им самим переведенному [Электронный ресурс] / Боэций / Пер. Т.Ю. Бородай. – Режим доступа – http://krotov.info/acts/06/1/boezy_03.htm (дата обращения 06.02.2014).
24. Боэций Дакийский О высшем благе, или О жизни философа// Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. Т.2 / С. С. Неретина, Л. В. Бурлака; под ред. С. С. Неретиной. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – 539 с.
25. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. Учеб. Пособие / Л.М. Брагина. – М.: «Высш. школа», 1977. – 254 с.
26. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения: В 2-х томах. Т.1 / Пер. Н.А. Федорова. – М.: Издательство «Мысль» (Философское наследие), 1971. – 590 с.
27. Бэтти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти / Пер. с ит. Е.В. Борисова. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 94-116.
28. Валла Л. Рассуждение о подложности так называемой «Дарственной грамоты Константина» [Текст] // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии/ Пер с латинского М.А. Гуковского. – М.: АН СССР, 1963. – 391 с.
29. Валла Л. Элеганции / Л. Валла / Пер. Н.А. Федорова // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 133.

- 30.Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. / Г.В. Вдовина. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 648 с.
- 31.Витгенштейн Л. Философские исследования [Текст]/ Пер. с нем. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 79-154.
- 32.Виц. Б.Б. Демокрит / Б.Б. Виц. – М.: Мысль, 1979. – 212 с.
- 33.Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- 34.Гайденко П. П. История греческой философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. – Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 264 с.
- 35.Гарин Э. Проблемы итальянского Возрождения / Э. Гарен. – М.: Прогресс, 1986. – 396 с.
- 36.Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
- 37.Гончарова А.А. Вклад Данте Алигьери в формирование современной лингвистической философии / А.А. Гончарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – №1(7). – С. 40-42.
- 38.Гончарова А.А. Вклад Рене Декарта в современную лингвистическую философию / А.А. Гончарова // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 4. С. 211-216.
- 39.Гончарова А.А. Вклад Ф. Петрарки и Дж. Боккаччо в формирование современной философии языка / А.А. Гончарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №6-1. – С. 53-55.
- 40.Гончарова А.А. Влияние философии языка Северного Возрождения на общественное мышление / А.А. Гончарова // Ценности и смыслы. – 2015. – №3(37). – С. 138-145.

41. Гончарова А.А. Генезис лингвистической философии в эпистемологии Античности / А.А. Гончарова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2(62), Т 4. – С. 120-125.
42. Гончарова А.А. Истоки генезиса естественных языков / А.А. Гончарова // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2014. – №8. – С. 36-39.
43. Гончарова А.А. Направления лингвофилософской мысли Ренессанса / А.А. Гончарова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – Вып. 3(27). – С. 55-61.
44. Гончарова А.А. Письмо Рене Декарта аббату Мерсенну (20 ноября 1629 года). Перевод с английского [Электронный ресурс] / А.А. Гончарова // Электронный научно-образовательный журнал Studia Humanitatis. 2015. №1. – Режим доступа: <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/goncharova.pdf> (дата обращения: 27.04.2015).
45. Гончарова А.А. Проблемы языка в философии Фрэнсиса Бэкона / А.А. Гончарова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – №12. – С. 197-202.
46. Гончарова А.А. Соотношение языка и мышления в схоластической философии / А.А. Гончарова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2015. – Т.19. – С. 111-117.
47. Гончарова А.А. Средневековая экзегеза как фундамент современной лингвофилософии / А.А. Гончарова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – №16, Т.4. – С. 38-45.
48. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. Учеб. Пособие / А.Х. Горфункель. – М.: Высш. школа, 1980. – 368 с.
49. Гриненко Г.В. История философии: Учебник / Г.В. Гриненко. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – 688 с.
50. Губин В.Д. Философия / В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина, В.П. Филатов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТОН-Остожье, 2001. – 704 с.

51. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода [Текст] // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, – 1964. – 400 с.
52. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. З.М. Мурыгиной. – М.: Прогресс, 1984. – С. 307-323.
53. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [Текст] / Пер. с франц. Г.Г. Слюсарева // Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. I / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
54. Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз / Пер. Я.Я. Свирского. – М.: Академический проект, 1998. – 480 с.
55. Деррида Ж. Есть ли место переводу: философия на национальном языке (к «словесности на французском»): пер. с фр. О. Гейдаровой и С.Л. Фокина // Ж. Деррида. – Логос. – №5-6. – 2011. – С. 114-133.
56. Дживелегов А.К. Творцы итальянского Возрождения: В 2 кн. Кн. 1 / А.К. Дживелегов / Общ. ред. и сост. Р. Хлодовского. – М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1998. – 352 с.
57. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 538 с.
58. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии / А.Л. Доброхотов. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – С. 15-16.
59. Душин А.В. Софисты как основатели интеллектуального образования / А.В. Душин // Вестник ВЭГУ. – 2012. – №1(57). – С. 98-103.

60. Дьяченко О.Н. Онтологический статус слова в средневековой философии / О.Н. Дьяченко // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С.14-22.
61. Дьяченко О.Н. Экзегеза в контексте средневековой философии: А. Августин / О.Н. Дьяченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2011. – № 3. – С. 163-167.
62. Егорова Л.В. Английская библия и становление стиля метафизической поэзии [Текст]: Дис. док. филол. наук: 10.01.03 / Егорова Л.В. – Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2009. – 356 с.
63. Жолудева Л.И. Спор о названии языка в лингвистических трудах Чинквеченто как отражение проблем формирования итальянской идентичности / Л.И. Жолудева // Древняя и Новая Романия. 2013. – № 2 (12). – С. 36-48.
64. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии: Учеб. Пособие / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
65. Ивин А.А. Философия коллективного творчества. История, язык, мораль, религия, игры, идеология и др. / А.А. Ивин. – М.: Проспект, 2017. – 430 с.
66. Иеромонах Геннадий (Поляков) Соотношение веры и разума в трудах Ансельма Кентерберийского / Иеромонах Геннадий // Христианское чтение, 2009. – № 9-10. – С. 178-193.
67. Ионкис Г. «Спор о еврейских книгах» как пролог к реформации [Электронный ресурс] / Г. Ионкис // Литературно-публицистический журнал «Лехаим». – 2002. – №8(124). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/124/spor.htm> (дата обращения: 07.10.2014).

68. Канке В.А. Философия / В.А. Канке. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2007. – 376 с.
69. Кант И. Критика чистого разума. Том 3 / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – 574 с.
70. Карабыков А.В. Лингвистические воззрения Августина в культурном контексте поздней античности и раннего Средневековья А.В. Карабыков // Язык и культура. – 2011. – № 4. – С. 30-43.
71. Карданова Н.Б. Пьетро Бембо и литературно-эстетический идеал Высокого Возрождения / Н.Б. Карданова. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 152 с.
72. Карнап Р. Логические основания единства науки [Текст] // Язык, истина, существование / сост. В.А. Суровцев. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 2002. – С. 29-40.
73. Касавин И.Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания / И.Т. Касавин // Философия науки. – 2004. – №10. – С. 86-117
74. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык / Э. Кассирер. – СПб: Университетская книга, 2002. – 272 с.
75. Кастильоне Б. Придворный / Б. Кастильоне / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI века. – СПб, – 2002. – С.181-247.
76. Комаров А.И. Античная философия (Демокрит, Платон) и проблема творчества/ А.И. Комаров // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – №2(2). – С. 55-63.
77. Коменский Я.А. Предвестник всеобщей мудрости// Избранные педагогические сочинения / Я.А. Коменский // В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 656 с.
78. Королевич А.М. Книга об эсперанто / А.М. Королевич. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 253 с.
79. Куликов Д.К. Проблема мышления в философии Аристотеля / Д.К. Куликов // Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные

- гуманитарные науки. – Ростов-н/Д: Типография Сармат, 2011. – С. 90-94.
80. Лебедев С.П. Логическая природа сократовского знания / С.П. Лебедев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №56. – С. 28-33.
81. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения / М.В. Лебедев. – М.: ЛКИ, 2008. – 168 с.
82. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
83. Лисанюк Е.Н. Учение о мысленном языке в средневековой философии / Е.Н. Лисанюк // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2000. – № 3. – С. 385-394.
84. Литвин Т.В. О влиянии христианской традиции толкования священного писания на герменевтику Г.-Г. Гадамера / Т.В. Литвин // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2012. – Т. 13. – С. 63-74.
85. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т.2 Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969. – 641 с.
86. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М.: «Издательство АСТ», 2000. – 960 с.
87. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1978. – 624 с.
88. Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама / С.П. Маркиш. – М.: Художественная литература, – 1971. – 224 с.
89. Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета / Б.М. Мецгер. – М.: Библийско-Богословский институт, 1996. – 325 с.
90. Мечковская Н.Б. Язык и религия: лекции по философии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство "ФАИР", 1998. – 352 с.

91. Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: монография / С.К. Милославская. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 400 с.
92. Михайлов А. Д. Французский гуманизм / А.Д. Михайлов // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3 – С. 228-231.
93. Моррис Ч. Основания теории знаков [Текст] // Семиотика. Антиология / Сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. И доп. – М.: Академический проект, 2001. – 110 с.
94. Муравьев А.Н. Логос и диалог: Платон о начале и методе познания / А.Н. Муравьев // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. – 1997. – №1. – с.56.
95. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Египетские, русские и итальянские зодиаки. Открытия 2005-2008 годов / Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. – М.: Астрель, 2010. – 478 с.
96. Оккам У. Сумма всей логики // У. Оккам: Избранное / Пер. с лат. А.В. Апполонова, М.А. Гарнцева; под общ. ред. А. В. Апполонова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
97. О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020 годы: постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. №481 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №21. – Ст. 3118.
98. Петрарка Ф. О средствах против всякой судьбы [Текст] / Пер. с лат. Н. Девятайкиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. 1/ Под ред. С. М. Стама – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – 240 с.
99. Пирогов О.К. Экзегетические методы свт. Иоанна златоуста в его толковании на послание св. Ап. Павла к римлянам / О.К. Пирогов // Христианское чтение, 2009. – № 9-10 – с. 68-99.

100. Платон Апология Сократа [Электронный ресурс] / Платон / Пер. М.С. Соловьева, 1903 г. – Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/apologia.htm> (дата обращения 02.11.2013).
101. Платон Государство. Кн. 3 Роль поэзии в воспитании стражей / Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 1502 с.
102. Платон Кратил / Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 1502 с.
103. Платон. Менон / Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 1502 с.
104. Платон Парменид // Диалоги Платона / С ком. А.Ф. Лосева [Электронный ресурс]. – Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры [Сайт]. – Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/24parme.htm> (дата обращения: 7.11.2013).
105. Проблемы языка в глобальном мире/ Под ред. Ганиной Е.В., Чумакова А.Н. – М.: Проспект, 2015. – 269 с.
106. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье: Пер. с ит./ Дж. Реале, Д. Антисери / Пер. с ит. С. Мальцевой. – СПб: Издательство Пневма, 2003. – 688 с.
107. Ревякина Н.В. Творческий путь Лоренцо Валлы и его философское наследие// Лоренцо Валла Об истинном и ложном благе. О свободе воли (Сер. Памятники философской мысли) / Пер. Н.В. Ревякиной. – М.: Наука, 1989. – 476 с.
108. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
109. Рязанов П.А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора / П.А. Рязанов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 207-212.

110. Сахневич С.В. Уильям Тиндейл: на костер ради потребителя перевода / С.В. Сахневич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9 (39) – с.151-154.
111. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Общ. ред. А. Ф. Лосева. / Пер. с древнегреч. – Т. 2. – М.: «Мысль», 1976. – 421 с.
112. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира / Э. Сепир [и др.]; под ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 127-138.
113. Сигер Брабантский Вопросы о разумной душе / С. Брабантский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. Т.2 / С. С. Неретина, Л. В. Бурлака; под ред. С. С. Неретиной. – СПб: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – 539 с.
114. Смирнов А.А. Джованни Боккаччо / А.А. Смирнов // Джовани Боккаччо. Фьяметта. Фьезоланские нимфы/ Под ред. И.Н. Голенищева-Кутузова, А.Д. Михайлова. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – с. 261-288.
115. Соломоник А.Б. О языке и языках [Электронный ресурс]// Вики-системы компетентных публикаций по еврейским и израильским темам [Сайт]. Режим доступа: http://pubs.ejwiki.org/wiki/Абрам_Бенцианович_Соломоник●●О_языке_и_языках●Глава_10 (дата обращения: 07.03.2015).
116. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.
117. Степанова А.С. Философия Древней Стои / А.С. Степанова. – СПб: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 1995. – 272 с.
118. Степанова Л.Г. История итальянского языкознания XIV-XVI веков [Текст]: Дис. д-ра. фил. наук: 10.02.20/ Институт Лингвистических исследований РАН, СПб, 2000. – 510 с.

119. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения) / Л.Г. Степанова. – СПб: Изд-во РХГИ, 2000. – 504 с.
120. Степанова Л.Г. Тонкословие латинского языка Лоренцо Валлы / Л.Г. Степанова. – СПб: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 23.
121. Столяров А.А. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья / А.А. Столяров. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – с.281-287
122. Сусов И.П. История языкознания [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – Библиотека «Гумер» [Сайт]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_04.php (дата обращения: 27.02.2014).
123. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – М.: «Восток-Запад», 2006. – 200 с.
124. Тайсина. Э.А. Философские вопросы семиотики / Э.А. Тайсина / Под ред. И.С. Нарского. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб: Алетейя, 2015. – 208 с.
125. Татаркевич Вл. История философии: Пер. с польск. [Электронный ресурс] / Пер. В.Н. Квасков. – Библиотека «Куллиб» [Сайт]. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/5722/read#t11> (дата обращения 17.11.2013).
126. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку/ Б. Уорф [и др.]; под ред. К. Королева. – Языки как образ мира. М.: АСТ, 2003. с. 139-201
127. Философский словарь / Г. Шмидт / Пер. с нем. / Общ. ред. В.А. Малинина. – 22-е, новое, переработ. изд. – М.: Республика, 2003. – 576 с.
128. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации/ И.Г. Фихте / Пер. с нем. А.А. Иваненко. – СПб: Наука, 2009. – 349 с.

129. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / А.В. Лебедев. – М.: Наука. 1989. – 576 с.
130. Фрагменты ранних стоиков. Т.2: Хрисипп из Сол. Часть 1. Логические и физические фрагменты/ Пер. и ком. А. А. Столярова. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – 280 с.
131. Фролов И.Т. Введение в философию / И.Т. Фролов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2003. – 623 с.
132. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко / Пер. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. – СПб: А-сad, 1994. – 408 с.
133. Хегглунд Б. История теологии: Пер. с швед. / Б. Хегглунд / Пер. с швед. В.Володин. – СПб.: Светоч, 2001. – 370 с.
134. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса/ Н. Хомский / пер. В.А. Звегинцева. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 258 с.
135. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер / Пер. с нем. А.Л. Вольского. Науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб: Европейский дом, 2004. – 242 с.
136. Шохов А.С. Структура ментального мира классической Греции [Электронный ресурс] / А.С. Шохов. – Новосибирск, 1993. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schov/03.php (дата обращения 10.10.2013).
137. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко / Пер. А. Миролобовой. – СПб: Александрия, 2007. – 421 с
138. Югай Г.А. Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и революция в философии / Г.А. Югай. – М.: Крафт+, 2007. – 400 с.

139. Якушкина Т.В. Зарождение петраркистской традиции в Италии XV века / Якушкина Т.В. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – №4. – с. 119-128.
140. Яхьяев М.Я. Средневековая мудрость и идеалы Возрождения (Очерк развития философской мысли) / М.Я. Яхьяев // Вопросы философии. – 2002. – №3. – С. 112.
141. Abelard P. Sic et Non: A Critical Edition / P. Abelard / in B.B. Boyer and R. McKeon (ed.). – Chicago: University of Chicago Press, 1977. – 772 p.
142. Aristotle De Interpretatione / Aristotle // Categories and De Interpretatione / Translated by J.L. Ackrill. – Oxford: Clarendon Press, 2002. – 162 c.
143. Bembo P. Prose della volgar lingua. Edizione di riferimento: Prose e rime di Pietro Bembo, a cura di C. Dionisotti, Torino, UTET, 1966 [Electronic resource]// La biblioteca digitale della letteratura italiana [Site] – URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t79.pdf (date of access: 13.03.2016).
144. Bod R. A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns from Antiquity to the Present / R. Bod. – Oxford University Press, 2014. – 400 p.
145. Burns W.E. The Scientific Revolution: An Encyclopedia / W.E Burns. – Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2001. – 387 p.
146. Chapman S., Routledge C. Key Thinkers in Linguistics and the Philosophy of Language/ S. Chapman, C. Routledge. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 133 p.
147. Damian Peter Selections from his Letter on Divine Omnipotence /Translated by Paul Vincent Spade, Department of Philosophy, Indiana University, Bloomington, IN 47405 [Electronic resource]. Professor of Philosophy Emeritus Paul Vincent Spade's Home Page [Official site]. – URL: <http://www.pvspade.com/Logic//docs/damian.pdf> (date of access: 19.01.2014).

148. David M.K. Working Together for Endangered Languages: Research Challenges and Social Impacts / M.K. David, N. Ostler, C. Dealwis. – FEL XI: Foundation for Endangered Languages, University Malaya. – Kuala Lumpur, Malaysia, 26-28 October 2007. – P. 47-55.
149. De Libera A. Penser au Moyen Âge / A. De Libera. – Paris, Éd. du Seuil (Chemins de pensée), 1991. – 419 p.
150. Dissoi Logoi: Two-Fold or Contrasting Arguments (Circa 425 BCE) [Electronic resource]// T.M. Robinson's Contrasting Arguments: An Edition of the Dissoi Logoi. – New York: Arno Press, 1979. – URL: http://www.constitution.org/gr/dissoi_logoi.html (date of access: 12.04.2014).
151. Garin E. History of Italian Philosophy / E. Garin. – Amsterdam: Rodopi, 2008. – 1373 p.
152. Giglioni G. Francis Bacon. The Oxford Handbook of British Philosophy in the Seventeenth Century / in P.R Anstey (ed.) / G. Giglioni. – Oxford: Oxford University Press (pp. 41-73), 2013. – 651 p.
153. Guzie T.W. Patristic hermeneutics and the meaning of tradition / T.W. Guzie // Theological studies. – 1971. – №32. – P. 647-658.
154. Henry F.G. Language, Culture, and Hegemony in Modern France: 1539 to the Millennium / F.G Henry. – Birmingham, Ala: Summa Publications Inc., 2008. – 287 p.
155. History of the language sciences: an international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present / in S. Aurox (ed.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – 888 p.
156. Hutchins Z. Inventing Eden: Primitivism, Millennialism, and the Making of New England / Z. Hutchins. – NY: Oxford University Press, 2014. – 344 p.

157. Jermolowicz R. On the project of an universal language in the framework of the XVII century philosophy / R. Jermolowicz // *Studies in logic, grammar and rhetoric*. – 2003. – №6 (19). – P. 51-61.
158. Nauta L.W. Lorenzo Valla and the rise of humanist dialectic / L.W. Nauta // *The Cambridge Companion to Renaissance Philosophy* / in J. Hankins (ed.). – Cambridge, 2007. – P. 193-210.
159. Salutati L.C. *Epistolarium di Coluccio Salutati (Fonti per la storia d'Italia, 15-18 bis)* / L.C. Salutati / Ed. Francesco Novati. – Roma 1891-1911 [Electronic resource] // University of Applied Sciences [Official site]. – URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost14/Salutati/sal_ep14.html (date of access: 13.03.2016).
160. Spade P. V. *Thoughts, Words and Things: An Introduction to Late Mediaeval Logic and Semantic Theory* [Electronic resource] / Professor of Philosophy Emeritus Paul Vincent Spade's Home Page [Official site]. – URL: http://www.pvspade.com/Logic//docs/Thoughts,%20Words%20and%20Things1_2.pdf (date of access: 27.01.2014).
161. Stillman R.E. *The New Philosophy and Universal Languages in Seventeenth-century England: Bacon, Hobbes and Wilkins* / in Robert E. Stillman (ed.). – London: Associated University Presses, 1995. – 147 p.
162. Subbiondo J.L. *Universal Language Schemes and Seventeenth-Century Britain. Concise History of the Language Sciences: From the Sumerians to the Cognitivists* / J. L. Subbiondo / in E.F.K. Koerner and R.E. Asher (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 497 p.
163. Teems D. *Tyndale: The Man Who Gave God an English Voice* / D. Teems. – Nashville, Tennessee: Thomas Nelson Ink., 2012. – 336 p.
164. Walker V. *William Tyndale: Contribution to the English Language and Father of the English Bible* [Electronic resource] / V. Walker // The in-

ternational student journal “Student Pulse”. – 2012. – №2 [Official Site]. – URL <http://www.studentpulse.com/articles/619/william-tyndale-contribution-to-the-english-language-and-father-of-the-english-bible> (date of access: 17.10.2014).

165. Wilkins J. An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language / J. Wilkins. – London, Royal Society, 1668. – 454 p.